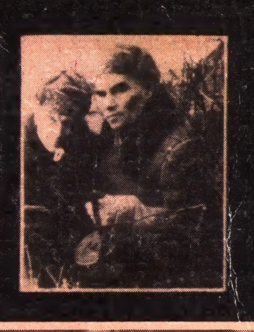

И. В. Виноградов

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ МАРТА

И. В. Виноградов

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ МАРТА

ЛЕНИЗДАТ · 1984

9(С)27
В49

Виноградов И. В.

В49 Тревожные дни марта.— Л.: Лениздат, 1984.— 239 с., ил.

В этой книге автор продолжает рассказ о Ленинградском партизанском крае, начатый им в документально-художественной повести «Дорога через фронт». Разгром вражеских гарнизонов и продвижение к линии фронта партизанского продовольственного обоза в осажденный Ленинград, борьба с фашистской авиацией и устройство засад на железных и шоссейных дорогах, выпуск советских газет в тылу врага и работа партизанского госпиталя, деятельность оргтроек по восстановлению Советской власти на оккупированной врагом территории и героическая жизнь населения Партизанского края — все это достоверно и ярко отражено в настоящей повести.

Книга написана на основе архивных материалов, рассказов бывших партизан и личных впечатлений автора.

В $\frac{0505030292-224}{М171(03)-84}$ 81—84

От автора

Уходят в прошлое годы и события. Уже четыре десятилетия отделяют нас от суровых лет Великой Отечественной войны. Она стала страницей истории советского народа, но в памяти нашей живет постоянно. После войны выросло два поколения взрослых людей. Они строят новую жизнь, достойно продолжая героические дела старших. Они живут и трудятся под мирным небом. Они не видели войны. Но помнить о ней им тоже надо всегда.

В военные годы мне довелось быть в рядах партизан на Псковщине, редактировать газету, участвовать в боях. У меня десятки фронтовых друзей. Рассказать о них, вспомнить их подвиги я считаю своим долгом.

Есть на границе нынешних Псковской и Новгородской областей уголок земли, который в годы войны называли Партизанским краем. Он возник в начале августа сорок первого года в четырехугольнике между Дно и Старой Руссой на севере, между Бежаницами и Холмом на юге. К весне сорок второго года на его территории находилось около четырехсот населенных пунктов Ашевского, Белебелковского, Дедовичского, Дновского и Поддорского районов.

Ленинградский партизанский край был первым советским районом в тылу врага, отвоеванным партизанами у фашистских захватчиков. Здесь был полностью ликвидирован оккупационный режим, восстановлены советские порядки. В крае работали сельсоветы и колхозы, школы и больницы, выходили печатные газеты. Руководили населением оргтройки, созданные партизанским командованием из партийных и советских работников. Они выполняли функции райкомов партии и райисполкомов.

Это был не покорившийся врагу советский остров, настоящая партизанская «лесная республика» с четко очерченными границами и оборонительными рубежами. Об этом крае знала вся страна. О нем не раз писали центральные газеты. Руководство краем, как и всей партизанской борьбой под Ленинградом, осуществлял Ленинградский обком партии и созданный им штаб партизанского движения.

Основной силой в крае была 2-я партизанская бригада во главе с командиром Николаем Григорьевичем Васильевым, посмертно удостоенным звания Героя Советского Союза, и комиссаром Сергеем Алексеевичем Орловым. Советское Информбюро в целях конспирации называло бригаду соединением партизан под командованием товарищей В. и О.

Эта книга рассказывает о жизни и борьбе Ленинградского партизанского края в марте 1942 года. Она является продолжением документально-художественной повести «Дорога через фронт», выпущенной в Воронеже, а затем переизданной в Ленинграде и Москве. В ней те же герои, что и в первой. Они (за исключением некоторых собирательных образов) — подлинные участники войны, в тексте названы их настоящие имена. Книга иллюстрирована фотоснимками, сделанными в тылу врага фронтовыми корреспондентами А. Каплером, М. Трахманом, И. Корсуном, В. Капустиным, а также фотографами-любителями.

Повесть «Дорога через фронт» заканчивалась отправкой к линии фронта легендарного партизанского обоза с продовольствием для ленинградцев. Это было 5 марта 1942 года. С того памятного дня и начинается данное повествование.

Пусть эта книга еще раз напомнит читателям о том, что такое война, расскажет, как бесстрашно сражались в тылу врага наши партизаны, какой дорогой ценой была завоевана великая Победа советского народа над фашизмом.

Глава 1 ЗАРЕВО НАД ШЕЛОНЬЮ

Отшумели февральские вьюги. Стихли колючие ветры, чтобы набрать сил для предстоящего весеннего вольного разбега. Выше поднялось небо. Оно все чаще сбрасывало с себя покрывало туч и сверкало холодной бездонной синевой. Но до настоящей весны было еще далеко.

Мы подводили итоги зимних походов и сражений. Налеты на город Холм и поселок Дедовичи, разгром фашистских гарнизонов в Ясских и Тюрикове, десятки диверсий и засад — вот боевые дела, которые вписала в летопись своих зимних побед 2-я партизанская бригада. А в перерывах между боями она помогала жителям края собрать продовольствие для осажденного Ленинграда. В ночь на 6 марта обоз отправился в опасный путь к фронтовой полосе, чтобы пересечь ее и доставить продукты ленинградцам. Участников этого беспримерного путешествия провожали командир бригады Николай Васильев, комиссар Сергей Орлов и находившийся в это время в Партизанском крае начальник партизанского отдела штаба Северо-Западного фронта Алексей Асмолов.

Поздно ночью командиры вернулись на базу. Это был целый городок землянок, в которых размещались штаб бригады и многие его службы. Лагерь находился в лесу, с трех сторон окруженном болотом. На карте это место называлось пустошь Гороватка.

Издали ничто не напоминало о расположенном здесь партизанском лагере. Уголок леса казался пустым и безлюдным.

Но так казалось лишь на первый взгляд. В лагере ни днем, ни ночью не затихала жизнь. На окраинах круглые сутки бодрствовали часовые, по лесным тропам прохаживались патрули. В бригадной и штабной землянках до глубокой ночи мерцали огоньки: там командиры обсуждали прожитый день и разрабатывали новые боевые операции. В радиорубке в полночь и за полночь стучали

ключом связисты. В землянке — «лесной типографии» погромыхивала печатная машина: здесь печатались партизанские газеты. В одной из землянок стрекотали швейные машинки: местные портные чинили и шили партизанам одежду. На кухне потрескивали в печи сухие дрова: повара готовили ранний завтрак.

Минувшая ночь прошла сравнительно спокойно, если не считать прибытия в лагерь бойца охраны из деревни Беседки. Он услышал громкий скрип многих санных полозьев и, не зная о том, что из Нивок на Глотово двигался партизанский обоз, встревожился и прибежал доложить об этом комбригу.

К утру комиссара Орлова срочно вызвали на Большую землю. Не успел он отдохнуть после возвращения из Нивок, как радист Коля Веселов принес ему радиограмму с требованием при первой возможности вылететь в Валдай. Такая возможность представилась сразу: в эту ночь партизаны принимали самолеты У-2, те садились на льду Краснодубского озера.

Вызов Орлова, по-видимому, был сделан не без участия заместителя начальника партизанского отдела штаба фронта Алексея Тужикова, который недавно вылетел на Большую землю вместе с кинодраматургом Алексеем Каплером и инструктором политуправления фронта Семеном Беспрозванным. При отъезде Тужиков намекнул комиссару:

— Думаю, Сергей, что вслед за нами и тебе придется перелететь через линию фронта. Так что будь готов.

...В то утро комбриг Васильев проснулся раньше обычного. Собственно, он почти не спал: простился с Орловым, прилег на нары и едва придремнул, как ординарец склонился над ним.

— Что, уже пора? — Николай Григорьевич резко оторвал голову от подушки.

В петлицах военной гимнастерки (партизаны спали не раздеваясь) блеснули три шпалы — старший батальонный комиссар. Легким движением руки Васильев взлохматил волосы, протер усталые глаза и, накинув на плечи черную длиннополую шубу, вышел из землянки.

Это был высокий стройный человек лет тридцати пяти. У него резкие черты лица, почти сросшиеся на переносице брови и глубокая ямочка на подбородке. Внешне он казался строгим, даже суровым. И только добрые, чуть смеющиеся глаза и еле заметная мягкая улыбка выдавали его внутреннюю теплоту и глубокую сердечность.

На улице еще только рассветало. Медленно таяла ночная мгла. Но лагерь уже пришел в движение. Сновали от землянки к землянке, разговаривая вполголоса, связные, уходили в наряд бойцы комендантского взвода, спрыгивали с коней прибывшие в лагерь командиры: на утро было назначено оперативное совещание. Комбриг собирался выехать на несколько дней к восточной границе края. Там предстояла серьезная боевая операция. Перед отъездом он решил обсудить некоторые неотложные вопросы и дать необходимые указания.

Утренний свет настойчиво пробивался сквозь лесную чащу. Вот уже на фоне побледневшего неба стали вырисовываться, словно проявляться на фотобумаге, контуры заиндевелых берез. Заблестели усыпанные снежной крупкой тропки и дорожки.

Васильев вышел на главную тропу, которую мы громко называли «Проспектом командиров», и направился к землянке радистов. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как из-за деревьев с пронзительным ревом вылетел вражеский самолет. За ним второй, третий... Самолетов было много. Они неслись над лесом с огромной скоростью, едва не задевая крыльями верхушки сосен. Васильев даже разглядел затянутые шлемами лица летчиков.

Пулеметная очередь строчкой прошла рядом. Комбриг глянул на землянку связистов: надежно ли укрыта? Сверху лежала срубленная ель, она скрывала от глаз крышу. Сбоку землянку заслоняла поленница дров. У входа высилась большая ветвистая сосна. Над подслеповатым окошком свисали еловые ветки. Маскировка по всем правилам. Только легкий сизый дымок, куривший-ся над крышей, выдавал партизанское убежище.

«Самолеты... Причем уже не первый раз, — думал Васильев, повернув к своей землянке.— То они обстреляли нас на пути к Нивкам, то забросали бомбами Острый Камень и спалили ряд деревень под Белебелкой. А теперь и лес стал мишенью для них...»

Комбриг еще раз посмотрел на восток, куда шли вражеские самолеты, и вспомнил об обозе. Ведь где-то там, прячась в жидких болотных соснах, пробиралась к линии фронта длинная вереница подвод. «Неужели выследят? Неужели обнаружат?»

До сих пор мы знали, что фашистские самолеты на нашем участке фронта стремились спасти окруженную советскими войсками армию генерал-полковника фон Буша. Двести тонн груза ежедневно перебрасывали они

в «демянский котел». Об этом нам сообщили из штаба фронта.

Воздушная трасса врага пролегала над Партизанским краем, над нашим лесным лагерем. Были дни, когда с утра и до позднего вечера не затихало небо.

Первое время мы боялись вражеской авиации, при каждом появлении самолетов жались к шершавым, плачущим смолой стволам сосен, с опаской поглядывая вверх. Но занятые фронтом, летчики, казалось, не обращали на нас никакого внимания. Лишь на обратном пути, возвращаясь из-под Демянска, они без всякой видимой цели иногда разряжали свои пулеметы над лесом. Мы к этому привыкли. Под стаями черных крылатых хищников, под гудящим небом жили, работали и воевали тысячи советских людей.

Все изменилось в последние дни. Фашистские самолеты начали регулярно обстреливать край. Наряду с «юнкерсами» в воздухе все чаще кружили «хейнкели» и «фокке-вульфы» — «рамы» и «костыли», как мы их называли. Они шли на низком потолке над кустами и оврагами, выслеживая партизан, охотились за каждым человеком, стреляли термитными пулями, от которых загорались постройки. Иногда в воздух поднимались тяжело груженные «мессершмитты». И тогда тонны фугасных и зажигательных бомб падали на беззащитные села.

...В землянке собрались руководящие работники бригады. Кроме Васильева здесь были начальник штаба Василий Головай, начальник политотдела Александр Майоров и начальник особого отдела Николай Иванов. Тут же сидел полковой комиссар Алексей Асмолов.

Находясь под впечатлением только что виденного, комбриг прежде всего заговорил о действиях фашистской авиации:

— Я требую усилить меры предосторожности! С завтрашнего дня запрещаю ходить и ездить в дневное время. Все движение в крае разрешать только ночью. Передвигаться днем лишь в исключительных случаях. Головай, заготовь приказ и распоряжение тройкам. Да и в лагере надо установить особый режим.

Было приказано днем в лагере не топить печей, ходить осторожно, маскируясь под деревьями. Тропинки подсыпать снегом, обнажившиеся углы землянок прикрыть хвойными лапами.

— Проследи за этим, Александр Федорович,— кивнул Васильев в сторону Майорова.— Ведь стоит гитлеровцам

узнать о нашем лагере, они за один час поднимут его в воздух.

— Товарищ комбриг,— сказал Головай,— в руки противника попали наши пароли на первую половину марта.

— Как это случилось?

— Они захватили во втором полку начальника штаба отряда, а у него оказался при себе приказ.

— Сейчас же разослать по полкам и бригадам новые пароли. И предупредить, чтобы не пользовались старыми.

— А я хочу вновь напомнить вам о разведке,— строго заговорил Асмолов. Он сидел в переднем углу и неторопливо попыхивал трубкой.— Многие из вас по-прежнему ее недооценивают. Начальника бригадной разведки Павлова отправили с обозом, а замену ему не нашли. Слышали, как в первом полку разведали гарнизон? Доверились детским рассказам.

— Слышал,— раздраженно ответил Васильев.— Я им сейчас пошлю «поздравление».

Васильев вырвал из тетради лист бумаги и торопливо написал:

Юрьеву, Казакову.

Плохо ведете разведку.

Закон: если группа разведчиков заметила противника, она ведет наблюдение и через связных докладывает вышестоящему начальнику.

Что сделала ваша разведка? Узнала от детей о противнике и немедля вся отошла. Какая разведка так поступает? Надо учить людей действиям в разведке.

Поставив размашистую подпись, Васильев передал бумагу Головаю.

— Поняли замечание полкового комиссара? — поднял глаза комбриг.— Иван Павлов действительно уехал сопровождать хлебный обоз через линию фронта. Пускать в дорогу одного Потапова, которого мы назначили начальником обоза, было бы неразумно. Павлова будет временно замещать Николай Иванович Иванов — начальник особого отдела бригады.

— А что мы ответим гвардейцам-панфиловцам? — спросил Головай.— Они просят выделить им в помощь людей.

— Не можем. Так и напиши от моего имени командиру дивизии Чистякову и комиссару Егорову. Сообщи, что партизаны выполняют боевой приказ штаба фронта. Когда закончим операцию, поможем.

Речь шла о готовящемся налете партизан на фашистский гарнизон в Белебелке. Было решено совершить налет в ночь на 8 марта. Васильев и Головай собирались выехать на место, чтобы самим руководить боем.

— Вот, кстати, «молния» от Курочкина и Ватутина,— продолжал комбриг, прочитывая полученные радиограммы.— Адресована вам, Алексей Никитович, мне и комиссару. Пишут: «Увяжите налет на Белебелку с действиями наших воинских частей. Обязательно атаковать и полностью уничтожить противника».

Скрипнула дверь, и вместе с клубами морозного пара в землянку вошли двое незнакомых. Одеты они были в новые шубы, перетянутые ремнями. Сбоку висели маузеры, на груди автоматы. Первый, плотный, невысокий, с умными спокойными глазами и шрамом на щеке, вытянулся и по-военному доложил:

— Майор Буйнов, командир первой особой бригады. Со мной — комиссар Кириллов. Прибыли по вашему распоряжению.

Васильев быстро встал и шагнул навстречу:

— Вот вы какой, Буйнов. Много слышал о вас.

— Не больше, чем я о вас слышал,— улыбнулся Буйнов.

— Никита Петрович, кажется? Представляю вам полкового комиссара Асмолова, начальника партизанского отдела.

Буйнов смутился:

— Простите, Алексей Никитович, я не узнал вас. Не думал, что вы здесь.

— Ничего,— мягко сказал Асмолов.— Не узнать начальника — не велика беда. Лишь бы дело знали.

Первая особая партизанская бригада состояла в основном из кадровых военных. Входили в нее и местные жители. До января бригада действовала в районе Демянска, Полы и Старой Руссы. Потом, в дни окружения нашими войсками 16-й немецкой армии, помогала фронту разведывать тылы противника, принимала участие в наступательных операциях. Когда окружение врага было завершено, бригаду отвели на отдых, хорошо вооружили и после передышки направили в Партизанский край.

— Как разместились? — спросил Асмолов.

— Хорошо. Разрешите сесть? — Буйнов сел, снял шапку и пригладил ладонью густые вьющиеся волосы.— Нам много рассказывали о Партизанском крае. И когда мы вступили в эту зону, напряжение и усталость как

рукой сняло. Будто на Большую землю пришли. Жители нам праздничный ужин устроили. В общем, встречают по-братски.

Васильев рассказал Буйнову и Кириллову о положении дел в крае.

— А теперь слушайте боевую задачу.— Асмолов расстегнул планшет и расстелил на столе карту-километровку.— Выводите бригаду вот сюда, на берег Шелони. Справа от вас будет Железница, слева — Заполье, на юге — Кипино, на востоке — Зуево и Броды. Главная цель — оседлать железную дорогу на участке Дедовичи — Чихачево и закрыть фашистам путь в Партизанский край со стороны Дедовичей. Свои боевые действия распространяйте в сторону Дно. Вашими соседями будут с севера — полк Рачкова, с юга — полк Скородумова. Обо всем докладывайте штабу Второй бригады. Вопросы есть?

— Нет.

Буйнов и Кириллов вышли. Как только за ними закрылась дверь, Васильев заторопился в дорогу.

— Николай Григорьевич, — обратился к комбригу Майоров.— Как вы смотрите, если с вами, под Белебелку, поедет инструктор политотдела Миша Иванов? Не против? А мы с Николаем Ивановичем хотим добраться до Глотова. Мне надо свезти раненым подарки и свежие газеты, заодно поздравить врачей и медсестер с женским праздником. Если не возражаете, задержусь на денек в отрядах, проверю, как политическая работа налажена.

— Хорошо. В госпиталь и я загляну. Передайте адъютанту, пусть запряжет Фреску.

Васильев повесил на грудь бинокль, закинул за плечо автомат и, простившись с Асмоловым, вышел. Поспешил и Майоров. По дороге встретив меня, спросил:

— Ты как, очень занят газетой?

— Газета уже вышла.

— Тогда едем в Глотово.

Я доложил редактору Константину Обжигалину, к которому всегда относился как к старшему, о предстоящей поездке и сел в сани к Майорову. Через минуту мы уже неслись по лесной дороге вслед за комбригом и Мишей Ивановым.

Был ясный полдень. В лучах солнца порхали, кружились снежинки. Казалось, воздух был наполнен множеством искр. От крепкого мороза потрескивал на реке лед.

Дорога вывела нас на лесную просеку, где по обеим сторонам выстроились прихваченные морозом высокие березы и осины. Мохнатый иней искусно обрамлял их ветви. Лошади бежали мелкой рысцой, стараясь согреться.

Только мы выехали на опушку леса, как в воздухе раздался монотонный гул моторов. Летела стая «юнкерсов». Пришлось укрыться под деревьями. За «юнкерсами» появились три разведчика — «Хейнкели-126».

Самолеты шли на малой скорости, словно прогуливались по небу. Вдруг один из них отделился, лег на крыло и пошел вниз. Мы с тревогой посмотрели на дорогу. По ней неслись санки. «Кто бы это мог быть?» В воздухе рассыпалась пулеметная очередь и подняла у дороги снежную пыль.

Мы видели, как из саней кубарем вывалился человек и успел хлестнуть лошадь. Самолет не отступал. Сделав разворот, он угрожающе накренился набок, дал очередь по убегающей лошади и лишь тогда подался в сторону.

Наш конь, подстегнутый кнутом, с ходу понесся рысью. Только снег взвихрился из-под саней. Вот и злополучное место.

— Эй, кто там? Подымайся! — крикнул Майоров.

В сугробе барахталась женщина.

— Екатерина Мартыновна! Ты как здесь? — удивился Александр Федорович, узнав ее.

— Подарки везу от колхозников,— ответила Петрова, отряхивая снег.— Раненым и медицинскому персоналу.

— Тогда садись. Вместе поедем. Сейчас мы твоего конягу быстро догоним.

Но догонять было некого. Конь, подстреленный с воздуха, лежал на оглоблях, запрокинув голову. Петрова подошла к саням, приподняла брошенную ею шубу и увидела два прострела на воротнике. Был пробит пулями и чемодан, в котором она везла подарки. Майоров нахмурился.

— Чтоб в последний раз ездила днем! Хватит голову под пули подставлять! — Помолчал немного и уже успокоившись сказал: — Да, Мартыновна! Послезавтра же ваш праздник. Позволь поздравить тебя с Женским днем.

— Спасибо. Сегодня у меня сразу несколько поздравлений. Одно получила от начальника политотдела, а второе дочка Эйла из Кургана прислала.— Петрова зябко закуталась в шубу и добавила: — Эту одежку я те-

перь вдвойне беречь буду. Ее мне в Ломовке подарили. А сейчас фашисты на ней отметку сделали. Реликвия.

Догнав нас и увидев убитую лошадь, Васильев с сочувствием посмотрел на Петрову. Еле заметная улыбка, озарявшая его лицо, моментально исчезла.

— Скажите, Екатерина Мартыновна, часто вражеская авиация зверствует в ваших местах?

— Часто. Дня не проходит, чтобы не было пожара или жертв. В прошлое воскресенье сожгли Ломовку. Неожиданно появился самолет и сразу открыл огонь из пулемета. Потом начал сбрасывать бомбы. Есть убитые и раненые. А два дня тому назад Гнилицы бомбили. Это в Юфимовском сельсовете. Четырнадцать домов снесло. В деревне партизаны стояли, троих ранило, а командира взвода из второго полка убило. Деревню Городовик два раза бомбили. Двадцать семь самолетов налетели. Представляете? Все дома разрушили. Ребятишек Язевых жаль. Шестеро сирот осталось. При первом налете отец погиб, а при втором — мать...

— И спастись от налетов трудно,— покачал головой Майоров.

— Спасаются, кто как может. В подвалах, на огородах. Услышат гул самолетов — и бегут прятаться кто куда. В Подосье женщина кормила грудью ребенка. Налетели самолеты. Не успела отскочить от окна... Недавно учитель Туманов попал...

— Это не тот, что в Подлупленнике нашу партизанскую газету читал? — спросил я.

— Тот самый. Там школу открыли. Ему сказали, что в соседнем селе какие-то учебники сохранились. Поехал. И что вы думаете? Целый час его самолет преследовал, не отстал, пока не убил и человека, и лошадь.

— Жаль, что у нас зениток нет,— сокрушенно покачал головой Василий Головай.— Мы бы им дали жару. А может, из пулеметов или противотанковых ружей попробовать? Ведь низко летают.

Комбриг насторожился. В самом деле, почему бы не открывать огонь по воздушным пиратам? Почему они безнаказанно господствуют в небе Партизанского края?

— Майоров! Вернешься в лагерь, посоветуйся с Асмоловым. А что, если дать приказ стрелять по самолетам? Все равно немцы знают, что в крае много партизан. Пусть в каждом отряде выделят группу стрелков. Дадут им пулеметы, противотанковые ружья. И построят установки для стрельбы по воздушным целям.

— Но летчики будут засекать наши огневые точки,— заметил Иванов.

— Ничего. Мы их менять будем.

Впереди показался какой-то странный обоз. Рядом с подводами шли люди. Их было много. Васильев поднес к глазам бинокль.

— Кажется, местные жители.

Теперь уже можно было разглядеть сани, груженные домашним скарбом, ребятишек, сидящих поверх узлов, женщин и стариков, шагающих за санями. Поравнялись.

— Что за переселенцы? — крикнул Николай Иванов.

— Перстово едет,— за всех ответил рыжебородый крестьянин.

— Было Перстово, а теперь от него один дом остался,— добавил другой.

Мимо нас потянулась вереница погорельцев. Они везли остатки уцелевшего от пожара имущества: кровати, стулья, матрацы, подушки, ведра, тазы и другую кухонную утварь, кур в корзинах. Видно, в деревне не хватило саней: пустили в ход детские санки. За возами шли овцы, привязанные к дровням коровы.

Узнав Васильева, крестьяне остановились, сгрудились вокруг него.

— Вот, Николай Григорьевич, дела-то какие,— продолжал рыжебородый.— Враг и до нас добрался. Пожег он, сволочь, нашу деревню. Мы и мосты на дорогах разобрали, думали, не придет. А он, проклятый, самолеты пустил. Ну и запалил.

Тяжело крестьянину покидать насиженное место! Тут прошла жизнь многих поколений его семьи. Случится, бывало, пожар — и погорелец строил новую избу непременно на прежнем месте, хотя у иных оно было неказистое, низкое, и можно бы, казалось, подобрать себе другое, получше. Сила традиции брала верх. Только огромная беда могла сдвинуть мужика со своего «ободворка», как называли у нас приусадебный участок. Такой бедой и была война.

— Где же ваши мужчины? — спросил Васильев, видя в толпе одних женщин, детей и стариков.

— К вам пошли, в партизаны.

— Ну а вы куда путь держите?

— Свет не без добрых людей. Приютят где-нибудь. У соседей, в Беседках, наверно, осядем. Звали они нас, сами приходили на пепелище.

Простившись с крестьянами, мы поехали дальше.

— Сколько таких погорельцев тянется сейчас по дорогам! — рассказывала Петрова.— Но люди не падают духом. Спокойно, без паники тушат пожары, переселяются в уцелевшие дома, строят себе жилища. Там, где огонь уничтожил все постройки, уходят в лес или в соседнюю деревню. Приехала я на днях в Ломовку. Там бани под жилье приспособили. В одной бане несколько семей живет. Теснота ужасная. Женщины в общем котле еду варят. Бывало, две снохи не могли в просторной избе ужиться, а тут никаких ссор. Сроднились, сблизились люди. Общее горе как узлом связало.

Мы решили взглянуть на то, что осталось от Перстова. Свернули с дороги влево и остановились, пораженные. Только и осталось, что тыны на огородах, кладбище с покосившимися крестами, одинокие колодезные журавли да длинные шесты со скворечниками у обгоревших берез.

Дымились разбросанные по снегу бревна. Как хлопья серой пены, подрагивала под ветерком свежая, еще не огрубевшая зола. Сиротливо смотрели в небо закопченные печные трубы. Из-под головешек и углей торчали искореженные огнем железные кровати, валялись черепки разбитой посуды.

По растоптанному и почерневшему снегу медленно ходил седобородый крестьянин — Дед-солдат, как его звали в деревне за долголетнюю службу в царской армии. Временами он останавливался и поднимал вверх голову.

Дед-солдат переходил от одного черного квадрата к другому, нагибался, рылся в горячей золе, что-то подбирал и бросал в перекинутую через плечо сумку. Потом он выпрямился, сделал шаг к потемневшей от огня березе, у которой, видно, стоял его дом, снял шапку, так что ветер подхватил и начал перебирать белые пряди непричесанных волос, и сказал, ни к кому не обращаясь, громко:

— Ничего! Корень у нас не подрезан.

Видевший эту сцену Васильев подошел к старику, положил ему на плечо руку, участливо спросил:

— Горюешь, отец?

Старик медленно повернулся, оглядел комбрига с ног до головы и поняв, что видит перед собой партизанского командира, ответил:

— Горевать мало, сын. Тут нож точить надо. Раньше я думал: куда гожусь? Как гильза от стреляного патро-

на. А теперь нет, шалишь.— Старик сжал в кулак крупную узловатую руку и зло потряс над головой.— Я тоже могу. Я еще покажу им, иродам, как обижать русского человека.

Рядом с березой, на обгорелом, еще не остывшем бревне, сидели две бледные девочки, закутанные в одежду взрослых. Они жались друг к дружке, стараясь согреться. Старшая поправляла накинутый на ее плечи отцовский пиджак и смахивала рукой слезы, обильно струившиеся по ее посиневшим щекам. Младшая тяжело всхлипывала.

Васильев, разговаривая со стариком, не переставал поглядывать в сторону плачущих детей. Потом он не вытерпел, подошел к девочкам, погладил по головке младшую и по-отцовски сказал:

— Не плачьте, милые. Мама-то ваша где?

Лучше б он этого не спрашивал! Из-под пиджака высунулась тоненькая ручонка и указала на бугры пепла.

— Вона мама, не видишь?

Васильев взглянул по направлению детской ручонки и вздрогнул: в куче пепла лежал обуглившийся труп.

Неподалеку стояла окаменевшая, застывшая в горе девушка, видимо сестра погибшей. Вдруг она словно ожила: подбежала к детям, прижала их к коленям и истошно, по-бабьи заголосила.

Екатерина Петрова не выдержала. Сначала она кинулась к детям, обняла их, потом подняла с земли заплаканную девушку, с трудом сдерживая себя, чтобы не разрыдаться. Все мы отворачивались друг от друга, смотрели в землю, пытаясь скрыть затянутые влагой глаза.

— Перестань, Настя! — раздался голос старика.— Этот пожар слезами не зальешь. Тут другое надо.

Дед-солдат широко перекрестился, надел шапку.

— Пошли, детки. Хоронить будем завтра.

...Мы уже отъехали больше километра от места пожара, но никто из нас не проронил ни слова. У всех на душе было тягостно и тоскливо.

Может быть, и долго продолжалось бы наше молчание, если бы не показавшиеся впереди сани. Кто-то на рысях мчался навстречу.

— Стой! Пароль! — крикнул Головай.

— Ложа! — осадив коня, ответил сидевший на санях парнишка.

— Ленинград! Ты кто такой?

— Вася Орлов.
— Откуда?
— Из Беседок. Связной.
— А-а, наш Орленок,— узнав паренька, улыбнулся Майоров.
— Тебе сколько лет? — спросил комбриг.
— Четырнадцать.
— О, да ты совсем уже взрослый.
«Как же быстро мужают на войне дети,— подумал я.— Не будь войны, резвился бы Вася беззаботно с ребятишками, не знал бы ни опасностей, ни тревог. А теперь у него на плече автомат. Связной! Делит со взрослыми все тяготы партизанской жизни».
Вася пережил великое горе. Фашисты расстреляли его родителей и старшего брата, сожгли дом. Все это парень видел своими глазами. Привел его в отряд председатель Полистовского сельсовета Дмитрий Павлов. Привел и сказал:
— Возьмите. Все равно будет врагу мстить. Видите, он уже и автомат добыл...
Вася Орлов не был исключением. Почти каждый отряд имел своего воспитанника-подростка.
И еще одно происшествие ожидало нас в дороге. У самого Глотова мы встретили человека в стеганке защитного цвета. Он ехал на санях с невозмутимым видом и как будто не обратил на нас никакого внимания: свернул в сторону и продолжал следовать дальше.
— Эй, парень! — крикнул вдогонку Николай Иванов.— Куда едешь?
— Ищу командира бригады Васильева.
— Комбрига ищешь? А ну-ка, давай сюда! Пропуск знаешь?
— Нет.
— Какого полка?
— Рачкова.
— Отряд?
— «Ворошиловец».
— Поедешь с нами. Садись!
Уже проезжая по селу, Иванов подбежал к комбригу, шепнул:
— Мне кажется, это из компании шпиона Сидорова, которого мы расстреляли. Ведь их еще трое на свободе гуляют.
Иванов ввел незнакомца в дом. Там оказалась большая группа деревенских мужиков.
— Что за собрание? — спросил он.

— Мы из Перстова,— за всех ответил крайний.— Принимайте в свои ряды.

— Примем. И оружие дадим. Но сначала семьи свои устройте.

В избу вбежал молодой партизан.

— Товарищ командир, там у него в санях какая-то штуковина лежит.

— Тащи сюда.

«Штуковина» оказалась новенькой рацией.

— Что требовали от тебя хозяева? — задал вопрос Иванов.

— Доносить о местах стоянок партизан.

— Какие пункты назвал?

— Глотово, Городовик, Ломовку, Перстово...

...В то время как Николай Иванов допрашивал задержанного, мы направились в госпиталь. По дороге встретился командир отряда «Буденовец» Никифор Синельников. Он возвращался из госпиталя. В бою за город Холм Никифор был ранен, пуля задела шею.

Щеки Синельникова горели румянцем, из-под шапки выбивались кольца русых волос. Что-то девичье было в облике Никифора. Только взгляд по-мужски строгий, прямой.

— Товарищ комбриг! — вскинул Синельников руку к виску.— Разрешите доложить: вступаю в строй. Рану залечили.

— Очень рад! — Васильев крепко пожал руку Никифору.— На вашем участке каратели наседают.

— Понимаю, товарищ комбриг. Потому и спешу.

Когда мы вошли в избу дяди Миши, приспособленную под медкабинет, Васильев прямо с порога поздравил врача Лидию Семеновну Радевич и других женщин-медиков с наступающим праздником. Не скрывая улыбки, комбриг прошелся по избе и шутливо окликнул Егорову:

— Нюра!

— Что, Николай Григорьевич?

— Ухожу я в моряки.

— Опять уходите? А меня возьмете? — улыбнулась Нюра.

— Да я шучу. Никуда я не пойду...

Какой смысл вкладывал Васильев в эту полюбившуюся ему фразу-присловье? Может быть, он когда-то мечтал стать моряком? Или эти слова напоминали ему о чем-то дорогом, пережитом в юности?

Прежде чем идти к раненым, Васильев спросил

о судьбе Натальи и ее детей. Колхозница из деревни Железница Наталья Петрова попала в госпиталь в тяжелом состоянии. Фашистские каратели при обыске обнаружили у нее партизанскую газету. Они вывели женщину в колхозный парк на расстрел. Но подоспели партизаны и спасли ее, отправили в госпиталь. Остались без матери трехлетний Саша, семилетняя Оля и пятнадцатилетний Вася.

— С Натальей плохо, Николай Григорьевич,— покачала головой Лидия Семеновна.— Видно, беда и впрямь не приходит одна. Ведь Наталью еще раз ранили. С самолета. Я как увидела простреленную повязку — ноги подкосились. Сколько же можно убивать одного человека?! Говорят, Оленька по пальчикам дни считала, когда мама поправится. А тут новая беда. Вчера самолетом в советский тыл отправили. Может быть, и удастся спасти.

— Куда же детей определили?

— Младших кому-то передать придется. А старший...

— Старший сам определился.

Все обернулись. Это говорил Вася, сын Натальи. Он стоял в стороне и все слышал.

— Обо мне не тревожьтесь,— добавил Вася, сверкая темными неспокойными глазами.— Я знаю, куда идти. К партизанам.

— А младших я отвезу в Острый Камень, к Игнатовым,— вступила в разговор Петрова.— Я уже говорила с Анисьей и тетей Таней. У них ведь тоже несчастье. При бомбежке Оленька погибла. Они с охотой возьмут ребят.

Васильев провел ладонью по желтым, по-взрослому подстриженным волосам Васи.

— Ну что ж, иди к нам,— сказал комбриг.— Заменишь Юру Пареньскова.

Лидия Семеновна встрепенулась:

— А ведь Юра жив! Его на Большую землю увезли. Не хотел улетать из края, а пришлось. Но он там не залежится. Молодой организм быстро все переборет.

Юра был ранен в бою под Дедовичами. Думали — смертельно. К счастью, ошиблись.

Майоров и Петрова раздали раненым подарки, доставленные самолетом из советского тыла. Обрадованные и растроганные, партизаны распечатывали посылки, извлекали оттуда сухари, печенье, кисеты, табак, папиросы. Как будто шире стала, раздвинула стены кресть-

янская изба. Замелькали адреса на вложенных в посылки открытках и письмах: Урал, Сибирь, Дальний Восток, Казахстан... Много подарков прислали и местные жители.

Из-за косяка двери робко выглянула Маруся Веселова. Уловив на себе взгляд комбрига, смутилась, застеснялась. А потом, словно спохватившись, кинулась ему навстречу и закрыла лицо руками:

— Простите меня, Николай Григорьевич! Не осуждайте. Я за папу с мамой прошу. Расстреляют их немцы. Спасите. Вы можете...

Васильев не забыл, что Мария просила спасти родителей. Немцы послали ее к партизанам с заданием отравить командование бригады. И ядом снабдили. Они приказали ей возвратиться в Воронцово и доложить о выполнении задания. За неявку грозили расправиться с родителями. Мария сразу же и обо всем рассказала своему брату Алексею, который находился в рядах партизан, комбригу Васильеву и осталась в отряде.

Васильев успокоил девушку:

— Спасем твоих родных, не волнуйся. Уже все решили. На днях брата с товарищами пошлем на выручку.

Рядом с плитой полулежал с забинтованной рукой молодой парень. Красноватый свет из открытой дверцы плиты падал на его лицо.

— Ребята! — заговорил раненый.— Сверните цигарку.

Васильев вытащил из кармана трубку и пачку табаку, протянул раненому.

— Пулей или гранатой задело? — поинтересовался комбриг.

— Гранатой.— Парень повыше приподнялся на локоть и недовольно махнул забинтованной рукой.— Да не обидно б было, если б чужой. А то своей, отечественной. Взял в руку РГД, поставил на предохранитель. А она как трахнет... Хорошо, хоть голова уцелела.

Васильев нервно сжал пальцы в кулак. Лидия Семеновна заметила это:

— Не умеют с оружием обращаться. Уже не первый случай.

— Безобразие! — сердито проговорил Васильев.— От врага потери несем, а тут еще от своей разболтанности. Вернусь в лагерь, издам приказ! Надо подтянуть дисциплину.

Обращаться с оружием на первых порах многие действительно не умели. То, бывало, гранату «лимонку» за

кольцо подвесят, то наган со взведенным курком в карман положат...

Особенно долго задержался комбриг у постели Семена Засорина. Подошел к стоявшей у окна койке, приподнял занавес и увидел сидевшую у изголовья Антонину Лосеву:

— И ты здесь, Антонина! Помогаешь лечить Семена? Поздравляю тебя с праздником!

То, что Засорин выздоравливал, казалось чудом.

...Семен вместе с боевыми товарищами проводил собрание в деревне Великая Нива. Обсуждалось и подписывалось письмо партизан и жителей края Центральному Комитету партии, товарищу Сталину. В этот момент в деревню ворвались каратели. Они обстреляли дом, где проходило собрание. Засорин и его друзья едва успели выскочить в окна. Побежали. Но каратели открыли по ним стрельбу. Засорин был тяжело ранен, но не потерял самообладания. В его руках было письмо в Кремль. В нем партизаны и жители края клялись бороться с врагом до полной победы. Под письмом стояли сотни подписей.

Теряя силы, Семен успел сунуть тетрадь в сугроб, сам упал в снег и прикинулся мертвым. Каратели сняли с него шубу и валенки, из его же пистолета прострелили ему грудь. Засорин лишился сознания. После ухода карателей жители стали хоронить убитых. Кто-то приложил ко рту Семена зеркало и отпрянул: убитый дышал! Засорина отправили в госпиталь. Лидия Семеновна Радевич выходила его. Ей помогала секретарь тройки Антонина Лосева. Она больше всех тревожилась за Семена. Мы уже давно замечали, что они любят друг друга.

Семен привстал, улыбнулся. Глаза его блестели. Тоня любовно отвела рукой с высокого лба Семена копну буйно клубившихся волос.

— Вынесли мы его как-то на воздух,— отведя в сторону комбрига, рассказывала Лидия Семеновна.— Полежал там, порозовел. А когда обратно в комнату внесли, зеркало попросил. Увидел белую прядь волос, оттирать начал. Думал, иней. Не верил, что седина.

Я вспомнил осень сорок первого года, когда впервые увидел Засорина. Он только что заступил тогда на пост начальника районного отдела милиции при Дедовичской оргтройке — высокий, стройный, красивый, с буйной шевелюрой каштановых волос под кубанкой. Как лихо гарцевал он на лошади! Бывало, придет к председателю тройки Поруценко, блеснет глазами, спросит: «Какие

будут приказания, Александр Георгиевич?» И получив задание, вихрем мчится по дороге...

— Долго он еще пролежит? — поинтересовался комбриг.

— Если не будет осложнений — неделю,— ответила Лидия Семеновна.

И верно. Через неделю «боевой счет» Радевич увеличился еще на одного спасенного от смерти партизана. Она вернула жизнь Засорину. Тепло и трогательно прощался он с госпиталем. Взяв Семена под руку, Лосева и Радевич вывели его на крыльцо. Было солнечное утро. Сосны, даже не зеленые, а какие-то голубоватые, легко покачивались на ветру. Семен никак не мог найти нужных слов.

— Родная, милая Лидия Семеновна!..

— Не надо ничего говорить,— поспешила ему на помощь Радевич.— Вас спасла воля к жизни. Будьте же всегда таким! Что ж, а теперь прямо в загс? — шутливо сказала она, похлопав Лосеву по плечу.— То-то раненые поговаривают: «Хитрая девушка, выходила для себя жениха».

— Точно, сперва в загс! — засмеялся Засорин.— А потом — на любое задание.

...Так будет неделю спустя. А сейчас Семен лежал на спине и чуть-чуть улыбался. Он смотрел на собравшихся вокруг боевых друзей. В окно лился яркий весенний свет. Засорин щурился под его лучами. Удивленно, словно впервые, оглядывал он комнату. Все вокруг казалось ему новым, непохожим на прежнее.

Васильев стал прощаться, собираясь в путь.

— Николай Григорьевич, побудьте с нами еще несколько минут,— задержала его Радевич.— Послезавтра наш праздник. Может быть, мы его сегодня отметим? По рюмочке спирту налью. Ладно?

— Это вы с политотдельцами. Они остаются ночевать здесь.

Майоров вышел проводить комбрига. Начинало смеркаться. Над крышами лениво поднимались к небу густые голубые столбы дыма.

— Верная примета: к морозу,— сказал Васильев и тут же повернул голову в сторону. В глаза ударило яркое багровое зарево. На темном фоне зубчатого леса догорала деревня.

Несколько минут он стоял молча.

— Слушай, Александр Федорович,— повернулся комбриг к Майорову.— Я повторяю свое решение, передай

его Асмолову. Нужно срочно отдать приказ о борьбе с вражескими самолетами. И мою подпись поставьте. Немедленно разошлите приказ по всем бригадам, полкам и отрядам. Пусть начинают обстрел самолетов.

Через день конные связные увезли из лагеря приказ командования о борьбе с вражеской авиацией. На весь Партизанский край прозвучала команда: «Огонь по самолетам!»

В отрядах создавались ударные группы партизанских «зенитчиков». Они брали на свое вооружение ручные пулеметы и противотанковые ружья. Летать над краем фашистам стало небезопасно.

Глава 2 „ЖДИ МЕНЯ...“

Восьмое марта... Даже упоминание о нем вызывало у нас умиление. Невольно вспоминалось счастливое довоенное время. Тогда этот день приносил радость и веселье. Каждому хотелось чем-то порадовать мать, жену, невесту, сделать для них что-то особо доброе, напомнить о своей преданности и любви.

Теперь многие из нас даже не знали, где, на каких дорогах затерялись наши родные. Да и те, кто знал, тоже могли одарить их лишь одним-единственным подарком — маленьким треугольничком письма, несущим весть о том, что мы живы. И это был самый дорогой подарок любящим матерям, верным женам и милым невестам.

Правда, были среди нас и такие, которые не разлучались со своими подругами даже на войне. Мне часто приходилось наблюдать волнующие сцены прощания супругов перед боем. Молча, без слез провожала в поход секретаря Сошихинского райкома партии Александра Григорьева его жена Вера Федоровна. В одном строю с мужем Василием Янковским уходила в бой тихая, скромная Ольга Тимофеевна.

В нашей необычной армии встречались целые семьи. Кто не знал в Партизанском крае Василия Григорьевича и Нину Федоровну Гавриковых, воевавших плечом к плечу со своими сыновьями? А Яков Дмитриевич и Ксения Павловна Богдановы! Они пришли в отряд, захватив с собой всех своих пятерых ребят.

Идешь, бывало, вечером по селу и видишь любопытную картину: возвращается домой с боевых позиций семейный «взвод». Будто с поля, после работы. Только в руках не косы и грабли, а боевое оружие.

Какими подарками радовали своих любимых партизаны? Вместо цветов они иногда дарили им трофейные пистолеты, вместо конфет насыпали в их карманы звенящие патроны.

...После отъезда комбрига Лидия Семеновна Радевич пригласила нас к себе на ужин. Стол был скромным, но в условиях вражеского тыла он показался нам роскошным.

Вспомнив о поручении Майорова почитать что-нибудь раненым партизанам, я поспешил к ним, обещав Лидии Семеновне непременно вернуться к столу. Но там уже начали читку и без меня. Из-за двери слышался немолодой мужской голос:

> Пройдут годы, могилы изменников зарастут чертополохом. А имена героев, таких как Юра Иванов, вечно будут гореть в наших сердцах.

«Из нашей «Коммуны» читают»,— узнал я знакомую заметку и, распахнув дверь, сказал:

— Ребята! А я вам свеженькую газету принес. Специальный праздничный номер.

Политрук Малофеев, читавший газету, отложил ее в сторону, взял в руки свежую «Коммуну». Теперь раненые слушали о парторге отряда имени Бундзена Анне Таракановой, вывезенной после ранения в советский тыл, о тете Тане, которую партизаны ласково называли матерью, о председателе колхоза Евдокии Прокофьевой и о других женщинах, фамилии которых мы конспиративно обозначали в газете лишь начальными буквами.

> Недавно в партизаны пришла Зоя Л. Над ее семьей издевались фашисты. С винтовкой в руках Зоя мстит немецким мерзавцам.

— Это про Зою Леппик,— не утерпел Семен Засорин.— Она вместе с сестрой Людмилой к нам пришла. В женском отряде партизанит.

— Разве и такой отряд есть?

— А как же! У нас, при тройке. Зоя только что десятилетку закончила. Уезжали они с семьей от фронта, а немецкие танки дорогу перерезали. С большим трудом вырвались... Интересная девушка. Мы ее в шутку Петькой зовем. Ходит в шапке-ушанке, как мальчишка.

— Послушайте, что пишет Фрося Алексеева:

> Навсегда остался в памяти тот день, когда мы, девушки, вместе с мужчинами вступили в партизанский отряд. Нас предупреждали, что встретятся большие трудности, но мы не робели и дали слово, что будем стойко держать себя до полной победы над врагом.
>
> Прошло несколько месяцев. За это время девушки проявили себя как настоящие патриотки Родины. Партизанки Катя С. и Тося С. не пропустили ни одной боевой операции, всегда шли вместе с мужчинами в бой...

— И их знаю,— вновь заговорил Семен.— Катя раньше в школе работала. Екатерина Ивановна Сталидзан. Отчаянная! В Ясских под огнем на своих руках раненых выносила. А Тося Семенова — землячка. Дедовичская. Невысокая, круглолицая. Носик кверху. Словно кукла. Они с сестрой Надей до войны в поселке жили. А потом выехали в Мухарево. Мать в деревне осталась, а они ушли в партизаны. Надя-то еще совсем девчонка, восемнадцати лет нет. Да что я рассказываю, она же у вас в типографии работает.

> ...Много благодарностей от бойцов получает Нюра Е. за теплую заботу о партизанах, —

продолжает читать Малофеев.

— Нюра! Егорова! Ну-ка покажись. Это про тебя пишут. Слышишь?

Партизаны попросили почитать стихи.

— Вместо художественной части,— улыбнулся политрук.

Присев на койку, я начал читать. И свои стихи, и других авторов.

Когда лежишь больной в палате
И на душе то жар, то лед,
Легко, коль девушка в халате
К тебе с улыбкой подойдет.
Как будто легче станут раны,
Теплом повеет по избе...
Сестра! Не раз мы, партизаны,
В походах вспомним о тебе.
Где сосны сделались седыми,
Клубится дым пороховой,
Мы вспомним ласковое имя,
Твои глаза и образ твой...

Монотонно и ритмично тикали висевшие на стене ходики. Поставленная в переднем углу лампа часто моргала, тускло освещая комнату. Партизаны слушали молча. Одни полулежали, подперев голову рукой, другие си-

дели на койках, третьи неподвижно смотрели в потолок, о чем-то думая.

Я уже читал о беспокойном ветре, которому тоже не спится, о том, как партизан просил его долететь до любимой:

Передай ей, что в сумрачный вечер
Видел друга в горячем бою.
Ты ведь знаешь, родной, не до встречи,
Если враг топчет землю мою...

А закончил стихами Константина Симонова:

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди...

. . . .

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

— Вам хорошо лирикой заниматься, стихи о любви читать.

Все повернулись в ту сторону, откуда неожиданно раздался взволнованный голос. Говорил молодой коренастый парень, у которого не было обеих рук. Сквозь бинты, туго стянувшие предплечья, проступала кровь. Хмуро сдвинув брови, раненый продолжал:

— Кто меня ждет? Кому я нужен такой? Мне и письма самому не написать. Других просить надо...

Никто сразу не собрался с мыслями, не нашел, что ответить парню. А тот хлопнул культяпкой по подушке и не сказал, а выкрикнул:

— Знали бы вы, как я любил работать! Ах, как я любил...

— Да ты что, Павел, один такой? — наконец заговорил сосед по койке.— А я, думаешь, лучше? У тебя рук нет, а я с одной ногой остался.

Я торопливо порылся в полевой сумке, достал газетную вырезку с рассказом «Жена» Елены Кононенко. Начал читать. Опять все притихли. А когда кончил, когда стало известно, что изувеченного на войне солдата, боявшегося показаться своей жене, ласково, как самого родного и дорогого человека, встретила она, в избе будто теплее стало. Заблестели глаза у безрукого парня, заерзал он на койке, заволновался.

— Вот они, подруги-то наши, какие! — приподнялся на локте пожилой, молчавший до сих пор чернявый муж-

чина.— Поклониться им надо до земли, понял?.. А ты голову повесил. Покажи-ка лучше фотографию своей суженой. Я, брат, по лицу людей читаю.

Парень приподнял подушку, кивком головы указал на лежавшую там книгу. Наблюдая за каждым движением собеседника, он глядел на него с тревогой и надеждой.

— Ну, Павел, повезло тебе. Такая на край света с тобой пойдет, если уж полюбился! Без ног останешься, она тебя на своих руках понесет. Понял?

«Вечер поэзии» был закончен, и я вернулся, как и обещал, к столу. Ужин подходил к концу. За крестьянским столом, уставленным нехитрыми закусками, сидели Майоров, Николай Иванов, Петрова и Лосева. Лидия Семеновна рассказывала о себе. Лицо ее порозовело. Глаза ласково и мягко светились.

Она родилась в Латвии, близ Валки, в семье батраков Эльзы и Симона Путнис, была последним, одиннадцатым, ребенком. Старший брат Август, работавший на Путиловской верфи в Петрограде, устроил свою младшую сестренку Лиду в частную гимназию.

Началась революция. Семнадцатилетняя Лидия Путнис была избрана делегатом 1-го съезда учащихся, на котором выступал народный комиссар просвещения Луначарский.

Окончив позднее медицинский техникум, Лидия Семеновна работала акушеркой в Мурманской областной больнице, затем успешно завершила учебу во 2-м Ленинградском медицинском институте и была направлена в деревню Железница Дедовичского района. Заведовала больницей. Здесь и застала ее война. Радевич ушла в партизаны. Стала и хирургом, и невропатологом, и терапевтом.

Прервав рассказ, Лидия Семеновна потянулась к графину с разбавленным спиртом, налила мне «штрафную» и, поправив гладко причесанные волосы, закончила:

— Всякое и раньше бывало. Но то, что я увидела у партизан, мне и во сне не снилось. Ни инструментов, ни лекарств. Теперь-то стало получше, что и говорить...

Действительно, условия в партизанском госпитале с приходом Радевич стали лучше. В распоряжение врача штаб выделил отряд из двадцати трех партизан. Они охраняли госпиталь, доставляли продовольствие, заготовляли дрова.

Внимательной, заботливой и добродушной была Лидия Семеновна. Но стоило ей узнать, что кто-то не сде-

лал чего-нибудь для госпиталя, откуда пыл брался, зашумит, загорячится. Прислали из Валдая не те медикаменты, Радевич прибежала в штаб, составила радиограмму: «Почему выслали не те лекарства? Что вы там, в Валдае, головы потеряли?»

— Доставалось и нам на орехи,— заговорил Майоров.— Особенно Рачкову. Помните, Лидия Семеновна, как вы с ним насчет масла поговорили?

— Ну-ка расскажите, Александр Федорович,— попросили мы.— Неужели Лидия Семеновна и Рачкова отчитала?

— Еще как! Зашла как-то Нюра Егорова в штаб и увидела там на столе с полфунта сливочного масла. Его парни из разведки принесли для начальника штаба Афанасьева. Он только что перенес операцию. Нюра возьми и скажи Лидии Семеновне. Та как услышала, возмутилась: «Больным и раненым масла нет, а в штабе — пожалуйста». Бежит по улице, готова на любого командира наброситься. А навстречу — Рачков. Важно так шествует. Любит он по утрам пройтись по селу, вроде как обход делает. И непременно в папахе. Сам ее заказал. Под Чапаева.

— А правда, что папаху он только «по выходным» носит? — спросила Лосева.

— Правда. У него и ушанка есть. Первое время Рачков постоянно в папахе щеголял. Даже в бой ходил. А в бою он какой? Горячий, лезет в самое пекло. Папаха как мишень. Сразу видно, где командир. Узнал об этом Орлов и строго-настрого приказал ему: «Хватит. Чтоб никогда больше не видел тебя в этом головном уборе на поле боя...» И стала эта папаха, как барометр для партизан. Сразу определить можно: буря предстоит или штиль... Ну вот, идет Рачков по селу, прифасонился. Все ему козыряют. Доволен. Шестнадцать лет в армии служил, привык к дисциплине. Увидел Лидию Семеновну, спрашивает: «Как дела у раненых, доктор?» А та как налетела на него и пошла разносить.

Майоров продолжал рассказывать дальше, а мы легко представили себе всю эту живописную сцену.

— Вы что ж это? — горячилась Радевич.— Сами хлеб с маслом едите, а раненым не надо? Пусть сухари грызут?

Рачков опешил. Он и не слышал ничего об этом масле.

— Какое масло? Ты что, с печки упала? Нет у нас никакого масла.

— Ах, так! Вы еще и обманывать можете?

Рачков чувствовал себя словно на горячей плите. Как же, посреди села его, командира отряда, отчитывала женщина. Вместо приветствия — разнос. Мимо проходили партизаны, останавливались. А тут еще председатель колхоза подошел и, услышав перепалку, задержался неподалеку.

На лице Рачкова выступил гневный румянец. Пригнувшись к Лидии Семеновне, он еле слышно, над самым ухом проговорил:

— Замолчи! Слышишь? Я тебе приказываю.

— И не собираюсь молчать. Думаешь, папаху надел, так и страшно?

Терпеть дальше было выше сил Рачкова. Он грозно нахмурил брови:

— Последний раз говорю: перестань! Добром прошу. А то я не погляжу, что ты врач...

В тот момент и подошел Майоров.

— Это что, дуэль? — шутливо спросил он.— Нельзя ли к вам в секунданты? — А потом уже серьезно: — Хоть бы людей постыдились!

Но этим дело не кончилось. Как только Лидия Семеновна отошла в сторону, к Рачкову приблизился председатель колхоза. Они вместе пошли по улице. Рачков долго молчал, чувствовал себя неловко. А председатель, человек с хитринкой, возьми да и скажи ему:

— Иду я, Николай Александрович, и думаю. Вот женщины у вас в партизанах. Они ведь не партизаны, присягу не принимали. Должны ли они дисциплину соблюдать, командиру подчиняться или нет?

Рачков скосил на председателя глаза и бросил:

— Иди ты знаешь куда?..

И с тем ушел.

— Мне частенько приходилось охлаждать Николая,— закончил свой рассказ Майоров.— Но у нас с ним старая дружба. Еще до войны семьями вместе праздники справляли.

О несдержанном характере Рачкова знали многие партизаны. Он был смел, исполнителен. Самый боевой командир полка. Но не в меру горяч, вспыльчив.

Другое дело — Майоров. Тот удивлял нас своим невозмутимым спокойствием. Вид он имел суровый: крупные черты лица, орлиный нос, густые заросли бровей. И в то же время — тихий, спокойный, мягкий. Голоса не повысит. Никто не видел Майорова возбужденным.

Наш ужин закончился поздно.

Я порылся в кармане, разыскивая кисет, чтобы закурить.

— Не ищи вчерашний день, только время потратишь, — заметил Майоров. — Разве после Лидии Семеновны найдешь табак или папиросы? Она всем, кто к ней приезжает, карманы чистит. Для раненых запасает.

Весь следующий день прошел в поездках по ближайшим партизанским отрядам и деревням. Майоров занимался своими делами, я своими: собирал материалы для газеты. Вечером мы с Майоровым и Петровой поспешили в лесной лагерь.

В лесу было тихо, безветренно. В воздухе кружились стаи снежинок. Они падали медленно, как бы решая, где лучше приземлиться. Иные, подхваченные струей воздуха, круто меняли направление.

В лагере бойцы комендантского взвода маскировали дороги и тропы. Они носили кирпичики твердого снега и бросали их себе под ноги. Снег веером рассыпался по ледяной корке. Над крышами землянок, как и всегда, протяжно шумели верхушки сосен, рассказывающих свою бесконечную лесную быль.

Проезжая мимо землянки радистов, Майоров, не вылезая из саней, позвал к себе Костю Шепелева, спросил, нет ли сведений об обозе. Но никаких сообщений пока не поступало.

В штабе мы застали Асмолова. Он сидел один за самодельным столиком и разбирал донесения и радиограммы.

— Есть что-нибудь новое, Алексей Никитович? — поинтересовался Майоров.

— Курочкин настаивает на переброске части партизан к Порхову. Через день-два вернется Васильев, вместе решим, как быть... Ну что еще? Получено донесение из-под Яссок. Там опять появились каратели. Они заняли Городок и Точки, хотят прорваться к Городне... Из полков и троек продолжают поступать сведения о налетах вражеской авиации.

— И жертвы есть? — насторожилась Петрова.

— Не без того. Вот посмотрите, что сообщают из третьего полка.

Петрова читала донесение. Комиссар полка Иван Смирнов докладывал, что партизаны отряда «Буденовец» разрушили мост между станциями Судома и Плотовец. Подрывники отряда имени Бундзена на участке

Бакач — Дедовичи в четырех местах взорвали железнодорожное полотно и нарушили связь. А дальше говорилось:

> Противник бомбил и обстреливал с самолетов следующие населенные пункты: Ясски, Гривки, Спасовку, Клипец, Городовик, Северное Устье, Тюриково, Гнилицы. В результате налетов в Ясских сожжено десять домов, убито три человека и столько же ранено. В Гривках убито и ранено шесть человек.
>
> В отряде «Буденовец» проведено партийное собрание. Принято в партию два человека. Полк расположен в деревнях Острый Камень, Горная, Ветошка, Енарьево.

Прочитав донесение, Екатерина заторопилась в тройку. В лагере ей дали верховую лошадь. Майоров вышел проводить Петрову.

— Смотри, Мартыновна, будь осторожна,— напутствовал Майоров.— Старайся проехать лесом. А приедешь на место, поскорее заканчивайте с письмами в Москву и Ленинград. Надо спешить. Будем посылать письма вслед за обозом.

Пока Асмолов и Майоров писали приказ о борьбе с вражеской авиацией, я с интересом просматривал радиограммы с Большой земли. Как напряженно и энергично бился пульс штабной жизни! Не проходило дня, чтобы фронт не «разговаривал» с Партизанским краем. Видно, не только у нас была в этом потребность. Фронт тоже нуждался в нашей помощи.

В адрес Васильева и Орлова беспрерывно шли приказы. Их посылали то командующий Северо-Западным фронтом генерал-лейтенант Курочкин, то начальник штаба фронта генерал-лейтенант Ватутин, то начальник разведотдела полковник Деревянко или член Военного совета фронта Богаткин. Немало радиограмм приходило из Ленинграда, от начальника областного штаба партизанского движения Никитина. Из Валдая постоянную связь с партизанами держали Асмолов, Тужиков и Гордин. В одном случае они запрашивали разведывательные данные, в другом приказывали очистить от противника определенные районы, в третьем требовали держать под огнем вражеские коммуникации, а иногда просто интересовались судьбой отдельных людей.

В некоторых радиограммах звучало напряжение: «Почему медлите, почему пассивны?» И каждая заканчивалась приказом: выполнить, доложить!

Ленинградский обком партии через штаб и оперативные группы постоянно держал в руках нити руководст-

ва партизанской борьбой. Он не только требовал, но и готовил для партизан командные кадры, обеспечивал нас вооружением, боеприпасами, медикаментами и средствами связи, засылал в тыл врага боевые группы, разрабатывал задания.

В отдельной папке лежали копии радиограмм, подписанных Васильевым и Орловым. Сверху лежала радиограмма, адресованная в Ленинград:

> Глубоко тронуты Вашим поздравлением. Заверяем Вас, что славные партизаны и партизанки будут и впредь истреблять фашистских мерзавцев, временно оккупировавших нашу родную ленинградскую землю. За страдания ленинградцев враг еще не раз испытает на своем хребте боевую мощь нашей бригады.
>
> *Васильев, Орлов.*

Это был ответ командования бригады на приветствие, которое прислал начальник Ленинградского штаба партизанского движения Михаил Никитич Никитин в День Красной Армии.

Затем на глаза мне попалось заявление Никифора Синельникова и Марии Васильевой о вступлении в брак. Оно было написано на имя Рачкова, который тогда еще командовал отрядом «Буденовец».

> Лагерь. Командиру отряда «Буденовец».
>
> Просим Вашего разрешения войти в брак Синельникову Никифору Ивановичу с Васильевой Марией Васильевной с 12 февраля 1942 года. Согласие обеих сторон подтверждается подписями.

На заявлении резолюция: «Разрешаю. Оформить приказом».

Когда я собрался уходить, Майоров передал мне только что полученное письмо на имя комиссара Орлова.

— Угадаешь, кто пишет?.. Анна Петровна Тараканова. Бывший секретарь Пожеревицкого райкома. Из госпиталя. Покажи Обжигалину. Он о ней очерк писал. Ему будет интересно.

Я скользнул глазами по письму:

> *Дорогой товарищ Сергей, здравствуй!*
>
> *Шлю тебе искренний привет! Привет товарищам Васильеву, Иванову и всем-всем. Я нахожусь в районе Москвы, в эвакогоспитале. Чувствую себя хорошо. Уже семнадцать дней относила гипсовую повязку, и еще месяц придется носить. Сергей, родной, очень скучаю о вас, о всех боевых друзьях...*

— А вот еще письмо. От Екатерины Дорофеевны Бундзен. Получила весть о гибели мужа и пишет комиссару ответ. Мужественный, полный достоинства.— Майоров помолчал, подумал и, уставившись куда-то в сторону, грустно сказал: — Асмолов собирается в первый полк ехать, а я сейчас займусь письмами. Да, буду писать женам погибших товарищей. Вчера мы получили их адреса. Напишу Баруліной, Рыжовой, Зиновьевой...

— Может быть, и в газете нам рассказать о тех, кто погиб? — предложил я.

— А ты подумай, подумай.— Майоров так медленно выговаривал эти слова, что пока он их произносил, в самом деле можно было о многом подумать...

Глава 3 В ЗЕМЛЯНКЕ

Простившись с Майоровым, я направился к нашей землянке, где трудился дружный коллектив газетчиков и полиграфистов. Стучала печатная машина. Из-под рук неугомонного весельчака и балагура печатника Василия Егорова, который взял себе в тылу врага другую, на его взгляд более подходящую ему фамилию Толчишкин, выходили свежие партизанские газеты и листовки.

Как ни старались фашистские агенты, им не под силу было обнаружить лесную типографию. Люди научились беречь военную тайну. Они отлично знали, где печатаются газеты. В точно назначенное время десятки гонцов тянулись из освобожденных партизанами сельсоветов в деревню Круглово, где размещалась Дедовичская тройка по восстановлению Советской власти в тылу врага. Отсюда они уносили свежие номера газет, уходя в далекий опасный путь. В лесах и болотах устраивались потайные почтовые ящики.

Мы с Костей Обжигалиным, двое редакторов, часто покидали лагерь. Путь наш лежал в полки, в отряды, в сельские Советы. Там, принимая участие в боевых операциях, мы собирали материал, инструктировали редакторов стенных газет и «боевых листков», проводили беседы о последних событиях на фронте. Так уж повелось у нас: как только возвращался с задания один, отправлялся в «командировку» другой.

Работники лесной типографии составляли макет будущего номера газеты. Об этом я догадался сразу, как

только услышал голоса моих друзей. Шел традиционный спор между редактором и наборщиком.

Обжигалину хотелось поместить как можно больше материала, а наборщик Скипидаров показывал ему размер газетной полосы и пожимал плечами. Из землянки доносился задиристый голос Толчишкина:

— Говоришь, Ступаков не влезает? А ты его подожми, не церемонься. Сними шапку — и влезет... Петрову поставь в подвал, Лосеву — в окно. Майорова подрежь... Что? Большой начальник? Не понравится? Ничего, действуй смелее. Всем не нравится, когда их режут.

Что бы мог подумать, услышав этот разговор, не посвященный в тонкости газетного дела и не знающий нашего жаргона человек!

Меня Толчишкин встретил словами:

— А-а-а, рэдактэр! Явился. Из командировочки, значит? Прогулялся? Подышал свежим воздухом, посидел в светлой избе, щей со свининкой отведал, может, маленькую пропустил ради праздничка? Так? Ну а дальше что?

— Ничего,— пожал я плечами.

— Ах, ничего? Я так и знал. Сам поел, а другие хоть с голоду умирай? А где ж забота о ближних? Или заповедь от преподобного Луки Барбаша забыл? Ты видал когда-нибудь, чтобы Толчишкин с пустыми руками приехал?

— Ну что ты равняешь, Вася? Ты популярная личность. Тебе люди сами несут

Толчишкин в самом деле много раз привозил нам продукты. В какую бы деревню ни поехал, всюду он свой человек. Там его знали стар и мал. Окруженный толпой ребятишек, он шагал по селу, перехватывая улыбки девчат. Ребята, перебивая друг друга, рассказывали потом своим матерям свежие новости, непременно добавляя:

— Это Толчишкин сказал. А он все знает.

Однажды Вася привез из деревни целый бочонок сливочного масла. Закопал тайком от всех где-то в снегу и выдавал нам по норме. Правда, вскоре партизаны комендантского взвода выследили этот потайной склад. Пришел Вася, а масла нет...

Удивительный парень этот Толчишкин! Работник отменный. Готов днем и ночью трудиться. Да еще в такой обстановке! Сырая, неуютная землянка. Холодный свинец обжигает руки. Краска стынет, поминутно надо ра-

зогревать. Валики печатной машины мыть нечем, промыть шрифт — тоже. Света нормального нет: то коптилка, то фонарь «летучая мышь», а то и просто лучина. А тут еще нехватка заключниц, нечем закрепить сверстанную полосу. Да и всю ночь двигать руками пудовый пресс «бостонки» тоже ведь нелегко. Скинет Вася пиджак, расстегнет гимнастерку. Мягкое, красивое лицо покрывается пóтом, желтые, как зрелая пшеница, волосы спадают на лоб, из-под рыжеватых выцветших бровей весело сверкают голубые глаза.

Усталости Толчишкин не знал. И мрачным мы его не видели. Всегда бодрый, веселый, жизнерадостный, неугомонный. Не посидит. Весь в движении, словно ему энергию некуда было девать. Уныния не понимал. Чувство юмора никогда не покидало его.

Люди, знавшие Толчишкина до войны, рассказывали, что таким же «неунывным» он был и тогда. Работал пожарным, маляром, а последнее время — печатником Островской типографии. Там же трудилась его жена Евгения Константиновна. Поженились они очень рано. В свои двадцать пять лет Вася был отцом троих детей.

На этот раз Толчишкин оставил меня в покое сравнительно быстро, и я принялся читать свежую почту. В землянке лежала кипа газет и листовок, доставленных самолетом. «Правда» пришла сразу за пять дней. В одном из номеров публиковалось сообщение о трофеях войск Западного фронта, занявших города Сухиничи, Юхнов и Дорогобуж, в другом рассказывалось об освобождении Молвотицкого района. Писали газеты и о партизанах. Юрий Корольков поведал читателям «Правды» о нашем налете на Дедовичи. Петр Синцов — о жизни и борьбе белорусских партизан.

Отложив газеты, я включил радио, но попал на чужую волну. Гнусавый, надтреснутый голос немецкого диктора в сотый раз повторял один и тот же лозунг: «Весна — конец большевистского наступления!»

Наконец мне удалось настроиться на Москву. Передавали материал об окруженной демянской группировке врага. О том, что кольцо окружения все сжимается, что немцы голодают. Перехвачен приказ, который разрешает всем немецким частям, попавшим в клещи, употреблять в пищу конину, используя живых и дохлых лошадей.

— Отлично! — не удержался Толчишкин. — «Властители мира» переходят на господскую диету. Конское

мясо с душком. Любопытная картина. Сидят два немца и разговаривают: «Как ты думаешь, Фриц, почему так долго не едет наша походная кухня?» — «Потому, что повар везет ее на себе, а лошадь тем временем в котле доваривается».— И тут же пропел наскоро перефразированную им частушку:

Немец-перец, колбаса,
Кислая капуста,
Съел кобылу без хвоста
И сказал, что вкусно.

— Давай-ка нам в газету свой юмор,— предложил Обжигалин.

— Пожалуйста. Только за гонорар. Причем натурой. Денег не беру, они людей портят. Я вам частушку — вы мне табаку осьмушку. Идет? Я человек не жадный. Это не то что мой коллега Скипидаров. Он и разговаривает мало. Тоже с расчетом. Экономит. Боится лишнее слово израсходовать.

Вася Скипидаров, молодой крепкий парень, был по натуре молчалив и выпады своего тезки-печатника переносил мужественно.

— Опять заработал язык в заданном направлении,— покосился Скипидаров.— Говорить-то ты наловчился. Язык подвешен хорошо. А ты научись молчать. Эта наука посложнее.

— Тоже нашел науку. Выходит, ты самый образованный? Первый парень на деревне, а в деревне один двор. Великий человек! Особенно вечером, когда солнце заходит. От тебя такая длинная тень падает...

Дружба двух Вась, Толчишкина и Скипидарова, складывалась постепенно. Толчишкин долго не мог примириться со склонностью Скипидарова к молчанию. А тот, в свою очередь, не разделял безудержного веселья Толчишкина. Но со временем острые углы стирались.

— Знаешь что, Вася, ты на меня не обижайся,— подсев к Скипидарову, примирительно говорил Толчишкин.— Обижайся на штатное расписание. Я не виноват, что в нашей редакции начальства больше, чем подчиненных. И поругаться не с кем. Был Андрей Усенко, и того увезли. Вот и отдувайся теперь за всех.

— Куда увезли? — повернулся я и выключил радио.

— Да, ведь ты не был вчера и не знаешь о нашем несчастье,— отложив бумаги, подошел ко мне Обжигалин.— Лишились мы наборщика, Ваня. Не повезло. Где тонко, там и рвется.

Оказывается, вчера лесной лагерь был поднят на

ноги неожиданным взрывом в типографии. Обжигалин и Толчишкин кинулись к месту происшествия. Навстречу им Надя, наша помощница. Бежит, кричит что есть силы:

— Андрея убило!

А за ней и сам Андрей. Бледный, испуганный, с искаженным от боли лицом, он сжимал кисть левой руки. По пальцам стекала кровь.

— Что случилось, Андрей?

Но Усенко лишь качал головой и не говорил ни слова. Потом он разжал кулак и показал изуродованную руку.

— Нелепый случай, понимаешь, — продолжал Костя.— Парень набирал гранки. Захотел курить. Полез в карман за мундштуком. И по рассеянности не заметил, что в руку попал не мундштук, а запал от гранаты. Стал им стучать по стене, чтоб прочистить, угодил капсюлем в гвоздь. Запал взорвался. Ни за понюх табаку парень руку потерял. Пойду доложу Майорову, раз он приехал.

И повернувшись к Толчишкину, добавил:

— Ты, Вася, на Скипидарова не нападай. На нем теперь вся наша печать держится. Его беречь надо.

— Я и так стараюсь, закаляю человека, нервы ему взвинчиваю. Он со мной такую школу пройдет, что от него все болезни шарахаться будут. И пули не тронут.

Все это Толчишкин сказал уже без прежнего подъема. Веселость на какое-то время покинула его. Заметив это, Скипидаров подсел к нему поближе, спросил:

— Вася, а тебе бывает когда-нибудь грустно?

— Нашел время грустить,— уклончиво ответил Толчишкин.

— Так я же человек! Почему бы и не погрустить?

— Сентиментал, вот ты кто!

Скипидаров наклонился к Толчишкину и заговорил мягко, доверительно:

— Неужто нельзя, Вася? Ну скажем, помечтать. Вот я выйду вечером, сяду на холмик и смотрю, смотрю... Будто уже не снег передо мной, а поле с рожью или пшеницей. Машины идут по нему, и народ такой веселый.

— Да-а-а... Будут и пшеница, и песни, и машины, все будет! — не по-обычному мечтательно проговорил Толчишкин и тут же, словно преобразившись, перешел на свой стиль: — Мы здесь, в Серболовском лесу, филиал Большого театра откроем! На соловьиной базе.

Объединим их, организуем... Только что-то рано мы с тобой стали себя на мирный лад настраивать. Еще стен нет, а мы уже крышу ставим...

Уходя к Майорову, Обжигалин сказал мне:

— Я написал передовую статью о воздушных налетах и заметку о борьбе со шпионами. Прочитай и поправь, если что... А потом, слушай, чего это ты ко мне обращаешься, как подчиненный? Мы оба редакторы. На равных правах.

— Да, но под газетами в подписи твоя фамилия...

— Как будто не знаешь, почему. Была б у тебя семья в Татарии, а не под Псковом,— тогда б и твою фамилию обнародовали.

Передовые статьи Костя писал хорошо.

> Пожары не прекращаются, — прочитал я вслух. — То в одной, то в другой деревне падают сраженные насмерть старик, женщина или ребенок. Это зверствуют фашистские самолеты. Враг бросил в бой против мирного населения свои воздушные силы...
>
> Пусть погорелец повсюду встретит теплый прием и поддержку! Пусть у каждой женщины найдет ласку и приют осиротевший ребенок!

Вторая статья была другого характера: злая, суровая, гневная.

«Провести чистку Партизанского края!» — такой приказ был отдан в те дни Васильевым.

> Ловите шпионов и предателей! — подхватив голос комбрига, звала статья. — Вражеский разведчик наносит непосредственный вред и мирным жителям. Это по его сигналам фашистские самолеты бомбят и жгут деревни... Присматривайтесь к тому, кто идет мимо вас! Задерживайте и отправляйте к партизанам всех подозрительных!

— Не зря Николай Иванович называет нашего редактора Зажигалкиным. Видишь, как зажигательно пишет,— послышался из угла голос Толчишкина.

— Вася, тебе привет с Большой земли, от инструктора Политуправления фронта Семена Беспрозванного,— вспомнив, сказал я.— Он письмо Майорову прислал. И тебя не забыл. У него, оказывается, дочь есть. Имя смешное — Антенна.

— Вот что цивилизация делает! Дочь Антенна, сын Репродуктор. Целый радиоузел.

Сказав это, Толчишкин уткнулся в какую-то книжку и невнятно забормотал.

— Чем ты там занят, браток? Бубнишь что-то про себя,— спросил Скипидаров.

— Немецкий язык изучаю. В Дно собираюсь, фрицев навестить. Давненько не видел. Соскучился даже. По душам поговорить хочется. А чтоб все было на уровне, отрабатываю речь. Но, понимаешь, нужных слов в немецком разговорнике не нахожу. Ты погляди, как они учат наших людей с немцами обращаться. Не беседа, а пасхальная картинка: «Здравствуйте, мой милый друг! Как ваше здоровье? Милости просим за стол...» Я другие слова ищу: «Руки вверх, сукины сыны!»

— Не по той книжке язык изучаешь,— заметил Скипидаров.— Возьми «Спутник партизана», там найдешь то, что тебе надо.

Вскоре вошли Обжигалин, скульптор Лука Барбаш и инструктор политотдела Дмитрий Дербин.

— Милости прошу к нашему шалашу,— приветствовал их Толчишкин.— Тесновато будет, да ничего. Где тесно, там честно.

Минуту спустя за окном землянки заржал конь. Кто-то грузно спрыгнул с седла. Дверь распахнулась, и вошел дновский редактор Иван Шматов вместе со связной Шурой Ивановой.

— Вот это дело! — оживился Толчишкин. — Шура! С праздничком! Поздравляю и тебя, Антоныч.

— А меня с чем?

— С повышением. Ты теперь важная персона. Уже личного секретаря заимел.

— Чего смеешься? Шура на связь приехала. А сюда к вам письмо привезла. Из колхоза «Красные Новики». Сами колхозники написали в редакцию. Их деревню немцы спалили, а они вон что пишут:

> Покорить нас хотели, ироды. Черта с два! Как помогали Красной Армии и партизанам, так и будем помогать. Последним поделимся.

Письма в редакцию теперь уже перестали быть для нас новостью. Нам писали командиры и комиссары, рядовые партизаны и колхозники. Газеты все больше и больше завоевывали авторитет.

Шура Иванова побыла у нас недолго и быстро собралась в обратный путь, в свой отряд «Дружный».

— Кланяйся там Саше Иванову! — крикнул ей вдогонку Шматов.— Привет всем дновцам!

Саша Иванов — молодой командир отряда, совсем недавно заменивший Шматова. Воевал он смело, и партизаны любили своего вожака.

— К радистам зашел,— понизив голос, сказал Шматов.— Думал, порадуют, об обозе что-нибудь скажут. Ни ответа ни привета.

Скипидаров тем временем заинтересовался материалами, которые привез Шматов. Он знал свое бедное шрифтовое хозяйство и беспокоился, не слишком ли много в материалах встречается дефицитных букв. Заглянул через его плечо и Толчишкин.

— Антоныч, имей совесть. Все «фашисты» да «фашисты». Даже в заголовок это слово два раза вынес. Неужели других слов нет?

— А что, не нравится?

— Да я без шуток. Где мы тебе букву «ф» возьмем, если их десятка полтора на всю газету? Что, думаешь, я сам эту букву изображать буду? Руки в боки и на полосу? Ты что, ругаться разучился? Русскому человеку бранных слов не занимать. Называй их как угодно. Все будет верно.

— Костя, как слово «в обнимку» пишется? — спросил Шматов, оторвавшись от блокнота.

И хотя вопрос был обращен не к Толчишкину, Вася опередил Обжигалина:

— Очень просто. Писать надо вместе.

— Ошибка, Вася. Раздельно надо писать. Есть такое правило.

— У меня свое правило. Как же можно: «в обнимку» — и вдруг раздельно? Только вместе! Ну-ка, попробуй, обнимись раздельно! Ты жену тоже раздельно обнимал?

— Я ведь, ребята, только до вечера,— неожиданно сказал Шматов.— Пусть Вася пока набор делает. Через денек я вернусь. Как раз к верстке. А сегодня вечером уеду.

— Куда? — удивились мы.— Или дело какое срочное?

— К другу поеду. Тут у меня друг неподалеку в отряде...

— Ах, друг! — развел руками Толчишкин. — Тогда поезжай. К другу съездить обязательно надо. Только ты не торопись. Все равно сегодня никуда не уедешь. Понял?

— То есть как это не уеду? — теперь уже удивился Шматов.

— А так. Не уедешь и все. Гарантию даю.

— Да мне друга навестить надо. Съезжу и вернусь.

— А мы тебе кто? Седьмая вода на киселе? В общем, не поедешь.

— Ну, уж если так — назло тебе уеду.

— Вот назло — это другое дело. Поезжай. Люблю, когда назло делают... Где ты коня-то поставил? Небось на улице? Привязал к дереву? Заботливый хозяин, нечего сказать. Давай я пойду приберу. Вон какой морозюга на дворе.

Вернувшись с улицы, Вася застал Шматова перед карманным зеркальцем с бритвой в руках.

— Побриться решил? Ах, в связи с праздником. Понятно. Ну что ж, поговорим о празднике, о женщинах. Они самые милые, самые нежные, самые хорошие; самые непостоянные. Как погода в марте. Женщин надо жалеть, любить, ласкать, на руках носить, а на шею они сами сядут.

— Ну и наговорил,— не утерпела Надя Семенова.— Хоть бы ради праздника воздержался.

— Надюша, извини. Это к тебе не относится. Ты у нас единственная представительница прекрасного пола, и мы все тебя уважаем. Даже любим. Это я о таких говорю, которые одним глазом слезы льют, а другим подмигивают. Хотя по секрету скажу: думаю, что из тебя тоже путной старухи не получится. Это между нами. А теперь, сударыня, весели гостей. Принеси-ка патефон, покрути им пластинки. Только не какие-нибудь, а подбирай самые лучшие. Как, редактора? Может, прерветесь, послушаете? А я делом займусь. Пойду коня попою. Уж больно мне конь понравился. Смирный такой, покладистый. Не в хозяина.

Толчишкин вышел и вскоре вернулся обратно. Надя завела патефон, и в нашей сумрачной землянке сразу стало уютнее.

Улыбнись, Маша,
Ласково взгляни.
Жизнь прекрасна наша,
Солнечны все дни...

— Эх, как отстала от жизни эта пластинка! — вздохнул Дербин.— Было когда-то солнечно, да тучи все закрыли.

Вася пристально поглядел на Обжигалина. Было похоже, что свой юмор он направит сейчас на него. Вообще Косте нередко доставалось от Толчишкина. Особенно

любил он подшучивать над его юношеской застенчивостью.

— Константин Петрович! А ведь мы Эльму не поздравили. Как же так? Забыли. Моя симпатия и вдруг отсутствует. Нехорошо.

— А ты сходи за ней,— посоветовал Обжигалин.

Переводчице Эльме нравилось бывать в нашей землянке, хотя ходила она редко и всегда с каким-то поручением. Лишь однажды вечером Эльма зашла к нам по личному делу: попросила дать ей какую-нибудь книгу, что дало повод Толчишкину разыграть ее. Напомнив сейчас об этом Обжигалину, Вася начал дружески посмеиваться над ним:

— Извини меня, Петрович, но в женских делах ты не разбираешься! Ну что ты сделал? Пришла девушка, попросила у тебя книжку почитать, а ты взял да и принял это за чистую монету. Подал книжку, и все! Да разве в книжке дело? Зачем она ей понадобилась к ночи-то? Как же она будет читать в темноте, без света? Видел, как она взяла книгу, вздохнула и пошла? Ты же человека обидел, понимаешь? А еще писать романы собираешься. Из тебя писатель выйдет, как из меня священник: я бы всех верующих научил частушки петь. Честное слово! У меня молитвы на мотив «Катюши» исполняли бы. Постепенный переход от религии к культуре...

— Хватит языком молоть! Мозоль натрешь! — остановил Васю Обжигалин, которому не понравилась его шутка.

— Насчет мозолей не беспокойся! — вздохнул Толчишкин.— А вот с Эльмой нехорошо получилось.

В это время открылась дверь и вошла Эльма, а за ней Дмитрий Баранов, председатель Паревичского сельсовета. Он был у Майорова, но, проходя мимо типографии, решил захватить для крестьян свежие газеты.

— О, легкая на вспомине! — Толчишкин сыграл на языке туш и вышел навстречу.— А мы только собрались пойти к тебе. Хотели с праздником поздравить. Опять за книжкой? Прочитала?

Обжигалин строго посмотрел на Васю и поморщился. Но что это для Толчишкина!

— У тебя глаза хорошие, в темноте видишь. А Константин Петрович новую книжку тебе приготовил. Знаешь, какую? «Любовь переводчицы».

Эльма и на этот раз пришла по делу. Не обратив внимания на шутку Толчишкина, она сообщила нам с Кос-

тей распоряжение Асмолова явиться завтра утром к нему в штабную землянку.

— Лука! — добрался Толчишкин и до Барбаша.— А у меня к тебе есть претензия. Или ты глаза отсидел, не видишь, что вокруг тебя готовые скульптуры ходят. Что ни человек, то натура. Вот, к примеру, Эльма. Ну чем не образ? Типичная переводчица. Возьми выруби ее из дерева. Ты же мастер.

— Я хотел бы сначала тебя в дереве запечатлеть,— проговорил Барбаш.

— Меня нельзя. Фигурой не вышел. Сделаешь меня с натуры — выйдет карикатура.

— Это не важно...

— Важно не то, что важно, а важно то, что не важно, вот что важно,— скаламбурил Толчишкин.

— Ребята! Хорошо бы по чарочке поднять. В честь завтрашнего праздника. Вася, нет там у тебя ничего в загашнике? — неожиданно спросил Шматов.

Толчишкин внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал. Потом он тихо уединился в углу землянки, зажег лучину и начал что-то разогревать.

— Эй, алхимик! Ты что там колдуешь? — спросил Дербин.

— Сейчас увидишь. Ради праздника соображаю.

И вскоре он принес в кружке какую-то темную густоватую жидкость.

— Извольте отведать. Партизанское шампанское. За вкус, правда, не ручаюсь. У меня уже три месяца капли во рту не было. Давайте по кругу, по кавказскому обычаю.

— За верность жен! — подал голос Баранов.

— Ты опять за свое? Скажи-ка лучше ты, Васильич, за тобой слово,— кивнул Вася в мою сторону.

— Я поднимаю бокал за наших славных женщин, которые делят с нами все тяготы войны и украшают нашу жизнь! Они заслужили почет, уважение и любовь. За наших подруг!

— А ты не перегнул? — ухмыльнулся Толчишкин.— Этак они могут и загордиться.

— Пусть у наших подруг будет настолько чиста и прозрачна жизнь, насколько темна жидкость, которую мы за них сегодня пьем! — шутливо добавил Шматов.

По старшинству первым пил Костя.

Обжигалин сделал несколько глотков и с искаженным, как при зубной боли, лицом передал кружку соседу.

— Где ты такой отравы достал? Это ж колесная мазь.

— Чтоб внутренности не скрипели, — сказал Толчишкин, показывая пустую банку из-под древесного спирта.

Когда очередь дошла до Эльмы, ее с трудом уговорили прикоснуться к этому «экзотическому» напитку. Она сделала маленький глоток и тут же отскочила от кружки, как будто ее отбросило током.

Шматов крякнул, отставляя кружку, раскурил трубку, затянулся и пропел грубоватым баском:

Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить.
С нашим атаманом
Не приходится тужить...

— Со мной, брат, не пропадешь,— принял похвалу на свой счет Толчишкин.

— Ну ладно,— заторопился Иван Антонович.— Спасибо за угощение. Твоих басен, Вася, всех не переслушаешь, а мне ехать надо.

И стал собираться в дорогу. Оделся, затянул потуже ремни, пожал всем руки и вышел.

— Давай, давай! В путь добрый. Минут через пять увидимся,— бросил ему вдогонку Толчишкин.

И верно. Не прошло и пяти минут, как Шматов, чертыхаясь, вихрем влетел в нашу землянку. Куда девалось его спокойствие!

— Вот бродяга, вот сукин сын! — ругался Иван Антонович, бросая сердитые взгляды на Толчишкина.— И надо же мне было с ним связаться. Нашел кому довериться.

— Ты что, Антоныч, передумал? — поинтересовался Костя.

— Передумаешь! На чем я уеду? Ну подожди, балагур ты этакий! Это тебе так не пройдет. В бирюльки играть вздумал. «Давай я за твоим конем поухаживаю». Поухаживал. Иди теперь выхаживай обратно.

Мы ничего не понимали и переводили глаза то на Шматова, то на Толчишкина. А Вася, делая невинное лицо, с притворным удивлением спрашивал:

— А что, Антоныч? Плохо обрядил коня, что ли? Голодным оставил?

— Голодным! Тебя бы надо так раскормить, чтоб ты лопнул, скоморох несчастный. Иди помогай!

Нас разбирало любопытство: что же мог натворить

Толчишкин? Чтобы увидеть своими глазами, мы собрались помогать все.

Первое, что мы увидели,— распахнутые двери бани и в ней — лошадиную голову. Конь при виде хозяина жалобно заржал. Шматов схватил его под уздцы и, чмокая губами, громко крича «Но! Пошел!», начал выводить на улицу. Но не тут-то было. В дверь едва проходили передние ноги, а раздувшийся, как барабан, от корма и воды живот упирался в косяки.

— Вот, полюбуйтесь! Хоть баню разбирай.

Только теперь мы поняли злую Васину шутку. Первым захохотал Костя. Потом схватился за живот Дербин, за ним Вася Скипидаров. Что оставалось делать Шматову? Бросив поводья и безнадежно махнув рукой, он тоже начал трястись от хохота, медленно удаляясь от бани.

— Раздевайтесь! — скомандовал Толчишкин, входя в землянку.— Спектакль окончен. Будешь знать, Антоныч, как обижать нас. От друзей к друзьям не ездят. А теперь спать. Поедешь утром. Глядишь, к тому времени и конь отощает, в дверь пролезет.

— Сегодня день воскресный. Не буди рано,— попросил Обжигалин.

— Пожалуйста. Я могу вам хоть шестьсот минут отпустить. Мне не жалко. Если, конечно, немцы утвердят такое расписание, не разбудят раньше.

В ту ночь нас действительно разбудили немцы.

Глава 4 ТРЕВОГА

Темны мартовские ночи. Идешь по уснувшему лесу и ничего, кроме смутно белеющего под ногами снега, перед собой не видишь. Темнота скрывает и деревья, и тропки. Ощупью, с вытянутыми вперед руками пробираешься от дерева к дереву, чутьем угадывая верное направление. Не угадаешь — уйдешь в лес и будешь плутать. Особенно темно становится под утро, перед рассветом.

Именно в такое, самое глухое время, в непроглядную предутреннюю темень и были подняты на ноги все обитатели лесного лагеря. Нас разбудили винтовочные выстрелы и резкий крик часового. Стреляли совсем близко.

— Тревога! — закричал Вася Толчишкин и, быстро поднявшись с нар, схватился за автомат.

Нащупав в углу оружие, мы выскочили на улицу. На мгновение в лагере стало тихо. Потом тревожно захлопали двери землянок. В темноте ощущалось беспокойное движение. Люди бежали к бригадной землянке. Возле нее уже стояли поднятые по тревоге полковой комиссар Асмолов, начальник политотдела Майоров и начальник особого отдела Николай Иванов.

— Кто стрелял? — обращаясь к собравшимся, спросил Асмолов.

Одет он был по всей партизанской форме: в меховых унтах, в фуфайке, перетянутой ремнем, и ватных брюках. На голове — ушанка со звездочкой.

— Неизвестно, товарищ полковой комиссар! Видимо, часовой.

Никто ничего не знал толком. Все сгрудились у землянки, оглядываясь по сторонам, не понимая, что произошло, почему была открыта стрельба. Нас окружал лес, темный, безмолвный, настороженный. И эта непроницаемая чернота, и ненадежная, обманчивая тишина действовали угнетающе.

Громко шлепая по снегу сапогами, подбежал подчасок.

— Это мы стреляли! Немцы в лагере! — скороговоркой выпалил он.

— Как — немцы? — переспросил Асмолов.

— Стояли мы на посту,— сбивчиво рассказывал подчасок. — Слышим — кто-то идет. Разговаривают. Прислушались — немцы! Мы открыли огонь. Они тоже.

Сообщение часового еще более озадачило нас. Немцы в лесу. Где они? Сколько их? Может быть, они уже оцепили весь лагерь? Может быть, стоят рядом, за деревьями, слушают наш разговор? Мы терялись в догадках и предположениях.

Это было действительно неожиданно. Наш лагерь всегда считался самым безопасным местом в Партизанском крае. И вдруг — враг у самых землянок.

«А что, если с обозом неладно? — мелькнула беспокойная мысль.— Перехватили обоз, узнали о месте расположения лагеря и пришли?»

Отпустив подчаска и приказав вести неослабное наблюдение, Асмолов распорядился усилить посты. Все, кто находился в эту ночь в лагере,— работники политотдела, прибывшие из отрядов связные, радисты — были разбиты на четыре группы. Все они получили задание немедленно отправиться по разным направлениям на поиски врага.

Группа, в которую попал я, состояла из одиннадцати человек. Тут оказались инструктор политотдела Дмитрий Дербин, печатник Василий Толчишкин, наборщик Василий Скипидаров, скульптор Лука Барбаш. Старшим группы Асмолов назначил Николая Евмина, инструктора партизанского отдела штаба фронта, прилетевшего в край вместе с ним. Нам было приказано двигаться по «главному направлению», туда, где произошла стычка.

Мы бесшумно снялись с места и тронулись в путь. В лесу было еще темно. Прошли мимо поста, беспрестанно оглядываясь и держа оружие наготове.

Наша группа оказалась в невыгодном положении: притаившись за деревьями, враг мог поджидать нас на каждом шагу, а нам пришлось двигаться по открытому месту. Однако никаких признаков противника на нашем пути пока не замечалось.

Вот уже заблестела под ногами укатанная санными полозьями дорога, которая вела к деревне Беседки.

— Значит, не здесь,— покачал головой Дербин.— Не могли немцы так далеко уйти. Наверно, подались в другую сторону.

По сторонам стали просматриваться сопки, покрытые лесом. Внезапно впереди послышался нарастающий топот копыт. Кто-то быстро гнал лошадь. Мы свернули с дороги и встали за деревьями. Было решено: не стрелять, во что бы то ни стало задержать седока.

Лишь только мчавшаяся на всем скаку лошадь поравнялась с нами, двое партизан схватили ее под уздцы. Но сидевший в санях человек продолжал нещадно хлестать ее, пытаясь прорваться в лагерь.

— Вася! Орлов! — закричал кто-то, узнав в седоке юного разведчика и связного.— Куда ты?

Обрадованный Вася соскочил с саней, бросился к нам:

— Я из Беседок еду, в разведку. Там наш обоз с боеприпасами застрял. Ему надо было двигаться в лагерь, а колхозники говорят, что где-то промеж Беседок и лагеря — немцы. Вот меня и послали разведать: гони, говорят, что есть силы, если фашисты будут стрелять, на бегу не попадут. Прорвешься.

— Ну и как? — насторожились мы.— Встретил фрицев?

— Нет. Это я вас за немцев принял.

Положение по-прежнему оставалось неясным. Сведения о том, что противник находится где-то поблизости, подтверждались теперь и Васей Орловым. Но поче-

му же тогда не встретил их Вася на дороге от Беседок? Видимо, фашисты успели изменить маршрут.

Так или иначе, разведку следовало продолжать.

Редел черный лесной сумрак. Постепенно он перекрашивался сначала в синий, а потом в голубоватый цвет. Ночь таяла. Нарождалось утро.

Мы отправили Васю в лагерь, а сами пошли вперед по дороге. Настороженность наша заметно ослабла. Позади уже два километра, а никакого результата. Некоторые поругивали часового:

— Задремал, наверно. Приснились фрицы — и давай в воздух палить.

Мы шли быстро, поглядывая то на деревья, окаймлявшие дорогу, то на посветлевшее небо. Бойко перекидывались словами. Уже никто не держал оружие на изготовку. Винтовки покоились за спинами.

От дороги отделились в сторону свежие следы. Кто-то прошел здесь совсем недавно и свернул в лес.

— Хальт! — неожиданно и близко от нас раздался из леса окрик.— Вэр зинд зи? («Стой! Кто вы?»)

Мы беспорядочно попадали на дорогу, замерли. Вот тебе раз! Наскочили на вражескую засаду.

Несколько секунд длилась томительная тишина. Евмин приказал двум партизанам, одетым в маскировочные халаты, проползти в лес и установить расположение и численность врага.

Прокладывая руками и ногами дорогу, зарываясь в глубокий снег и лишь изредка подымая голову, двое парней поползли туда, откуда только что раздался окрик. Не успели они продвинуться и на десять шагов, как из-за деревьев взвизгнули пули. Фашисты открыли огонь. Мы ответили тем же. Разведчики в маскировочных халатах торопливо отползли назад. Одному из них пуля задела плечо.

— Там немцы, на снегу лежат, за деревьями,— донесли они.

— Сколько?

— А черт их знает. Двоих видели.

Противник был обнаружен. Но мы оказались снова в невыгодном положении: фашисты в лесу, мы на открытой дороге.

Перестрелка продолжалась. Над нашими головами то и дело посвистывали пули. Хорошо, что накатанная зимняя дорога напоминала желоб. Мы стреляли наугад, не видя противника.

Дмитрий Дербин получил задание возвратиться в

лагерь и доложить Асмолову, что фашисты обнаружены.

Стрельба с той стороны прекратилась. Мы тоже перестали стрелять. Снова наступила томительная тишина.

Чтобы вызвать фашистов на открытую дорогу, мы отползли назад. Поднялись, укрылись за деревьями. На дороге никто не показывался. Пришлось возвращаться обратно на свои невыгодные позиции. Не успели мы приблизиться к злополучному месту, как поток пуль с посвистом пронесся над нами. Теперь мы ползли уже под плотным огнем. Фашисты стреляли из пулемета, прижимая нас к земле. Мы тоже усилили огонь.

А в это время в лагере Дербин докладывал Асмолову обстановку. Выслушав его, Алексей Никитович сел в сани и, захватив двух партизан с минометом, отправился к месту стычки.

Мы увидели, как со стороны лагеря показалась подвода и остановилась в трехстах метрах от нас. Бойцы стащили с саней миномет и установили его у ствола сосны. Щелчок — и над нашими головами прошуршала мина. Она плюхнулась в рыхлый снег и не взорвалась. Мина упала так близко от нас, что второй выстрел мы ждали с большим опасением.

Меня окликнул Николай Евмин:

— Беги к Асмолову! Сообщи ему правильные координаты. А то своих побьют.

— А ну, Васильич, включай пятую скорость! — бросил мне вдогонку Толчишкин.

Ползти было тяжело. Я вскочил и побежал, петляя по дороге. Когда сбоку, совсем рядом, раздавался громкий выстрел, я инстинктивно падал в снег, будто за что-то зацепившись.

— Не бойся той пули, которую слышишь. Это уже не твоя,— крикнул мне Евмин.

Асмолов пристально всматривался в лесную опушку. Он увидел притаившегося там человека.

— Винтовка заряжена? — спросил он меня и, показывая на темную фигуру в кустах, приказал: — Стреляй!

— Товарищ полковой комиссар, надо проверить. Там не может быть немцев. Это кто-то из наших.

— Ну проверяй. И передай Евмину: пусть половину группы направит в обход.

Человек под кустом оказался учителем из Сошихина, нашим разведчиком. Он возвращался с задания и, услы-

шав стрельбу, спрятался, не понимая, что здесь происходит.

— Чуть тебя на тот свет не отправили. Разве можно так неумело маскироваться? — сказал я ему.

Поделив группу надвое, наш командир приказал пяти бойцам ползти вдоль дороги. Но лежавший впереди партизан почему-то не двигался с места.

— Толкните его, никак он уснул,— крикнул Евмин.

Партизана потормошили за плечо, дернули за ногу, но он не отозвался. Лишь голова его откинулась набок, и мы увидели на высоком лбу темную запекшуюся кровь. Боец умер так тихо, что никто из нас даже не заметил этого.

Мы оттащили убитого назад и глубже зарылись в снег, ведя перестрелку. Немцы отвечали редкими выстрелами. Мы ждали, пока наши товарищи зайдут с тыла. А когда услышали их дружное «Ура!», пригибаясь, бросились в лес.

Нашим глазам предстала странная картина: за деревьями лежало четыре убитых фашиста. Стволы сосен, за которыми они укрывались, были изрешечены пулями, ложи автоматов расщеплены. Авиационный пулемет вдавлен в снег.

Фашисты оказались летчиками. Это был экипаж транспортного самолета. Захватив их полевые сумки и планшеты, мы отправились в обратный путь. Разговаривать никому не хотелось. Сказывалась усталость. Операция вроде бы пустяковая, а поволновались вдоволь. Так всегда бывает. Неизвестность пугает, преувеличивает опасность. А когда все прояснится, наступает даже неловкость. Только Васе Толчишкину ничто не мешало быть самим собой:

— Братцы! А здорово мы одолели четырех фрицев. Гонялись за ними, как слон за мышью.

— Вася! А ты знаешь, что у тебя мешок за плечами пробит? Две дырки от пуль,— сказал Скипидаров.

— Для того и мешок ношу, чтобы тыл прикрывал,— спокойно ответил Толчишкин.

В планшетах и полевых сумках фашистов оказалось много ценных документов. Все они попали к нашей переводчице Эльме.

Уткнувшись в бумаги, Эльма вслух прочитывала только то, что могло интересовать нас, журналистов. Остальное просматривала молча. Мы с Костей Обжигалиным и Иваном Шматовым (Иван попал в другую группу и присоединился к нам только в лагере) под-

кладывали ей то донесение, то карту. Вася Толчишкин тоже не отходил от нас.

На одной из карт были указаны места действия партизан. Глянули мы и заулыбались: много же стало нас во вражеском тылу! Вся карта усеяна кружками. Особо старательно был вычерчен овал с наклоном вправо. Мы сразу догадались: «Не иначе, наш край». На нем было написано: «Партизанская земля». Красным карандашом отмечались места стоянок партизан. Черные кружки обозначали фашистские гарнизоны. Не все на этой карте было правильно, но стало ясно, как внимательно немцы следят за жизнью нашего края.

Дверь землянки приоткрылась, и в нее просунулась голова Дербина.

— Не знаете, где Майоров?

— Знаем. Наградные листы заполняет,— быстро ответил Вася.

— На кого?

— На тебя, на меня, на Скипидарова.

— Да я всерьез спрашиваю.

— А если всерьез, то ищи его на опушке леса. Ему Беспрозванный перед вылетом ППД подарил. Так он пристрелкой занимается.

Читая документы дальше, Эльма установила, что экипаж самолета состоял из пяти человек. Судьба пятого летчика была неизвестна. Асмолов тут же разослал распоряжение во все окрестные отряды: разыскать самолет и поймать летчика. Сам он выехал на несколько часов в тройку. Уезжая, озабоченно сказал Майорову:

— Мы здесь в кошки-мышки играем. Полдня потратили на четырех заблудших немцев. А у комбрига вчера была настоящая операция. Фронтовая, можно сказать. Как-то она прошла?

Глава 5 СОВМЕСТНЫЙ УДАР

В район Белебелки Васильев, Иванов и Головай прибыли глубокой ночью. Сразу направились в деревню Великое Село, которая находилась в шести километрах от райцентра. Здесь размещался штаб 2-го полка. Несмотря на поздний час, в некоторых домах еще светились огоньки.

Командир полка Павел Скородумов с нетерпением поджидал комбрига. Он волновался. На этот раз ему предстояло быть главным исполнителем задуманного дела. Командование воинской части, совместно с которой было решено освободить Белебелку, заверило, что для успешного проведения операции вполне достаточно одного партизанского полка. Скородумову очень хотелось завоевать уважение комбрига, показать свое умение руководить боем.

Когда Васильев переступил порог избы, командир полка по-военному вытянулся:

— Товарищ комбриг! Позвольте доложить...

— Садитесь и докладывайте,— спокойно сказал Васильев, снимая с плеча полевую сумку.

Скородумов был подтянут, строен. Его продолговатое лицо обрамляла пышная, тронутая проседью борода. Под густыми темными бровями молодо светились глаза.

Выждав, пока Васильев сядет, командир полка занял место напротив и начал рассказывать, не переставая держаться напряженно. Он сообщил, что для проведения боевой операции все готово. Отряды стоят на подступах к Белебелке. С командованием воинской части согласованы взаимные действия, определены объекты нападения, разработана схема боя.

План операции был предельно прост. С наступлением темноты отряды партизан скрытно обходят гарнизон врага с запада. Воинские подразделения делают то же самое с востока. Перед атакой в воздух поднимутся самолеты У-2. После бомбежки, в три часа ночи, ударные группы начнут штурм гарнизона.

— Комиссар полка Назаров вместе с начальником штаба Афанасьевым объезжают сейчас отряды, проверяют их готовность,— закончил свой доклад Скородумов.

— Когда намечена встреча с представителями воинской части? — спросил Васильев.

— В восемь ноль-ноль. За ночь они должны пробраться к берегу Полисти, а утром явятся сюда. Назад возвращаться не будут, останутся у нас до конца операции.

— А если нам потребуется связаться с командиром части?

— Такая возможность будет. Мы условились, что их представители захватят с собой рацию.

— Хорошо! А теперь давайте карту и схему боя.

Скородумов достал планшет. Под целлулоидной плен-

кой лежал квадрат карты-километровки. По широкой глади болот, с юго-запада на северо-восток, диагональю вытянулась белесая полоса суши. По ней струилась извилистая Полисть. На обоих берегах реки — деревни. Белебелка — самый крупный населенный пункт. Районный центр, разделенный рекой. На карте он был опоясан красными и синими стрелами.

— Вот посмотрите.— Скородумов положил на стол схему поселка. — На левом берегу находятся две трети зданий. Перед нами поставлена задача освободить именно эту, западную часть поселка. Атаку поведет первый отряд. Восточную часть, к которой примыкает деревня Литвиново, освобождает воинская часть. Но на долю партизан выпало еще одно задание. В семи километрах на север от Белебелки, за речкой Холыньей, расположена деревня Черная. Она в руках фашистов. Дорога к ней прямая и накатанная. Фашисты могут избрать ее для отхода. Нам предложено перекрыть эту дорогу, преградить врагу путь к отступлению. Эту задачу мы возложили на отряд Медведева. Он находится в деревне Гойки. Ночью отряд совершит марш в обход райцентра, выдвинется на север и займет позиции метрах в трехстах от дороги на Черную, в деревне Зюлема. Третий отряд должен занять деревню Заболотно, она в восьми километрах от нас. Его задача — не допустить возможный отход противника к дороге, которая ведет из Чихачева на Старую Руссу.

— Ну что ж, будем возвращать Белебелку в состав Партизанского края! — оторвавшись от карты, сказал Васильев.— Ведь она уже была в наших руках. Там стоял отряд «Ворошиловец». А двадцать девятого ноября, даже число помню, его вытеснили каратели. Но ничего, вернем! А теперь пора спать. Завтра будет не до сна.

На назначенную встречу представители воинской части опоздали. Вместо восьми пришли в десять часов. Их было двое: молодой щеголеватый лейтенант и радист. Не извинившись и не объяснив причины опоздания, лейтенант отрекомендовался и сел, разглядывая комбрига.

— Так вы и есть товарищ «В.»? — спросил он, улыбаясь.— Встречал в сводках Информбюро. Рад познакомиться.

— Любезностями будем обмениваться потом,— отклонил эту тему комбриг.— Давайте поговорим о предстоящей операции.

— А мы, собственно, уже все обговорили. Спорных вопросов у нас нет. Наша часть в боевой готовности. А ваши? Не подведут? Как у вас с дисциплиной?

Васильев строго посмотрел на лейтенанта.

— Плохо о нас думаете, лейтенант,— твердо сказал комбриг.— У нас такая же строгая дисциплина, как и в армии. А вот лично вы проявили недисциплинированность. Явились на два часа позже. Передайте по рации вашему командиру, что есть необходимость перед боем повидаться с ним.

Лейтенант поспешно написал текст и передал радисту. Ответ пришел незамедлительно. Командир отдельного батальона сообщил, что в двадцать ноль-ноль прибудет в деревню Великое Село.

Весь день шла подготовка к предстоящему бою. Уточнялись объекты нападения, проверялось оружие, создавались группы для устройства засад на дорогах, чтобы лишить фашистов возможности вырваться из окружения.

Вечером, точно в обещанное время, в деревню Великое Село прибыл командир батальона. Это был невысокий, плотный подполковник, живой и энергичный, с мягким прищуром глаз. Поздоровавшись с Васильевым, сразу завязал с ним оживленный разговор.

— Вы ведь тоже военный? — спросил он у комбрига.

— Да.

— Строевой командир?

— Нет, я политработник. До войны был начальником Дома Красной Армии в Новгороде.

Перешли к разговору о предстоящей операции.

— Каким оружием вы располагаете? — поинтересовался комбат.

— Наше оружие известно. Автоматы, винтовки, гранаты, немного пулеметов, два противотанковых ружья.

— В поселке, по данным разведки, не такой уж большой гарнизон,— сказал подполковник.— Немцы рассредоточили свои силы по окрестным деревням. Вы предусмотрели засады на возможных путях подхода противника?

— Да, конечно. Самую большую засаду мы устраиваем между Белебелкой и Черной.

— Выбить врага сразу из всех сел вряд ли нам удастся,— размышлял вслух комбат.— Не будем и задаваться такой целью. Война, как говорится, план покажет. А пока наш главный объект — Белебелка.

— У нас уже есть опыт нападения на крупные гар-

низоны,— заметил Васильев.— Мы устраивали налет на Дедовичи. Но именно налет. Нашей задачей было ударить и уйти. А здесь надо занять и закрепиться.

— Сопротивляться они, конечно, будут,— сказал подполковник, доставая из кармана портсигар.— Цепляются за каждый населенный пункт. Возьмите, к примеру, Холм. Фронт уже давно отодвинулся на запад, а они сидят там, как кроты в норах. И не уходят.

— В бою за Холм мы тоже участвовали. Вместе с частями Красной Армии. Но тогда у нас еще не было опыта совместных боев. Нам было предложено связаться с командиром тридцать третьей стрелковой дивизии полковником Макарьевым, но откуда он идет, мы не знали даже ориентировочно. На вопросы по радио нам никто не ответил. Получилась несогласованность действий. Снежные заносы и сильная вражеская оборона задержали наши войска. И что в итоге? Мы налетели на Холм собственными силами. А фронтовые части ударили по городу сутки спустя. Сейчас, конечно, такого не получится.

— Это исключено! Наши подразделения стоят под самой Белебелкой и ждут команды.

— Теперь вообще иная обстановка,— продолжал Васильев.— Вы подошли к самому Партизанскому краю. Освобожден Поддорский район. Очищены Молвотицы. Фашисты зажаты в клещи. С одной стороны фронт, с другой — партизаны.

Снова перешли к разговору о предстоящем бое. Подполковник подтвердил, что до начала атаки в воздух поднимутся самолеты У-2, принадлежащие 3-му отдельному авиаполку. Они произведут бомбежку поселка.

— Будут бросать бомбы через борт? — усмехнулся Васильев.

— А что делать? — развел руками подполковник.— Других самолетов на эту операцию нам не дали.

— Я понимаю. А мы не испортим дело этой воздушной атакой? Будет утрачена внезапность. Фашисты мобилизуются, приготовятся к обороне... Труднее их будет выбивать.

— Нет, этого не бойтесь. Самолеты их уже навещали. Налетят, сбросят бомбы, на том все и кончалось. Никаких атак после бомбежки мы не предпринимали. Немцы уже привыкли к этому. Но страху им нагоним. Пока фашисты прячутся от бомб в окопы, подбирают убитых и раненых, мы и нанесем главный удар. Для фашистов это будет полной неожиданностью. Тем более

что они никак не ждут нападения с тыла. Еще не было таких операций, где бы партизаны действовали вместе с авиацией. Это, наверное, впервые.

— Согласен! — Васильев встал.— Давайте разойдемся по своим командным пунктам. Сигнализация ракетами установлена. Одно из условий — взаимная выручка. Итак, до встречи в Белебелке!

Партизанский командный пункт был перенесен в деревню Крапивенку. Отсюда до Белебелки менее километра.

Над деревней спустилась ночь. Было тихо. Только где-то далеко, под самой Старой Руссой, погромыхивали пушки. Слева от Белебелки горела кем-то подожженная постройка.

Васильев, Головай, Скородумов и Назаров вышли на окраину села. Напрягая зрение, они вглядывались в полутьму, пытаясь увидеть очертания поселка. Окруженный лесами и болотами, он, казалось, спал.

Но вот в воздух взмыла ракета. Бледным мертвенным светом она озарила крыши домов и растаяла в небе, рассыпавшись на мелкие искры. Прошло несколько минут, и снова ракета прочертила небосклон.

— Может быть, фашистам стало известно о нашем налете? — с ноткой тревоги спросил Скородумов.— Почему они ведут себя так беспокойно?

— Ни черта им не известно! — уверенно заявил Васильев.— Это их тактика. Они всегда у линии фронта по ночам ракеты пускают. И местность освещают, и себя подбадривают.

— А сегодня и освещать не надо. Вон луна какая огромная,— закинув голову, сказал начальник штаба.— Наши летчики хотели на время боя осветительные ракеты подвесить, а потом отказались. И правильно сделали. Тут и без ракет видно. Такой фонарь на все небо.

...Время перед боем всегда тревожно. Васильев нетерпеливо переступал с ноги на ногу, то и дело поглядывая на часы. Теперь у него не было других мыслей, кроме одной: одержать победу, отвоевать Белебелку.

В два часа ночи в небе загудели самолеты. Партизаны уже давно научились распознавать звуки своих машин и сразу безошибочно определили:

— Наши! «Уточки» летят!

— Почему так рано? — недоумевал Васильев, еще раз взглянув на часы. — Говорили же — в половине третьего.

Удивился и капитан Головай. Он сказал с ноткой досады:

— Да, поторопились. Время, что ли, перепутали?

Но причина была не в этом. Внезапно резко изменилась погода. Разыгралась пурга. Как быть? Либо атаковать с воздуха немедленно, либо отказаться от воздушной атаки вообще. Все же решили пустить в ход самолеты.

Гул моторов нарастал. Вот уже «уточки» нависли над поселком. С земли лихорадочно ударил зенитный пулемет. Бисерные нити трассирующих пуль пунктиром прошили небо.

И вдруг сразу — взрыв за взрывом: «Ба-а-а-х!.. У-у-у-х!.. Ах-ах!..»

То там, то здесь сверкали вспышки. За ними следовал грохот. Он заглушил гул самолетов. Из-за деревьев парка, прикрывавших дома, вырвалось пламя.

Зенитный пулемет, захлебываясь, бил по самолетам. Но они не уходили, продолжая сбрасывать бомбы. А в это время окружившие поселок цепи партизан и солдат ждали сигнала.

Когда самолеты ушли и смолкли пулеметная дробь и взрывы, вокруг стало необычно тихо. Но тишина длилась недолго. Справа от поселка в небо взвились, вычерчивая радугу, три красные ракеты.

Штурм поселка начался сразу со всех сторон. Треск пулеметов сливался с винтовочной стрельбой. Взрывы мин и гранат эхом отдавались в ближайшем лесу. Несколько раз подряд бабахнула пушка. Грохот нарастал.

Партизанские командиры покинули окраину Крапивенки и приблизились к поселку. Теперь они уже не только слышали, но и видели, как, перебегая улицу и пригибаясь к земле, строчили партизанские автоматчики. В окна летели гранаты, бутылки с горючей смесью. С пронзительным треском лопались мины. Едкий дым, вырываясь из окон, гарью оседал на недавно выпавший снег.

Дорога к командному пункту ожила. Показалась санитарная повозка. В ней тихо стонали раненые. Зачастил по звонкому льду топот копыт: верхами мчались связные. Торопливо и кратко, чтобы сэкономить время, они передавали сообщения о ходе операции:

— Рота Андреева продвинулась до здания клуба!

— Противотанковой гранатой выведено из строя вражеское орудие!

— В направлении деревни Черной фашисты отправили автомашину с военным имуществом!

Запоминая сообщения связных, Васильев напряженно вслушивался в грохот стрельбы. Он знал расстановку сил: откуда должны наступать автоматчики, где установлены пулеметы и трофейная пушка, какую позицию заняли стрелки с противотанковыми ружьями. Теперь комбриг по звукам читал и определял темп и ход боя.

На левой окраине поселка реже стали стрелять пулеметы.

— Что случилось? — встревожился комбриг.— Почему ослабили огонь?

В охваченный огнем поселок полетел связной с приказом командира полка:

— Усилить огонь слева!

Из-под берега послышался резкий шум мотора. Похоже, двигался танк.

— Что же молчат бронебойщики? Надо быстрее вывести танк из строя! — комментировал Васильев.

И уже новое приказание командира полка передавал связной атакующим группам:

— Огонь по танку!

Не прошло и нескольких минут, как из-за укрытия, где были установлены противотанковые ружья, полетели трассирующие пули.

Но стрельба из ружей не остановила танк.

— Гранаты! Пустить в ход гранаты! — давал новую команду Скородумов.

Когда замолк установленный над обрывом станковый пулемет партизан, комбриг сразу уловил это и решил, что убит или ранен пулеметчик.

— Замену, быстро! Ну что они там медлят?

Пылали постройки, трещали автоматы, ухали мины, с пронзительным треском рвались гранаты. В темном небе широко расплывалось багровое зарево. Теперь даже комбригу и его помощникам трудно было понять, что творилось в поселке.

— Автоматчикам не пробиться к реке! — спрыгнув с коня, доложил очередной связной.— Дорогу преградил фашистский пулемет. Бьет из каменного сарая без перерыва. Снять его никак не удается.

Скородумов сдвинул брови, на несколько секунд задумался. Но не успел он принять решение, как на командный пункт прибежал местный парень:

— Товарищ командир! Дайте мне гранату! Я накрою пулемет.

Павел Скородумов оглядел парня. Невысокий, кряжистый, в драной шубенке, в шапке с одним ухом и стоптанных валенках.

— Откуда ты такой взялся?

— Я здешний. Это из нашего сарая бьют немцы. Я знаю, как туда пройти. Дайте гранату!

Командир полка думал недолго.

— На! Иди! — сказал он и, выхватив из-за ремня гранату, передал ее парню. Тот мгновенно скрылся в темноте.

А вражеский пулемет все строчил и строчил. Даже перебежать от дома к дому партизанам было невозможно.

Парень торопился. Пригибаясь к земле, он шел по каким-то скрытым, только ему одному известным тропкам и вскоре приблизился к сараю. Вспыхнувшая над крышей ракета ослепила его. Юноша лег на землю, пополз. Вот уже совсем близко каменная стена. Парень выпрямился и прильнул к ней спиной. Раскрытыми ладонями он прижимался к холодным, иссеченным пулями камням, осторожно продвигаясь к двери, из которой сверкало вспышками дуло пулемета.

В одно мгновение юноша выхватил гранату и до боли в пальцах сжал ее рукоятку. Он уже занес руку, чтобы бросить гранату в проем стены, как вдруг пулемет замолк. «Что случилось? — удивился парень.— Убит пулеметчик? Или он закладывает новый диск? Так или иначе, надо действовать...»

Чьи-то сильные руки схватили парня за плечи и словно железным обручем стянули их. «Немец?» Парень попытался высвободиться, но не мог. «Выронить гранату?» — мелькнула мысль.

В эту секунду в воздух взлетела ракета. Яркий свет озарил стену сарая. Продолжая вырываться, парень взглянул на державшие его руки и вздрогнул. На правой ладони темнел шрам от пули. Этот шрам был знаком ему с детства. Он узнал бы эту руку из тысячи других. Парень резко повернул голову и вскрикнул:

— Отец!

— Генка! Убери ее, не бросай! Не надо...

— Отец! А где пулеметчик?

— Его нет, Генушка! Это я его...

Геннадий прыжком влетел в дверь сарая и нащупал пулемет. Он знал, как обращаться с немецким оружием: взял пулемет за рукоятку переноса, подогнул ножки опоры и вынес его на дорогу.

По улице, стреляя на ходу, в панике метались фашистские солдаты. Они прятались от огня партизан, не оглядываясь назад, зная, что сзади их надежно прикрывает пулеметчик.

Парень нацелил на врагов пулемет и нажал на спусковой крючок. Пулеметная очередь звучно вплелась в общий шум боя.

Геннадий стрелял короткими очередями. Фашисты бросились наутек, не понимая, что произошло. Пулемет, прикрывавший их, стреляет по своим! Но раздумывать было некогда. Немцы шарахнулись в сторону, но попали снова под огонь. Из-за кирпичной оградки выскочили партизанские автоматчики, которые до этого лежали на снегу, прижатые огнем фашистского пулемета.

Сопротивление фашистов было подавлено. Посреди поселка партизаны встретились с советскими воинами. На ходу обменивались приветствиями, обнимались и снова бежали, чтобы быстрее завершить операцию.

Северная часть поселка оказалась безлюдной. Куда девались немцы?

Когда об этом доложили Васильеву, он догадался:

— Ушли на Черную!

— Бесполезно! — сказал Головай.— Там у нас засада. Не пропустят.

Так думало командование бригады и полка. Так хотелось и командиру 2-го отряда Василию Медведеву, и комиссару Виктору Таптикову, сидевшим со своими партизанами в засаде.

2-й отряд насчитывал свыше восьмидесяти человек. На вооружении он имел пулеметы, автоматы, винтовки и два ротных миномета. Но боеприпасы были крайне ограничены.

Перед рассветом пурга прекратилась. Находясь в засаде, Медведев и Таптиков напрягали зрение и слух, чтобы вовремя заметить приближение противника. И когда расслышали шум и поняли, что от Белебелки двигается группа немцев, залегли вдоль дороги и приготовились к бою. Подпустив фашистов поближе, партизаны открыли огонь. Бой был коротким. Немцев оказалось мало, и все они были перебиты. Партизаны успокоились, считая свою задачу выполненной.

Это была ошибка. Фашисты оказались предусмотрительными. Боясь наскочить на партизанскую засаду, они послали вперед разведку. Ее надо было бы пропустить. А отряд Медведева вступил с ней в бой, не догадываясь, что главные силы немцев находились сзади.

Пока партизаны расправлялись с разведкой, противник развернулся и ударил во фланг. Партизанам пришлось туго. Фашисты сбили их с дороги, прорвались в Черную и заняли там оборону.

Обо всем этом доложил командованию связной.

— Потери большие? — спросил его комбриг.

— Да, немалые. Погиб командир взвода Поддаренко. Тяжело ранен начальник штаба Сорокопуд. Легкое ранение получил командир отряда Медведев.

— Буслай! — позвал Скородумов связного.— Слушай задание!

Васильев посмотрел на связного.

— Это что, кличку тебе дали такую? — спросил он.

— Никак нет, товарищ комбриг! Это не кличка. Меня зовут Василий Буслаев.

— Какое совпадение! Словно из дружины Александра Невского вышел!

— Передай Медведеву,— дал приказ связному Скородумов, — пусть отряд находится в засаде и держит в своих руках дорогу. Это на случай, если фашисты попытаются вернуться в Белебелку.

— А я считаю,— сказал комбриг,— им надо не в засаде сидеть, а совершить налет на Черную. Пусть исправят свою ошибку.

...Бой в Белебелке закончился. Стрельба стихала. Партизанские командиры направились в поселок. На одной из улиц они встретили группу военных, среди которых комбриг увидел знакомого комбата.

— Ура партизанам! — издали закричал подполковник.

— Привет советским воинам! — ответил Головай.

Васильев торопливо пошел навстречу комбату. Взволнованные, разгоряченные, радостные, они обнялись и расцеловались. Несколько секунд командиры стояли молча, глядя на дымящийся поселок.

— День-то сегодня памятный. Женский праздник! — вспомнил комбат.— Хоть бы поздравить кого-нибудь.

По улице в полушубке, с санитарной сумкой, переброшенной через плечо, шла молодая девушка — медицинская сестра Павловская.

— Девушка! Поздравляем с праздником! Как зовут-то тебя?

— Аня.

— С Днем Восьмого марта, Анечка!

— А где тот парень, что пулемет захватил? — неожиданно спросил Васильев Павла Скородумова.

— Не знаю, товарищ комбриг,— пожал плечами командир полка.— Скрылся куда-то.

— Разыскать его! Обязательно. Он награды достоин. А сейчас пройдите с комиссаром по отрядам. Узнайте наши потери. Если с гарнизоном все покончено, в девять ноль-ноль приходите в здание райкома. Там будем подводить итоги.

...Когда связной привез приказ 2-му отряду совершить налет на Черную, у командиров он не вызвал удивления. И Медведев, и Таптиков знали, что комбриг мог принять только такое решение: совершили промах, пропустили немцев из Белебелки,— исправляйте! Они чувствовали себя виноватыми за допущенный просчет и хотели как можно скорее искупить свою вину.

— Виктор Николаевич, давай подымать отряд, время не терпит, — сказал Медведев комиссару. — Поставим задачу — и в бой.

— Конечно, идти в атаку днем... — начал было Таптиков.

— Ничего! Не впервой.

И командир, и комиссар были одеты одинаково. Новые белые шубы перетянуты портупеями, с левой стороны поверх шуб висели планшеты, с правой — пистолеты.

Отвернувшись к окну, Василий Андреевич вынул из планшета фотоснимок. На нем была молодая женщина. Подержал его перед глазами и положил обратно. Увидев это, комиссар улыбнулся про себя. Он и раньше замечал, что перед каждым боем командир доставал этот женский портрет: то ли вдохновлял себя, глядя на любимую женщину, то ли на всякий случай прощался с ней.

— Михаил Иванович! — обратился Медведев к инструктору политотдела Иванову.— А ты как? С нами пойдешь или направишься в Белебелку?

— Конечно, с вами,— ответил Иванов.

Через полчаса отряд вышел на боевую операцию. В деревне Зюлема остались только те, кому было приказано эвакуировать раненых и похоронить убитых.

Вокруг Черной — ни лесов, ни болот. Подходы голые. Вначале партизаны шли прямо по дороге, но, дойдя до речки Холыньи, свернули вправо и по берегу ее притока, прячась в жидких промерзших кустах, двинулись на деревню.

Отряд рассчитывал захватить фашистов неподготовленными к обороне. «Не могли же они так быстро око-

паться»,— рассуждали партизаны. Оказывается, могли. Наученные ночным налетом партизан и советских воинов, фашисты с первой минуты появления в Черной позаботились об укреплении своих позиций. И если бы там были только немцы, бежавшие из Белебелки! Фашисты держали в деревне Черной крупный гарнизон, который заблаговременно обеспечил себе надежную защиту. Теперь он стал еще сильнее — получил пополнение.

Подойти к Черной скрытно не удалось. До села было еще метров триста, а фашисты уже заметили партизан и открыли огонь.

— За мной! — закричал Медведев, вырвавшись вперед.— В атаку!

Рядом находился комиссар. Стреляя на ходу из автомата, он тоже устремился вперед. Партизаны бросились за командирами, обогнали их, как бы прикрывая от огня. Но зоркий глаз фашистского снайпера, засевшего в крайней избе, разглядел главные фигуры в толпе атакующих партизан.

Первым был сражен Василий Медведев. Он не успел даже крикнуть: вражеская пуля навылет пробила правый висок.

— Командир убит! — во весь голос закричал адъютант и склонился над Медведевым.

— Спокойно! Без паники! — раздался голос комиссара.— Товарищи! Слушайте мою команду! Первый взвод! Обходи село справа! Минометчики! По крайнему дому — огонь! Прицельно! Беречь боепри...

Голос комиссара оборвался. Оказавшийся рядом партизан Николай Поваров круто обернулся и увидел, как Таптиков зашатался и упал в снег.

Атака продолжалась. Передовые группы ворвались в село. Но силы были слишком неравны. Натиск угасал. Плотный огонь вынудил партизан отходить. Отстреливаясь, они скатывались под спасительный берег реки...

В Белебелку отряд возвратился поздно вечером. Инструктор политотдела Михаил Иванов поспешил доложить комбригу о случившемся:

— Неприятные вести, Николай Григорьевич.

— Что? — насторожился Васильев.— Не выбили немцев из Черной?

— Хуже. И Черную не взяли, и потери понесли тяжелые. Там оказался большой гарнизон.

— Так надо было дождаться ночи!

— Медведев спешил. Он очень переживал свой промах.

— Но зачем повел отряд днем? Я ему сделаю внушение.

— Уже не сделаете, Николай Григорьевич. Медведев погиб. И комиссар тоже...

Васильев помрачнел.

— Потерять сразу двух командиров... Это уж слишком!

...Ранним утром, когда еще не рассеялся ночной мрак, Васильев и Скородумов собрали весь личный состав 2-го отряда. Начальник штаба Василий Головай зачитал приказ командования о замене погибших руководителей. Командиром отряда назначался Николай Иванович Савинов, комиссаром — Федор Иванович Чугунов. Затем взял слово Васильев:

— Приказываю вам занять оборону в деревне Зюлема. Ваша цель — не пропустить немцев из Черной в Белебелку. Второй налет на Черную делать запрещаю. Придет время, освободим и Черную!

Партизанский заслон находился в Зюлеме целую неделю. Потом в нем отпала необходимость. Приказом комбрига он был снят. А в конце марта сюда вступили советские войска.

Васильев, Головай и Иванов выехали в обратный путь. По дороге, сидя в одних санях с Ивановым, комбриг спросил его:

— Какое у вас впечатление о втором отряде?

— Очень хорошее. Там есть отличные ребята. Я со многими познакомился. Мне понравились Василий Буслаев, Николай Поваров, Олег Зелинский, минометчик Василий Мошкин...

Васильев мысленно подводил итоги проведенной операции. Задача, поставленная Военным советом Северо-Западного фронта, была выполнена. Противник из Белебелки выбит. Но полного удовлетворения не было. Большие потери омрачали. Комбриг за всю дорогу не проронил больше ни слова. Молчали и остальные.

Глава 6 БУДНИ

Первым встретил Васильева Асмолов. Обнял за плечи и, заглядывая ему в глаза, пытаясь определить настроение, спросил:

— Ну как? Со щитом?

— Да. Белебелка освобождена.

Рассказав Асмолову об операции, комбриг тут же поинтересовался, что произошло в крае за время его отсутствия. Сообщение о приходе к лагерю летчиков его насторожило.

— Этак они могут целым батальоном сюда нагрянуть. Надо усилить охрану. Пятого летчика не нашли?

— Пока нет.

— Что требует от нас Большая земля?

— К Порхову не идем. Временно отложили. И это вполне разумно. Тут у нас под боком карателями хоть пруд пруди. В Точках — три сотни, в Острой Луке — четыреста... Я послал приказ в третий полк,— и Алексей Никитович протянул Васильеву копию приказа.

Рачкову, Смирнову.

Руководители партизанских отрядов не ждут указаний сверху, а бьют врага всюду, где бы он ни появлялся. Ваша задача — истребить противника в районе Острая Лука. Донесение о разгроме группировки противника ожидаю к утру 14.3.42 г.

Асмолов.

— Беспокойно стало и вокруг озера Полисто,— продолжал Алексей Никитович.— Я отдал приказ первому полку и отряду Ашевской тройки разгромить группу немцев в деревне Веряжи. Начертил им схему операции.

Васильев незаметно улыбнулся. Он знал пристрастие Асмолова к «чертежам». До каждой детали расписывал план операции полковой комиссар, почти ничего не оставлял исполнителям для раздумья. На схеме было выведено:

Все отряды должны вплотную подойти к деревне и забросать противника гранатами. Атаку одновременно всеми силами начать в три часа ночи.

— Надо направить туда еще пару отрядов,— сказал Васильев.— Больше уверенности будет.

Вошла переводчица Эльма, робко огляделась: ее смутило большое количество людей в землянке.

— Что, Эльма? Ко мне?

— Простите, я не знала, что вы заняты. Я перевела письма немцев, которые вы мне передали.

— Ну-ну! Интересные письма?

— На мой взгляд, да.

Васильев взял из рук Эльмы пачку писем, развернул первое, лежавшее сверху.

— Пишет солдат Георг своей знакомой Гэди. Любопытно, какими радостями он делится?

> ...Теперь у нас опять черт знает что творится. Десять дней тому назад из нашего полка была отобрана рота для борьбы с партизанами. Это просто безумие: на расстоянии двухсот километров от фронта сейчас происходят боевые действия. У нас здесь настоящая война с партизанами, которые нам всячески досаждают. К сожалению, это стоит нам все новых и новых потерь. Как видишь, тут тоже жизнь висит на волоске.

Начинало смеркаться. В укромных уголках леса собирались первые густые тени. Лагерь вновь был поднят по тревоге. На этот раз не стрельбой, а громкими криками на посту.

— Сюда! Скорей! На помощь!

«Нападение на часового»,— первое, о чем подумали мы, выскакивая из землянки и спеша на выручку. Но увидели мы совсем другое. Утопая по пояс в снегу, испуганно оглядываясь и петляя из стороны в сторону, от поста в глубь леса бежал человек. Рядом с часовым растерянно и суетливо метался пожилой мужчина. Он бил ладонями по заледеневшим полам шубы и неистовым голосом кричал:

— Лови его! Лови!

Часовой целился в бегущего, но почему-то не стрелял.

Оказывается, произошло следующее. Партизаны из отряда имени Горяинова схватили немецкого шпиона. Решили отправить его в штаб бригады. Связали руки, усадили в передок саней, а подводчику приказали: следи в оба.

— Куда меня везут? — уже по дороге испуганно спросил предатель.

— В соседнюю деревню. На допрос.

Первую часть пути шпион вел себя сравнительно спокойно. Но чем глубже подвода забиралась в лес, тем он больше нервничал: косил глаза то на подводчика, то на лежавшую рядом с ним винтовку.

Вот уже остались позади редкие болотные сосны. Мелькнула крыша землянки. Из-за дерева показался часовой. Шпион сразу все понял: если уж решили показать свое тайное убежище, значит, отсюда живым не уйдешь. Сильным толчком ноги он выбил из саней винтовку, плечом ударил подводчика, выкатился на дорогу — и ходу.

— Растяпа! — бросил Толчишкин подводчику и побежал в землянку за лыжами.

Несколько партизан, среди которых был и наш Вася, быстро встали на лыжи и ушли в погоню. Расширяя между собой дистанцию, они стремительно углубились в потемневший от сумерек лес.

Первой деревней на пути было Круглово. Беспорядочным строем лыжники въехали на деревенскую улицу. Но беглеца здесь не оказалось. Где же он? Простоял где-то за деревом?

— У него одна дорога, а у нас — сорок. Попробуй найди,— ворчал Толчишкин.

Партизаны снова рассыпались по снежному полю. Вася Толчишкин решил держаться санного пути, сообразил, что по глубокому снегу без лыж далеко не уйдешь. И не прогадал. Нагнувшись, чтобы поправить на ноге ремешок, он вдруг явственно расслышал глуховатый звук. Похоже, будто кто-то неподалеку пилил дерево.

Вася устремился туда. Ехал осторожно, тихо. И вдруг сквозь ветви увидел: у березы, словно поставленный под расстрел, стоял человек и терся о ствол спиной, пытаясь сорвать ремень и высвободить руки. Он был так увлечен своим занятием, что не заметил подъехавшего Толчишкина.

— Труд на пользу! — крикнул Вася и вскинул автомат.

Шпион вздрогнул, но бежать не пытался...

Начальник особого отдела Иванов уже знал подробности задержания. Случилось это у деревни Подосье. Туда приехали партизаны из отряда имени Горяинова. Подобрали удобное место для засады, умело расположили огневые точки. Каждый боец получил сектор наблюдения и обстрела. Приготовились к встрече врага.

К вечеру на горе показались четыре подводы. Сидевшие в них фашисты начали обстреливать лесную опушку. Решили проверить, нет ли засады. Это была разведка. Партизаны молчали. Тогда осмелевшие немцы дали сигнал своему обозу: можно двигаться. На гору выехали еще тридцать подвод. Партизаны срочно послали связного с донесением в штаб отряда, а сами подпустили врага совсем близко и открыли огонь.

Получив донесение, командир отряда Григорий Волостнов разбил партизан на три группы и дал приказ наступать. С одной группой он пошел сам. Не доехав двух километров до деревни, горяиновцы встретили

человека в фуфайке и треухе. Он ехал на деревенских розвальнях, беспечно покуривая и поторапливая лошадь. На соломе лежали тугие, чем-то наполненные мешки.

— Здравствуйте! — вежливо приветствовал встречных возница.

— Здравствуй, коли не шутишь.

«Незнакомый. Надо бы остановить»,— подумали партизаны, уже пропустив подводу.

— Эй, товарищ! Закурить есть?

— Нет,— ответил подводчик и подстегнул лошадь.

— Стой! Говорят тебе, стой. Иль оглох? Что везешь?

— Зерно.

— Почему оно у тебя такое угловатое? Смотри, углы торчат.

Опрокинули сани, скинули мешки — и все стало ясно. В зерне оказался коротковолновый передатчик. В другом мешке был найден выданный немцами паек: колбаса, печенье, сыр и папиросы. Тут же нашли бумагу с шифром для радиограмм, пистолет и ракетницу.

Поняв, что дела его плохи, шпион рассказал партизанам о том, что вслед за первой карательной группой идет вторая.

Вскоре немцы действительно получили подкрепление. Попав под шквал партизанского огня, они залегли в канавах вдоль шоссейной дороги. Пришлось выкуривать их оттуда минометным огнем и гранатами. С наступлением сумерек в помощь Волостнову пришел посланный штабом бригады еще один отряд.

Бой затянулся до поздней ночи. Драка, как любил называть боевую операцию Григорий Волостнов, была настоящая. Почти все каратели были перебиты. На поле боя валялись семьдесят восемь трупов. Партизаны захватили два ручных пулемета, рацию, три тысячи патронов, гранаты и пистолеты. Сами потерь не имели...

— Не забывает нас Гиммлер,— укладывая в папку материалы допроса, сказал Иванов вошедшему в землянку Майорову.— Нет-нет да и посылает в край своих агентов. Опять появились «жестянщики», «портные», «сапожники». Подделываются под простачков, ходят с перекинутыми через плечо сумками и предлагают свои услуги. А сами, как летучие мыши, и по ночам все видят.

А тем временем Васильев продолжал знакомиться с обстановкой в крае, прочитывал донесения из бригад, полков, отрядов и другие документы. Из всех радио-

грамм, полученных с Большой земли, его особо заинтересовала одна. Штаб фронта приказывал:

Васильеву, Асмолову.

Очистить район от противника. Прочно держать за собой дороги. Не допускать передвижения вражеских войск.

Курочкин, Пронин, Ватутин.

— Трудную задачу ставит перед нами командование фронта, — покачал головой Васильев и, услышав шаги на улице, заглянул в окно. К землянке подходили Рачков, Майоров и Иванов.

— Здравия желаю! — сделав под козырек, громко воскликнул Рачков и снял папаху. Редкие рыжеватые волосы плотно прилипали к его голове.

Комбриг сразу повеселел.

— Ну, рассказывай. Как дела в полку? — Васильев усадил Рачкова и приготовился слушать.— О засаде горяиновцев я уже слышал. Мне по дороге Гриша Волостнов доложил. И о том, что вы готовите налет на Большой Клинец, тоже знаю. А еще что?

— Теперь у нас каждый день бои,— неторопливо начал Рачков.— Удачную засаду устроили вчера партизаны отряда имени Бундзена. Двенадцать человек разгромили целую колонну врагов. Захватили четырнадцать винтовок, два автомата, четыре тысячи патронов и много гранат. Произошла стычка с немцами в деревне Городок. Там полностью уничтожены фашистская разведка и еще полсотни солдат и офицеров. А вот у Тюрикова нас постигла неудача. Отряд «Ворошиловец» готовился разгромить фашистский гарнизон в деревне Чернево. В пути наскочили на немецкую засаду. Девятнадцать человек потеряли. Ранен командир отряда старший лейтенант Александр Артемьев. Отличный командир, потомственный военный. Отец его — генерал-полковник, командующий Московским военным округом. В ноябре сорок первого командовал парадом на Красной площади.

— Что же они там? — Васильев наморщил лоб.— Бдительность потеряли? Засада — это наш метод борьбы. А они его врагу передали?.. Кого же назначим вместо Артемьева?

— Я предлагаю передать отряд «Ворошиловец» Василию Павлову — командиру роты из «Буденовца». Он здесь, со мной. Может, позвать?

— Позови.

Вошел Павлов — невысокий, круглолицый и очень подвижный человек. За ним комиссар отряда Григорий Рябков.

— Несколько лет заведовал военным отделом в Сошихинском райкоме, — представил нового командира Рачков.— Человек подготовленный, имеет опыт партизанской борьбы.

— Это хорошо,— успокоился комбриг.— Что ж, Василий Васильевич, я не возражаю. Принимай отряд. И держи высоко марку «Ворошиловца».

Вскоре в землянку вошел связной из 5-й бригады. Он доложил, что бригада ведет бои. Крупная схватка разгорелась в деревне Севера. Там находился в засаде отряд «Боевой» во главе с командиром Дмитрием Новаковским. 7 марта из соседних деревень Сосницы и Корпово двинулось несколько сот карателей. Они повели наступление на Северу. Бой длился около трех часов. Силы были неравны. Фашисты с трех сторон обошли село и вступили в него. Партизаны оставили деревню, на улицах которой валялось более сотни вражеских трупов.

Потом отряду пришлось выдержать еще один бой. Рота немцев из дивизии СС двигалась на деревню Станки. Партизаны подпустили врага на пятьдесят метров и открыли ружейно-пулеметный огонь. Фашисты разбежались, понеся большие потери. Другой отряд этой же бригады устроил засаду у деревни Чернево. Уничтожено около трех десятков гитлеровцев. Партизаны захватили радиостанцию, два пулемета, много документов.

Начала действовать 1-я особая бригада Никиты Буйнова. В донесении, которое привез связной, рассказывалось о двух боях. Группа из отряда Григория Тимофеева находилась в боевом охранении в деревне Городня, около мельницы. На правом берегу Шелони появился взвод фашистов. Партизаны подпустили их на полтораста метров и открыли стрельбу. Фашисты бежали, оставляя на поле боя убитых. Через день немцы пустили уже роту солдат. Они вошли в деревню Красулино и повели сильный огонь из минометов по деревне Заполье. Там стоял отряд Анатолия Кондратьева. Последовала команда: «Не отвечать! Не выдавать расположение отряда!» Кондратьев направил взвод для удара по фашистам с тыла. Гитлеровцев охватила паника. Они решили, что окружены, и, неся потери, откатились назад.

Когда стемнело, к землянке комбрига подъехал всадник. Он проворно спрыгнул с седла и, войдя, представился:

— Иван Иванович Грозный! Командир отряда четвертой Старорусской бригады.

— Сам Иван Грозный пожаловал! — Васильев встал и крепко пожал ему руку.— Мы ждали вас. Как добрались? Где Алексей Лучин?

— Комбриг двигается следом. Мы вышли из Парфина,— не спеша и совсем тихо, словно боясь, что его подслушают, начал рассказывать Грозный. — Я шел впереди всех, потому и оказался здесь первым. Передовую проскочили благополучно у деревни Лисичкино. Это Поддорский район. Отряд готов выполнять ваши приказания.

— Мы для вас уже наметили зону действий. Участок трудный. Но ведь и в отряде у вас, как я слышал, полтораста человек. Будете занимать деревни Прудцы, Мякшино, Релки и Рай.

...Вставало синее мартовское утро. Первые лучи рассвета робко скользнули по верхушкам деревьев, озарили вросшие в снег избы.

Деревня Нивки проснулась рано. На дворах в полутьме задвигались люди, хлопоча по хозяйству. Над крышами домов поднялись сизые курчавые дымки: женщины затопили печи.

От крайнего дома, поскрипывая промерзшими валенками, торопливо бежал ночной сторож Николай Гаврилов.

— Мужики! Мужики! — задыхаясь, кричал он. — Скорей сюда!

На шум из домов выбежали люди, обступили старика.

— Чужак к нам забрел,— говорил, волнуясь, Гаврилов.— Вон по лядине пробирается. Ни свет ни заря заявился. Сперва думал — свой. Глянул, а он зеленый, как змей.

— Ой, лихо мое! — всплеснула руками жена сторожа Александра Яковлевна.— Опять немцы.

— Может, разведчик?

— Скорей всего, парашютист!

— А черт его знает. Мужики! Забирай топоры и вилы! Устроим ему партизанский прием,— распорядился невысокий, заросший рыжеватой бородой мужчина.

— Илья! А ты как сюда попал? — поинтересовался кто-то из толпы, узнав в бородатом Илью Гришина, старосту из соседнего села.

— Ветром занесло, — отмахнулся Илья Петрович и скрылся во дворе.

Деревенский староста Гришин, державший постоянную связь с партизанами, действительно оказался здесь случайно: ехал в партизанский лагерь, да припоздал и, захваченный метелью, решил заночевать в Нивках.

Вооружившись чем попало, мужики вышли на окраину села, притаились.

Из леса, с трудом преодолевая глубокий снег, выбирался человек в немецкой шинели с большим чемоданом в руках.

— И куда его нелегкая несет? — не унимался, приходя в себя, сторож.— Не иначе, заблудился! Гляди, как глыбно-то. Такая хвиль ночью разыгралась, суметы, как печки, накрутила.

Не видя мужиков, человек продолжал свой путь к селу. Он выбрасывал перед собой чемодан, кое-как продвигался к нему, снова бросал свою ношу вперед и снова полз, зарываясь по пояс в снег.

— Вот так, учись ползать по русской земле,— не утерпел Гришин. И повернувшись к мужикам, предложил: — Давайте попробуем его без драки взять.

— Правду говоришь. Стрелять тут не надо,— вставил сторож.

— А ежели он палить начнет, ответим. Во! — Гришин вытащил из кармана увесистый трофейный браунинг.

— Да и у меня не кочерга в руках, тоже пальнуть могу,— усмехнулся сторож.

— Значит, сейчас я с ним переговоры начну,— продолжал Илья Петрович.— Мне это не впервой. И по-немецки немного кумекаю.

— У нас тут студент есть, поможет, — подсказал колхозный бригадир. — Эй, Виктор! Дуй сюда.

Как только немец приблизился к первой постройке, мужики вышли из-за укрытия и выстроились вдоль дороги. Первое время он их не видел, а когда поднял голову, вздрогнул, судорожно выхватил парабеллум.

— Штиль! Ихь дейтч. Вас золль дас бедойтен?

— Чего он там орет? — Гришин повернулся к студенту.

— Он говорит: «Тихо! Я немец. Что это значит?»

— Скажи ему, пусть стоит спокойно.

Илья Петрович зашагал навстречу. Немец опустил пистолет. Гришин подошел к нему вплотную и со словами «гутен таг» взялся за чемодан.

Успокоившись, пришелец сказал что-то Гришину.

— Жалуется, что ему холодно. Требует проводить в село,— перевел Виктор.

Гришин повел немца в деревню, где стояла толпа крестьян, успевших припрятать свое немудреное оружие.

По дороге Илья Петрович кое-как пояснил немцу, что в деревне всполошились, думали, бандит какой-нибудь вышел, а оказывается, ничего страшного — немецкий солдат заблудился...

— Найн зольдат. Ихь официр. Флигер,— сердито поправил немец.

— А-а-а, офицер, стало быть. Летчик,— вслух сказал Гришин, а про себя подумал: «Держится так, как будто не он, а мы к нему в плен попали».

При помощи жестов и отрывочных фраз, которые Виктор неопытно переводил с немецкого, фашистский летчик попытался объяснить причину своего прихода. Их самолет потерпел аварию. Приземлились в лесу, вышли, кем-то были обстреляны. Офицер оторвался от своих коллег. Теперь ему нужен транспорт, чтобы добраться до железной дороги.

Громко чмокая губами и дергая рукой, словно он держал вожжи, немец повторял одно и то же слово:

— Дно! Дно!

Заметив недоумение на лице Гришина, летчик повернулся к студенту и нервно что-то проговорил.

— Лошадь требует,— пояснил Виктор.— На станцию Дно отвезти просит, к поезду.

— Гут, гут! — закивал головой Гришин и, подозвав к себе бригадира, вполголоса сказал ему: — Слушай! Посылай скорее гонца в Круглово, в тройку. А своим скажи, пусть запрягают коня, но не торопятся. Покуда они возятся, глядишь, кто-нибудь из тройки подъедет. А ежели не дождемся, я сам отвезу его куда следует.

Летчика привели в дом, усадили за стол. Он был сравнительно молод. Светлые зеленоватые глаза его глубоко запали, крупный прямой нос был поморожен. На коротких усиках намерзли сосульки. На френче — голубые погоны и петлицы. Они подтверждали его принадлежность к авиации.

Немец держался гордо. Отогревшись, он сидел, как у себя дома, невозмутимо разглядывая жителей села.

Народу в избе все прибывало. Гришин заметил: мужики мрачнели, недобрые огоньки загорались в их глазах. Узнав, что немец не понимает русскую речь, говорили без всякой опаски.

— Небось тоже деревни жег, подлюга,— кивнул в сторону летчика пожилой колхозник.— Летят от фронта и сыплют зажигательными направо и налево.

— Ирод ты некрещеный,— печально качая головой, уставилась на фашиста не по летам постаревшая, измученная горем женщина.— Не ты ли, окаянный, моего сыночка загубил, на тот свет отправил? С самолета пулями скосил...

— Давайте свяжем его, идола! Нечего с ним церемониться.

«Этак могут и не сдержаться»,— подумал Илья Петрович и сказал:

— Тише, мужики! Не будем самосуд устраивать. Целехоньким его доставим.

Из окна было видно, как на улице трое мужчин суетились вокруг лошади. Затягивая время, они долго возились с ней: поили, осматривали копыта. Потом стали запрягать в дровни. И то хомута у них не было, то оглоблю кто-то стащил. А сами то и дело поглядывали в сторону Мухарева — не идут ли партизаны? Но на дороге никто не показывался.

Илья Петрович и бригадир понимающе переглянулись. Ждать больше было нельзя.

Летчик чинно уселся в розвальни. Гришин запротестовал:

— Нет, так дело не пойдет. Ложись-ка вниз, а я сеном прикрою. Тут по дороге партизан много. Понимаешь? Партизан.

— Это земля фюрера. Там фронт, здесь тыл. Хозяева — мы...

— Давай, давай. Мели больше.

Офицер что-то недовольно пробурчал, а потом покорно зарылся в сено. Гришин и Виктор примостились рядом.

Когда до лагеря осталось несколько сот метров, старик сказал летчику:

— Тихо лежи. Лесом едем. Тут опасно.

Вот уже показались крыши землянок. Гришин остановил лошадь, шепнул Виктору:

— Постой пока здесь. Пойду дорогу разведаю,— и сунул ему в руки пистолет.

Илья Петрович знал пароль и беспрепятственно миновал пост. До штабной землянки дошел быстро. Николай Васильев стоял на улице. Завидев старика, заулыбался:

— А, партизанский староста! Доброго здоровья!

— Нижайшее почтение, Николай Григорьевич! Я к вам. И не один сегодня. Гостя привез.

— Какого гостя? — насторожился Васильев.

— Немца поймали, летчика. Вон там в санях под сеном лежит.

Гришину дали в помощь несколько человек из комендантской роты. Приблизившись к подводе, он громко сказал:

— Слезайте, господин офицер! Приехали.

Фашист сбросил с себя сено и испуганно заморгал: перед ним стояли партизаны с автоматами на изготовку.

— Как же это вам удалось, Илья Петрович? — уже сидя в землянке, расспрашивал Гришина Васильев.

— Сумели,— усмехнулся в бороду староста и подробно рассказал все, как было. Заметив, что комбриг в хорошем расположении духа, Гришин уверенно начал:

— А я ведь по делу приехал, Николай Григорьевич. Хочу патрончиков попросить. Дельце подходящее назревает. Вроде как в наших местах немцы сборище какое-то задумали. Наши ребята с шиком бы их обслужили... Аль у самих туговато?

— Патроны есть. Зайди к Барбашу — это наш интендант. Пусть сотни три отпустит. Скажи, я разрешил.

— Благодарствую,— Гришин встал, помял в руках шапку, потоптался на месте и уже тихо спросил: — Николай Григорьевич! А как там мальцы-то наши? Не перемахнули через линию? Нет? Не приведи бог, если в беду попадут. Ну, будем надеяться, проскочат. А я в тройку поеду. Мне надо Поруценко повидать. Не слыхали, на месте он или в отлучке?

— На месте. В своем Круглове находится. Счастливой дороги тебе, Илья Петрович! Не забывай нас да смотри в оба.

Еще не закрылась дверь за Гришиным, как в землянку вошли двое незнакомых в сопровождении конвоира. Они стояли на улице, ждали, когда освободится комбриг. Оба были одеты в гражданское, а по выправке похожи на военных.

— Задержали вот, — доложил конвоир. — Говорят, сбежали из плена. Пробираются на восток.

— Куда идем? — спросил Васильев, разглядывая солдат.

— Мне в прошедшей деревне говорил село Белебелку,— пояснил первый. Как потом выяснилось, это был татарин.

— А там куда?

— Буду явиться.

— Где попал в плен?

— Под Демьяном.

— Мы шлях ко фронту шукаем,— вмешался второй. По говору Васильев определил, что перед ним украинец.— Заморились. Карты с собой немае. Сидемо у гаю, куремо. Тут ваши хлопцы нас и впиймалы.

— Проверим. Все подтвердится — останетесь у нас. Есть указание штаба фронта всех пленных зачислять в партизаны. А в часть будет сообщено. Ступайте.

— Дюже гарно! — широко улыбнулся украинец, толкая локтем своего друга.— Найшлы своих.

...Под вечер проходя по лагерю, я увидел, как к штабной землянке подходил невысокий человек в фуфайке, с планшетом на боку, окруженный группой командиров. Фигура его мне показалась знакомой. Я не ошибся: это был Тужиков.

«Но ведь он совсем недавно вылетел из Партизанского края»,— подумал я. Правда, удивляться особенно не приходилось. Алексей Алексеевич Тужиков часто навещал партизан, хотя находился среди нас, как правило, недолго. Прилетал, как домой. Другие, оказавшись в тылу врага, держались настороженно, чувствовали себя беспокойно. А Тужиков оставался таким же ровным, веселым и жизнерадостным, словно бы он ходил не по партизанскому лесу, а по улицам Валдая, где был заместителем начальника партизанского отдела штаба Северо-Западного фронта.

На этот раз прилет Тужикова в Партизанский край был еще более краткосрочным. В штабе Северо-Западного фронта разрабатывались планы боевых операций на весенний период. Надо было скоординировать действия фронтовых частей и партизан. Решать эти вопросы без начальника партизанского отдела штаба фронта Алексея Асмолова Тужиков и представители Ленинградского штаба партизанского движения не стали. (Алексей Алексеевич прилетел, чтобы обсудить программу действий с Асмоловым и Васильевым.)

Подходя к редакционной землянке, я встретил Ивана Шматова. Он приехал забрать очередной номер «Дновца».

Я сообщил Шматову о прилете Тужикова. Он оживился:

— Надо бы у него насчет семьи узнать. Ведь через него все наши письма идут. Почему-то от Вали третью неделю никаких вестей нет.

— И мне бы надо сходить,— сказал я.— Ты хоть адрес своей семьи знаешь, а мне даже это неизвестно. Была в Пестове, потом отправили в Свердловск. А куда — не знаю.

— Давай попозже сходим,— предложил Шматов.— Пусть они там сначала свои дела решат.

— А-а-а, Иван Антонович! — встретил Шматова Толчишкин.— Я тебе весь тираж выдал. Можешь полюбоваться.

Шматов подошел к стопке пахнущих краской газет, погладил их шершавой ладонью, широко улыбнулся. Надо было как-то отблагодарить печатника. Иван Антонович вынул из кармана пачку папирос и отдал Васе. В наших условиях это был большой подарок.

В штабную землянку мы со Шматовым пришли вовремя: все деловые разговоры были закончены, комбриг и начальник штаба угощали Асмолова и Тужикова чаем. Посреди стола кроме привезенного из советского тыла печенья стояла тарелка, наполненная клюквой. Подставляя ее ближе к Тужикову, комбриг сказал:

— Наша, местная. Заготовлена с осени. А дождемся, снег сойдет, тут ее столько будет, что на весь фронт хватит.

— Как увижу клюкву, так сразу вспоминаю один случай,— начал Тужиков.— Прошлой осенью мы вместе с секретарем обкома партии Штыковым находились под Демянском. Штыков заболел гриппом. Ему принесли стакан клюквы. А тут началась бомбежка. Одна бомба разорвалась совсем рядом. Волной воздуха разбило окна, разметало все в комнате. Я не удержался на ногах. Фуражка отлетела в сторону, а на ней — красные пятна. Штыков как закричит: «Алексей! Алексей! Ты жив? Ранен?» А я вскочил на ноги и улыбаюсь. У меня ни одной царапины. Оказывается, стакан с клюквой разбился и упал прямо на мою фуражку...

Тужиков записал адрес семьи Шматова и обещал обязательно с ней связаться. Мне он тоже не отказал в просьбе: взялся переговорить со Свердловским обкомом партии и уточнить местонахождение моей жены.

— К вам, журналистам, Борис Изаков просится,— сообщил Тужиков.— Писатель, во фронтовой газете работает. Сказал, что обязательно полетит к партизанам.

Борис Романович Изаков сдержал слово. Он прилетел к нам в самое опасное для «лесной республики» время, когда на всех ее границах шли бои с крупной карательной экспедицией фашистов. Вместе с нами он коче-

вал по лесам и болотам, удивляя партизан своим мужественным хладнокровием. Потом мы читали опубликованные в нескольких номерах фронтовой газеты «За Родину» его суровые очерки «В лесах Партизанского края». Правда, герои этих очерков были названы вымышленными именами. Комбриг Васильев стал Володиным, комиссар Орлов — Огневым, начальник политотдела Майоров — Полковниковым. И мне Изаков дал новую фамилию: заменив один фрукт другим, назвал Абрикосовым. Все это делалось в целях конспирации.

В свою землянку мы вернулись поздно. Вместе с нами пришли Майоров и Рачков.

Я стал собираться в дорогу: мне предложили выехать в 3-й полк, благо есть попутная лошадь — туда возвращался командир полка Николай Рачков. Костя придвинул поближе коптилку и засел за вычитку гранок. Майоров и Шматов укладывались спать.

— Возьми патронов побольше, — посоветовал мне Обжигалин.— Там у Рачкова неспокойно. Каждый день бои.

— Уж как-нибудь патронами не обидим,— усмехнулся Николай Александрович.— А что неспокойно, так это верно. Ну, бывайте здоровы! — И первым вышел на улицу.

В темноте мы сели в холодные промерзшие сани.

— Но-о-о! — Рачков тряхнул вожжами. Сани скрипнули и легко понеслись вдоль лесной просеки.

Глава 7 ПОД ПОКРОВОМ НОЧИ

Первое время ехали молча. Я чувствовал себя неловко в одних санях с командиром полка, перед которым мы обычно почтительно вытягивались в струнку. Его адъютант, сидя вполоборота к нам, перебирал вожжами, понукая лошадь, изредка сопровождая свои жесты словами:

— Но-о-о, пошел, Мишка! Не ленись, лысый!

Конь, на котором мы ехали, в самом деле был лысым. На его лбу расплылось широкое белое пятно. Он часто фыркал, тряс головой, роняя с губ пену.

Наш путь лежал через Серболовский лес. Высокие,

запорошенные инеем ели и сосны подступали к самой дороге. Конь и повозка задевали их промерзшие ветки.

— Стихи не забросил? — неожиданно нарушил молчание Рачков.— Пишешь?

— Как сказать? Пишу, когда потребность есть,— уклончиво ответил я.

— Вот и я так.

— Что — так?

— Пишу, когда есть потребность.

— Шутите, Николай Александрович.

— Зачем шутить? Думаешь, если командир, так у него вместо сердца автомат. Он только и знает, что приказы отдавать. Я, брат, тоже стихами балуюсь. Не веришь? Небось решил: ну и заливает Рачков.

Николай Александрович угадал: я подумал именно так. Рачков — и стихи! Трудно было в это поверить. Мы знали Рачкова как лихого командира, человека смелого, своенравного, неуравновешенного, но то, что он — лирик, пишет стихи, об этом вряд ли кто-либо мог даже подумать.

— А вы прочитайте что-нибудь, Николай Александрович,— попросил я.— Или не та обстановка?

— Обстановка самая подходящая. Только уговор: никому ни слова. Ладно? Пусть останется между нами. А то смеяться будут. Узнает комбриг — за живот схватится. Рачков стихи пишет!

Он повернулся лицом ко мне и глуховатым баском доверительно начал. Читал торопливо, иногда сбивался, забывал отдельные слова, заметно стесняясь и искренне волнуясь. Тут были стихи, посвященные юному разведчику Юре Иванову, комбригу Николаю Васильеву, медсестре Саше Павловой. Сплошь и рядом встречались в них и чужие перепевы, строки известных поэтов, приспособленные и переиначенные на свой лад.

— А один у меня есть лирический стих. Про госпиталь. Послушай:

Распахните вы палату,
Дайте мне сиянье дня,
Чернобровую девицу
И буланого коня.
Я девицу поцелую,
На коня верхом вскочу —
Бить фашистов полечу...

Чем ближе я узнавал Рачкова, тем больше он мне нравился. Вот он сидит рядом, в черной шубе, окаймленной серым мехом, в своей знаменитой, сшитой по специ-

альному заказу белой папахе. Две складки вдоль впалых щек придают его лицу суровость. Невысокий, худощавый, вроде бы не наделенный особой силой. Но мы знали: энергии у Рачкова хватит на двоих. По смелости и отваге среди командиров у Николая Александровича соперников не было.

— Я боюсь только шальных пуль,— говаривал он. И добавлял: — Мне легко быть храбрым да смелым. Кем я командую? Вон какие орлы в моем подчинении! Волостнов, Синельников, Светлов... Как с такими не будешь боевым командиром?

За смелость и любили Рачкова в бригаде. Ему поручались самые сложные, самые опасные операции. И Рачков принимал это как должное, гордился таким доверием. Правда, любовь командования бригады иногда сопровождалась поблажками, что, бывало, и портило командира полка. В этом он признавался сам:

— Забаловали меня в бригаде.

Были у Рачкова и свои изъяны. У кого их нет? Важно, чтобы они не составляли суть человека, не заслоняли в нем хорошее, не преобладали. И чтобы человек умело управлял собой, учитывая свои слабости.

У Николая Рачкова некоторые черты характера не укладывались в норму, переходили нужную грань. Зная об этом, командование бригады еще в первые месяцы войны поставило к нему комиссаром спокойного и уравновешенного Майорова. А когда Майоров был назначен начальником политотдела, вместо него комиссаром стал ровный и рассудительный Иван Смирнов. Да и начальник штаба Василий Ефремов отличался большой выдержкой и хладнокровием. Они сдерживали Рачкова, охлаждали его, когда это было нужно.

Прямой, крутой и грубоватый, Николай Александрович не был мстительным.

— Он — гроза! — сказал как-то один из командиров отряда.

— Гроза приходит и уходит,— справедливо заметил другой.

Рачков сам пресекал похвалу в свой адрес. Как-то возвращались мы с ним в лагерь. Адъютант, желая угодить командиру, начал рассказывать о его доблестях и заслугах:

— Я Николая Александровича с первого дня войны знаю. Он уже тогда самым смелым был. Огонь! Пули свистят, а он идет впереди всех. И даже не пригнется.

— Знаешь что? Если еще раз услышу, как ты про

меня всякие небылицы рассказываешь, разжалую в рядовые. Так и знай.

— Я и так рядовой, дальше некуда,— пробормотал адъютант.

— Ты при командире полка служишь. Понял? Не каждому такое доверяют. И не принижай своего положения.

Временами Рачков словно уходил в себя, мягко чему-то улыбался, и тогда глаза его теплели.

...Выбравшись из Серболовского леса, мы очутились на открытой поляне. Впереди виднелось Круглово — наша партизанская столица. У Рачкова были здесь какие-то дела, и мы сделали в ней довольно продолжительную остановку.

Из Круглова выехали поздно. Ковш Большой Медведицы кренился набок, показывая нам, что время перевалило далеко за полночь. Это были те самые часы, когда особенно сильно клонит ко сну. Рачков устало дремал. Спать ему приходилось мало, бессонные ночи утомили его. К тому же усыплял монотонный скрип снега.

Мы проезжали через поля и перелески, вдоль лесных опушек и оврагов. Всякий раз, когда въезжали в деревню, нас встречал окрик часового:

— Стой! Пропуск!

Рачков охотно называл пароль, в душе радуясь, что так хорошо поставлена в крае караульная служба.

— Проезжайте,— уступая нам дорогу, уже спокойно говорил часовой.

Бледнело небо. В утреннем свете еще живописнее рисовались деревья. Любит русский человек лес! И в горе, и в радости тянется к нему душа. Да и как не любить его, когда он во все времена года хорош. Сейчас он манил к себе своим великолепным зимним убранством.

К утру мороз становился крепче. Холод забирался под одежду, вызывая зябкую дрожь в теле.

— Может, пробежим? Согреемся? — предложил Рачков.

— Да, мороз-то нынче лишнего хватил. Никак больше сорока градусов,— крякнул адъютант и принялся растирать озябшие руки.

Мы спрыгнули на дорогу. Разминая ноги, неловко пошли мелкими шажками. Почувствовав за собой легкие санки, конь без всякого понукания пустился рысью. Нам пришлось ускорить шаг. Скользя и спотыкаясь в рыхлом снегу, путаясь в полах одежды, мы уже бежали изо всех сил, стараясь догнать удалявшиеся сани.

— Нажимай, ребята! — подбадривал Рачков.— А ну еще, еще!

Бежать было тяжело. Морозный воздух спирал дыхание. А сани уходили от нас все дальше.

— Стой! Мишка! — крикнул, не вытерпев, Рачков.— Остановись, леший!

Конь пробежал еще несколько метров, а потом, словно поняв просьбу, пошел редким шагом. Мы, едва достигнув повозки, кулями плюхнулись в сено. Трудно было отдышаться. Зато как приятно разливалось по телу тепло. Кровь бросилась в лицо, загорелись руки и ноги. Зябкую дрожь словно рукой сняло.

Занималась заря, затягивая горизонт красным покрывалом. При рассвете снег казался подсиненным. Синий, словно пропитанный дымом лес, синее поле, синий воздух. Это весна окрашивала своим цветом просыпавшуюся от зимнего сна природу.

Мы выехали на пригорок. Отсюда были хорошо видны окрестные села. И слева, и справа над крышами курились окрашенные зарей оранжевые столбики дыма. Наши родные псковские деревни... Небольшие, разбросанные по холмам и берегам речек, по песчаным косогорам и лесным опушкам, они дышали уютом и гостеприимством. Их названия нередко говорили о месте расположения: Загорье, Подберезье, Заполье, Ручьевая, Заречье, Подболотье, Сосново, Подлужье... Въедешь в деревню, и не сразу поймешь, почему так затейливо расставлены украшенные деревянными кружевами дома. Одни вышли к самой улице и, упираясь в нее резными крылечками, как бы зазывали к себе гостей и прохожих, похваляясь друг перед другом своим нарядным видом. Иные, словно затаив обиду на соседей, отвернулись от дороги, отгородились от всех высоким частоколом.

Уже рассвело, а до штаба полка оставалось еще несколько километров. Ехать днем было небезопасно.

С первыми лучами рассвета в воздухе заныли моторы. Фашистские транспортные самолеты по проторенной трассе спешили на восток, к зажатым в клещи войскам. Многие устремлялись прямо на Демянск, другие брали курс на юго-восток, к городу Холму. Самолеты по-прежнему летали очень низко. В иллюминаторы были выставлены пулеметы, из которых летчики сыпали на наши села зажигательные пули. Маячили в небе и самолеты карателей — «стрекозы», «костыли», «рамы». Они парили над Партизанским краем, выслеживая очередные

жертвы. Под их прицел попадали то крестьянин, везущий хворост, то мальчик, катающийся на санках, то женщина с коромыслом.

— Не унимаются, дьяволы,— зло проговорил Рачков, с опаской поглядывая вверх.— Хорошо, что наши бойцы с легкой руки отряда Бундзена подстреливать их научились! Первое время не умели. Слышал, как мы в феврале фашистский самолет проворонили? Вот ведь как бывает! Случилось это в тот день, когда Дедовичи громили. Мы только что вернулись после боя и стали на отдых. А тут под носом у нашего часового немецкий самолет приземлился. Не успел часовой разобраться, в чем дело, немец вскочил обратно в кабину, включил мотор и был таков. Буквально из рук выпустили.

Пожары в крае не затихали. То там, то здесь горели деревни, подожженные с самолетов. С глухим грохотом рвались бомбы, рассыпался в небе звонкий треск пулеметов, сизое небо озарялось зловещим заревом. В густом весеннем воздухе пахло гарью. Клубы черного дыма заволакивали горизонт. На серый пористый снег ложились хлопья сажи.

К месту, по которому мы ехали, приближался «Хейнкель-111». Снизу он казался переломленным пополам. Не сделав ни одного выстрела, самолет низко пролетел над нашими санями.

Показалась деревня Пески. Понуро стояли березы с обгорелыми вершинами. Окна многих домов не имели стекол и были заложены тряпьем.

— Зайдемте в избу, погреемся, — предложил Николай Александрович.

В доме нас встретила молодая высокая женщина. Поздоровавшись, Рачков спросил:

— Ваша деревня тоже от самолетов горела?

— Горела. — Закрывшись передником, женщина заплакала. — Вон видите карточку на стене? Это сын мой. Шесть лет исполнилось. И его не пощадила пуля. Лопотун такой был. Под окном сидел, в игрушки играл. Увидел самолеты — испугался. Как закричит: «Ой, мама, опять летят!» И ко мне кинулся. Я оторопела, схватила его на руки и только хотела отбежать в угол, как стрельба началась. Мальчонка-то мой опять что-то крикнул. Глянула, а у него на щеке, где ямочка была, кровь бежит. И головка тяжелая стала. Лицо белое-белое. Открыл глаза, простонал тихонько, спросил: «Мама, улетели?» Бедненький! Улетели... Только и он-то улетел от меня...

Женщина грузно опустилась на лавку и снова закрыла лицо передником.

— Вот так. В какой дом ни зайдешь — всюду горе, — покачал головой Рачков. — Редкая семья не пострадала...

Он не договорил. Длинная пулеметная очередь распорола утреннюю тишину. Звякнуло разбитое стекло.

— Выбегай на улицу! — скомандовал Рачков и добавил: — Все-таки выследил, гад! Наверно, думает, что тут стоянка партизан.

Мы вместе с хозяйкой выскочили во двор, побежали к саду и у самых яблонь залегли. Самолет делал новый заход. Ох, как тягостно лежать под пулями самолета! Тело напружинено, вздрагивает. И полная беспомощность. Лежишь и безвольно ждешь: где пройдет следующая очередь?

На этот раз она прошла совсем близко. Пули с визгом врезались в мерзлую землю.

Пока самолет делал разворот, мы оглядели себя. Лежим черными пятнами на снегу. Готовая мишень! В глаза бросилось висевшее на веревке белье. Сорвали несколько рубашек, платков, набросили на себя. Стало спокойнее. Да и самолет больше не появлялся. Слушая его затихающий гул, мы подымались, стряхивая с себя снег.

Сад, в котором мы оказались, сверкал зимним нарядом. Яблони были в инее, как в цвету. Отряхивая снег, я нечаянно задел винтовкой ствол дерева. Полетели, закружились, сверкая на солнце, тысячи лепестков-снежинок, обсыпали меня с головы до ног.

Простившись с хозяйкой, мы двинулись дальше. Одним нам ехать пришлось недолго. Позади громко заржал конь. Наш Мишка тут же отозвался.

— Не годишься ты в разведчики, сам себя выдаешь, — пошутил Рачков и обернулся.

Сзади, нагоняя нас, мчались на санях двое. Николай Александрович приготовился крикнуть, но не успел. Его опередили.

— Посторонись, Рачков! Дай дорогу! — послышался голос Майорова.

— Откуда ты? А меня как узнал?

— Да я твою папаху за семь верст вижу. Приметная. Тебе же Орлов запретил в ней ходить. Что ж ты приказ комиссара нарушаешь?

— Это он в боевой обстановке запретил. В бою нельзя — дай хоть в тихие часы покрасоваться.

Майоров был одет в деревенскую шубу с черным воротником. На голове, под цвет воротника, ладно сидела такого же цвета шапка.

— Ехал я в Дедовичскую тройку. Надо было с Мартыновной потолковать по партийным делам. Но она ведь непоседа, на месте не сидит. Оказывается, у вас там, в третьем полку. Вот я и махнул за тобой следом.

— Пересаживайся к нам, веселее будет ехать, — посоветовал Рачков. — Есть одно плацкартное место.

Как только Рачков оказался рядом с Майоровым, меня опять потянуло на сравнение. У них были диаметрально противоположные характеры. Насколько горячим, своевольным бывал Рачков, настолько спокойным, иногда даже флегматичным выглядел в сравнении с ним Майоров. Порох и лед. «Вот бы перемешать их вместе и разделить пополам: вышло бы два собранных, уравновешенных, в меру темпераментных человека»,— подумал я.

За плечами Александра Федоровича были нелегкие годы. Сын ивановского рабочего, он пятилетним остался без отца, погибшего в первую мировую войну. Батрачил у кулаков. В шестнадцать лет стал слесарем. Отслужил положенный срок в Военно-Морском Флоте, пошел учиться. Успешно окончил в Ленинграде Высшую сельскохозяйственную школу и был назначен начальником политотдела в совхоз «Красные Горки». А оттуда выдвинут на пост второго секретаря Дедовичского райкома партии.

У Майорова теплые карие глаза, густые, пушистые, вздернутые вверх брови, черные до синевы волосы. Он был тих и прост, но где-то глубоко в нем сидела хитринка, обыкновенная, безобидная, не бьющая в глаза.

—А нас немцы уже причастили с утра пораньше,— сообщил Рачков.— Полежали под огнем.

— Я часто думаю,— не выразив удивления, рассудительно начал Майоров, поудобнее усаживаясь в сани,— насколько могуча, неистребима наша партизанская борьба. Ни огнем, ни железом немцам нас не одолеть. И авиацию бросили, и дивизию с фронта снимали. А партизаны, как вода весной, всё прибывают и прибывают. Вот что значит народное движение!

— А ведь начинали робко, неуверенно,— продолжал Майоров.— И тревога, и боль, и даже растерянность — все было. Только вера в победу никогда нас не покидала. Помнишь, Николай, как мы с Дедовичами расставались?

— Расскажите, Александр Федорович,— попросил я.

— Этого из памяти никогда не вычеркнешь,— почувствовав мой интерес, входил в роль рассказчика Майоров.— В начале июля немцы подошли к самому Порхову. А от Порхова до нас — рукой подать. Тридцать верст с небольшим. Жен и детей на восток отправили, а сами собрались поселок отстаивать. Был у нас истребительный батальон создан, свыше ста человек в него входило. Расставили посты. Одного часового на колокольню посадили, телефон к нему провели. Ждем, тревожимся. По сторонам бои. Артиллерия бьет. Над Порховом зарево вспыхнуло. Вот-вот враги придут. А у нас оружия мало. Я к командиру эстонского корпуса. Он тут неподалеку стоял. «Дай, говорю, винтовок»! Он выручил.

Мы считали, что такой важный узел, как Дедовичи, сдавать никак нельзя. Задумали взорвать мост через Шелонь... Нечем. Тола нет. Обложили его сплавным лесом, по бокам бочки с бензином поставили. Вроде бы должен был взлететь.

Пока возились у моста — звонок с колокольни: «Едут! Приготовиться!» Высыпали мы на окраину. Ничего не видно. Только непроглядная пыль на дороге да треск мотоциклов и танкеток. Рассыпались по берегу и давай палить из винтовок. Немцы подъехали к самой Шелони, остановились. Постреляли по машинно-тракторной станции, по льнозаводу и подались назад. Видимо, решили, что здесь воинская часть. Нам это понравилось. Осмелели. А наутро как налетели самолеты, как начали поселок бомбить! Танки подошли, огонь из пушек открыли. В общем, мы едва успели откатиться к Ясскам...

— А ты расскажи ему про нашу первую операцию,— хитровато подмигнул Рачков. — Журналисту полезно знать, как партизаны порох учились нюхать.

— Про засаду, что ли? — улыбнулся Майоров.— До чего ж мы были тогда неопытные!.. Задумали засаду устроить. Приглядели небольшой мост. Справа деревня Серболово, слева — Шушелово. Место подходящее. Дорога шла лесом.

На операцию вышло человек тридцать, а может, и больше. Был у нас такой отряд имени Обкома ВКП(б). Командовал им Петр Николаевич Невский. В этом отряде мы и состояли. Заложили под мост гранаты, поскольку взрывчатки у нас тогда еще не было. Протянули веревку. Условились: дергать будет самый сильный — Владимир Лильбок. Залегли в кустах, ждем.

Вскоре вдали показалась колонна немцев. А впереди ехали три верховых разведчика и парная повозка. Нам показалось, что в ней сидели полковник и адъютант. Третий — кучер. Вроде бы чего проще: пропустить повозку, подождать солдат и открыть по ним ближний огонь. Но мы нацелились на тарантас.

Немцев шестеро, нас тридцать. Тут можно бы мост и не взрывать. Да где там! Не успела повозка поравняться с засадой, как Лильбок дернул за веревку. Раздался взрыв. Но поздно: повозка уже благополучно прошла через мост. Взрыв не причинил немцам ни малейшего вреда. Кони пустились в галоп. Мы открыли вдогонку беспорядочную стрельбу. И опять впустую. Расстояние солидное. А потом и сами дали тягу, убежали в глубь леса. Даже результаты своей засады узнали только на другой день.

— И какие же они?

— Самые пустяковые. Заслышав стрельбу, колонна немцев разбежалась. Разведчикам тоже удалось уйти. Только офицер и кучер были ранены. А около моста остались две убитые кобылы да пустая повозка — наш единственный трофей. И все. Потом наши разведчики спрашивали у жителей Шушелова: «Видели немцев на дороге?» — «А как же! Бежали тут трое, кричали как угорелые: «Рус, партизан, пуф, пуф!»

Досталось потом участникам засады на партийном собрании. Да и сами они над собой потешались. Но не унывали. Говорили так: «Ничего, первый блин бывает комом. Зато почин сделан. Это же боевое крещение».

— Теперешний опыт да в сорок первом бы году! — вздохнул Рачков.

Выглянуло солнце. Косой луч пробился сквозь чащу и лег золотой полосой на серебристо-синюю гладь. Мириадами огоньков вспыхнуло и засверкало снежное поле,— это кристаллики снега, обращенные плоскостью к солнцу, словно маленькие зеркальца, отражали его свет. Смотреть на снег было трудно. Приходилось сильно щуриться, оставляя незакрытыми лишь узкие щелочки глаз.

Я снял варежку, пытаясь голой рукой поймать падавшие с деревьев иглистые снежинки. Но они легко увертывались, ложились на грудь, на рукав, на полу полушубка и в одно мгновение исчезали.

Чем ближе мы подъезжали к месту расположения третьего полка, тем отчетливее ощущалась военная обстановка, острее чувствовалось дыхание боевой жизни.

За синей полосой леса погромыхивала артиллерия, вели перебранку пулеметы. Похоже было, там шел бой. Мимо нас пронеслись верховые патрули, проехали сани с укутанными в тулупы ранеными. Фронт, настоящий фронт!

Несведущему человеку трудно было понять, где тут позиции партизан и где — фашистов. Все перемешалось, переплелось, все находилось в постоянном движении.

3-й полк принимал на себя главные удары карателей. Он был самым сильным и самым боевым в бригаде. В него входили такие крупные отряды, как «Буденовец», имени Горяинова, «Ворошиловец», имени Бундзена. Во главе их стояли опытные командиры и комиссары: Никифор Синельников и Ефим Журавлев, Григорий Волостнов и Иван Александров, Василий Павлов и Григорий Рябков, Иван Светлов и Иван Ступаков.

Как только мы въехали в радиус действия 3-го полка, Рачков сразу преобразился. Он вернулся в свою стихию, снова почувствовал себя ответственным за все, что происходило на этом клочке земли, и прежде всего за вверенных ему людей.

В селе Хохлово, где размещался штаб, Николая Александровича знали и стар и мал. Встречные жители здоровались с ним с особым почтением, партизаны лихо козыряли своему командиру. Мелькали трофейные голубые шинели, деревенские шубы и гражданские пальто.

Посреди улицы ровной шеренгой выстроилась группа пестро одетых молодых людей. Плечом к плечу с парнями стояли девушки. Выйдя на середину строя, комиссар отряда «Буденовец» Ефим Журавлев торжественно читал слова клятвы. Увидев нашу повозку, повернулся к Рачкову и четко доложил:

— Товарищ командир полка! Новое пополнение принимает клятву.

— Прервитесь на несколько минут,— сказал Рачков.

— Вольно! — раздалась команда.

К нам подошла пожилая женщина, повязанная платком. Показывая на крайнего, невысокого парня, сказала:

— И мой сынок там. Вон видите, в серой шапке, с краю стоит.

— Как его зовут? — спросил Рачков.

— Федей. Он у меня младшенький. Его так и прозвали в деревне — Малый.

— Федор Малый! Выйти из строя! Ко мне! — распорядился Рачков.

Невысокий плотный парень торопливо подошел к командиру полка и встал навытяжку.

— Комсомолец?

— Собираюсь вступить, — ответил парень. — Примете?

— Это уже не по моей части,— покачал головой Рачков.— Обращайся к Тосе Лосевой. Она у нас главный комсомолец. А сейчас подойди к матери. Она хочет поговорить с тобой.

Федя подбежал к матери, прижался к ее руке и, не скрывая волнения, сказал:

— Мама! Видишь, я партизан! Приняли!

— Боюсь я за тебя, сынок. И в холоде будешь, и в голоде. Не дай бог, на смерть наскочишь...

Женщина поглядела по сторонам, увидела, что никто за ними не наблюдает, наклонилась, поцеловала парня и тихонько заплакала.

— Ну что ты, мама! Я ж не один. Только из нашей деревни трое. А что трудно... На то война. Отцу на фронте не легче.

— Вот про то я и хотела тебе сказать. Ты уж отца-то не подводи. Он на третью войну ушел. И ранен был, и награду имеет. Честно выполняй все, что тебе прикажут. Крепись, сынок. Смелым будь. Говорят, смелого пуля боится...

— Становись! — скомандовал Журавлев.

Федя Малый оторвался от матери и побежал вприпрыжку, чтобы скорее встать в строй. Мать, глядя ему вслед, трижды перекрестилась.

— Растем! — с гордостью сказал Рачков.— Каждый день новички. Никто не хочет сидеть сложа руки и ждать. Все поняли, что надо делать. Сначала мы рассчитывали провести в крае мобилизацию, призвать всех мужчин от восемнадцати до сорока восьми. А потом подумали: зачем, если люди сами идут к нам, добровольно? Несколько человек с вашей листовкой явились. Как с пропуском. Приняли мы на днях одного мужика. А он мнется, не уходит из штаба. «Ну, что еще?» — спрашиваю. «Да я не один, товарищ командир. У меня ведь семья. Жена пришла, дочь. Может быть, и их возьмете?» Всех взяли. В феврале наш полк на три сотни людей вырос. А в бригаде теперь полторы тысячи штыков.

Я заторопился. Встреча с новым пополнением и была целью моей поездки в 3-й полк.

— Николай Александрович! Я здесь сойду. Мне с молодежью хочется потолковать. Для газеты.

— Успеешь,— возразил Рачков.— Сначала с дороги погреться надо, чайку попить. А то Нина Федоровна обидится.

Повар штаба Нина Гаврикова действительно могла обидеться. Украинка, уже перешагнувшая четвертый десяток лет, с ласковым прищуром добрых материнских глаз, Нина Федоровна повсюду вносила оживление, отличалась жизнерадостностью, энергией и негаснущей молодостью. Если у костра вспыхивала звонкая украинская песня, мы догадывались: это она появилась среди партизан.

Хозяйкой Гаврикова была отменной. Во всем любила порядок. Сначала занималась в отряде стиркой и ремонтом одежды. Работала с темна до темна. Потом наш интендант Никита Дементьев где-то раздобыл швейную машинку. Нина Федоровна стала шить полушубки и ватники для партизан. В шутку ее называли тогда начальником портняжной мастерской. Одно время работала пекарем и поваром отряда. Нелегко было накормить почти сотню человек, а она справлялась.

Зимой Нину Федоровну назначили поваром штаба полка. Она и здесь относилась к партизанам очень внимательно. Явится кто-нибудь с опасного задания, она и накормит получше, и спиртом угостит, но попросит: «Только, чур, не выдавайте».— «Что вы, Нина Федоровна! Могила!»

Нина Федоровна заботливо усаживала нас за стол, перемешивая русские слова с украинскими:

— Сидайте, сидайте! Небось дюже замерзли. Мой Василь и то каже: як долго их немае, тихо ли там у дороги? Сидайте усе. Я вас чайком зрадую.

Василь — муж Нины Федоровны Василий Григорьевич, бывший директор райпищеторга в Дедовичах. Им всей семьей было предложено выехать на восток, а они остались в партизанском отряде. Да еще двух сыновей привели — Валентина и Василька. Это была первая партизанская семья. Двух... Было двое, а теперь остался один. Юного застенчивого Василька не стало. В бою под Ясскими вражеская пуля оборвала его короткую жизнь. Смелый паренек был. Не каждый взрослый мог молодого коня объездить, а он садился верхом на любую лошадь. Не раз падал, оттого и носил шрам на голове. И работать любил.

Однажды я слышал, как сын разговаривал с отцом, вернувшись с первой боевой операции. «Ну, папа,— восторженно говорил Вася,— я теперь воевать научился!» —

«Глупый ты, воевать надо долго учиться»,— отвечал ему отец, гладя его мягкие мальчишеские волосы.

К столу Рачков сел не сразу. Как ни уважал он Нину Федоровну, как ни морили его усталость и голод, все же самое первое, что он должен был сделать,— узнать обстановку в полку. Для этого и вызвал к себе своих помощников.

— Заодно и пообедаем вместе, и дело обсудим. Вот ты про молодежь писать собираешься, — повернулся Рачков ко мне.— Ходить далеко не надо. Погляди на нашего писаря Колю Богданова. Совсем юнец, а в боях взрослым не уступает.

В углу за столиком сидел розовощекий парень с льняными волосами. Ему действительно можно было дать лет шестнадцать — семнадцать, не больше.

— У них вся семья партизанская,— продолжал Рачков.— Целую книгу можно про эту семью написать. Отец у него, Яков Дмитриевич, председателем колхоза был. Как только война подошла к Дедовичам, собрал своих детей, позвал жену, дал ей денег на дорогу и сказал: «Уходите от врага». А они не ушли. Да и куда уйдешь, если шестеро ребятишек. Старший сын Иван в партизаны подался. Николай с Костей тоже стали к нам проситься. Сначала не брали. А потом Колька устроил засаду, подстрелил немецкого мотоциклиста и пришел к нам со своим оружием. Как тут не возьмешь? Отца фашисты расстреляли. В Ручьевой собрание проводил, кто-то донес. И матери досталось. Из пушки по их дому били. Дом зажгли, а семью на мороз выгнали. Босиком, неодетыми...

Пока Рачков рассказывал о Богданове, в избу вошел начальник штаба Василий Ефремов, как всегда собранный, подтянутый. Он обладал завидной выдержкой, хладнокровием и располагал к себе с первого знакомства. Пришел и его заместитель Александр Юрцев, бывший судья. Первое время он был связным в отряде имени Бундзена. Приехал как-то в полк, стал жаловаться Рачкову: «Долго ли я кучером буду? Возьми к себе». И тот взял.

Явился и комиссар полка Иван Смирнов, до войны заведовавший военным отделом Дедовичского райкома партии. Невысокий, коренастый, с мягким грудным голосом и доброй улыбкой. Рачков считал его «образцом дисциплины, храбрости и находчивости».

— Ну, докладывайте. Что в полку? — спрашивал Рачков. — Как ведет себя противник? Есть ли чепе?

На все вопросы отвечал Ефремов. Он сообщил, что отряды готовятся к операции по разгрому вражеской группировки в районе Острой Луки. Немцы продолжают накапливать силы. Бомбили Железницу, Точки. Отряд имени Бундзена вынужден вести оборонительные бои. Были стычки с противником у Точек и Подмошья. Но наиболее неспокойно у Маковья и Кряжной. Там каратели делают попытку прорваться в расположение полка, прощупать наши позиции.

Услышав эти слова, Рачков достал карту, нарисовал синим карандашом жирную скобу вокруг Маковья, что означало: опасный участок. И тут же распорядился:

— Коля! Набросай приказ командирам и комиссарам отрядов. Надо их предупредить. Напиши так: противник проник в зону расположения партизан, устраивает засады, хочет разведать наши силы. Приказываю на всех участках усилить охрану и разведку. О любом передвижении противника немедленно докладывать в штаб полка.

Дальнейший разговор происходил за столом. Все расселись по лавкам и скамейкам. Нина Федоровна заботливо угощала солеными огурцами и горячей картошкой, нажарила котлет, где-то отыскала по стопочке спирта.

Вошел Попов, партизан из хозяйственного взвода, до войны председатель известного на Псковщине колхоза.

— Иван Тимофеевич, присаживайся к столу, гостем будешь,— пригласил Рачков.

— Да присесть-то недолго. Только у меня никакого аппетиту нет.

— А ты выпей чарочку, вот и аппетит появится.

— Э-э-э, родной мой! Чарочка не про меня. Уж коли в молодости не разбаловался, то теперь и подавно. Не терплю я этой штуки. Нутро не принимает. Ты лучше вот что скажи: долго ли ты будешь людей на голодном пайке держать? В отряды их берешь, а вооружать чем? С палкой они пойдут на фашистов, что ли? Или кочергу дать им в руки? Приду в отряд — готовы на части разорвать. Хоть глаз не показывай. Ты, говорят, завхоз, на твоей совести не только картошка в мундире, но и другое питание, в том числе боевое. Они ждут меня, как бога, а я прихожу к ним, как черт. До каких пор я в таком дурацком положении находиться буду?

— Успокойся, Тимофеич. Дадим оружие. Из резерва дадим.

— Вот это другой разговор. Теперь и за стол сяду. А то садись, садись...

Глава 8 ВИНОВНЫЙ

Внезапно с улицы донеслись глухие взрывы. На столе задребезжала посуда, вздрогнули стены. Где-то неподалеку рвались бомбы или снаряды. Грохот все нарастал и, кажется, приближался.

Наспех набросив на плечи шубы и шинели, все кинулись на улицу. Рачков поднес к глазам бинокль. Вдали, над лощиной, охваченной лесом, кружились два самолета, а снизу вздымались и медленно расползались по небу черные столбы дыма. В этой лощине, в молодом ельнике, стоял в резерве отряд партизан.

— Ах, черт побери! Какая незадача! — досадливо морщась, вскрикнул Рачков.

И вдруг рядом с собой он услышал смех. Командир полка рывком повернул голову и застыл в недоумении. Смеялся Ефремов.

— Во кроют! Глядите! Ха-ха-ха! — хохотал начальник штаба.— Давай, давай, фриц! Бей, чтоб щепки летели! Не жалей бомб. Земля всё примет.

Рачков с опаской оглядел Ефремова, крикнул:

— Начштаба! Перестань!

— Как же перестать, Николай Александрович? Там даже зайцев не осталось. Пустой лес бомбят. Мы оттуда всех партизан вывели. А чтобы привлечь фрицев, двухколесные телеги поставили и бревна с чехлами положили. Партизанская артиллерия! Ха-ха-ха! Вот дуют!..

Теперь и Рачков спокойно, без тревоги смотрел в сторону леса.

— Эх, Василь Иваныч, родной мой! — подошел к Ефремову Попов.— Смех-то смехом, а душа болит. Чужие бомбы нашу землю пашут. А ее нешто бомбами пахать надо? Не этого ждет она, кормилица. Вон весна близко. По ней бы с плугом да с сеялкой пройтись. А мы ее не удобрениями, а железом да порохом кормим.

Ефремов смутился, нахмурил брови.

— В этом ты прав, Тимофеич. Сам часто о том же думаю. Но что делать? Сейчас воюем, а придет время — поработаем!

— Если уцелеем, конечно,— вставил Смирнов.

— Ох уж это «уцелеем»! — покачал головой Попов и отошел в сторону.

Израсходовав запасы бомб, самолеты улетели в сторону Дно. Мы вернулись в избу. Рачков потребовал объяснения, почему врагам стало известно, что в этом лесу стояли партизаны.

— Тут конфуз один получился,— замялся Смирнов.
— Какой конфуз?

— Партизаны сами себя выдали. Лежали в обороне, должны были молчать. Вдруг на поляну выскочил заяц. Кто-то не утерпел, открыл огонь. По зайцу. А близко фашистская разведка проходила. Враги решили, что их обнаружили, тоже принялись стрелять. Отстрелялись и ушли. А раз ушли, мы уже знали: жди сюрприза. Отвели партизан в другое место. Для приманки вражеских самолетов деревянную бутафорию устроили.

— Безобразие! — вскипел Рачков.— Оборону выдали, разведку упустили. И все из-за какого-то мальчишества. Охотники!.. Ладно. С этим разберусь потом. Давайте о предстоящих делах поговорим. Как идет подготовка к операции у Острой Луки? Пора уже выходить на исходные рубежи. Кстати, не ударить ли нам в это же время и по группе немцев в районе Маковья и Кряжной? — Рачков склонился над картой и поставил жирный крест на голубой жилке Шелони, у деревни Маковье. — Место уж очень подходящее. Можно такую ловушку устроить! Заманить сюда врагов и дать им бой. Как? Ну что же вы молчите? Отряды все подтянулись?

— Все, кроме «Ворошиловца».

— А тот что? Не желает участвовать в операции? Или собирается подойти к шапочному разбору? Надо вызвать командира отряда Павлова. Почему он не докладывает о прибытии? Смирнов! Распорядись!

Ефремов, Смирнов и Юрцев переглянулись.

— Мы его не можем сейчас вызвать. Он находится километрах в двадцати отсюда.

— Вы живете вчерашним днем! — отрезал командир полка.— Минувшей ночью ему было приказано прибыть в деревню Русино. А это совсем рядом.

— Но его нет там, Николай Александрович.

— Как нет? И здесь срыв? Да вы что? Только вчера Павлова назначили командиром отряда, а сегодня он уже такие номера выкидывает!

— Постойте! Вон, кажется, в Русино какой-то отряд входит,— взглянув в окно, сообщил Ефремов.— Может быть, «Ворошиловец»?

Все посмотрели в ту сторону, куда показал начальник штаба. Рачков взялся за бинокль. Верно, в соседнее село втягивалась длинная, извилистая вереница партизан.

— Ну, я ему этого не прощу! — все больше закипал

Рачков.— Так-то он с первого дня оправдывает оказанное ему доверие!

Через несколько минут Василий Павлов, ставший командиром отряда «Ворошиловец» вместо выбывшего на лечение Александра Артемьева, стоял навытяжку перед Рачковым.

— Разрешите доложить! Отряд «Ворошиловец» по вашему приказанию сменил дислокацию, прибыл в деревню Русино.

— Когда? Я вас спрашиваю: когда вы сменили дислокацию?

— Несколько минут тому назад, товарищ командир полка!

Глаза Рачкова округлились, сверкнули огнем. Продолговатое, покрытое щетиной лицо наливалось гневом.

— Почему так поздно? Где вы до сих пор пропадали?

Рачков сердито поднял рыжеватые выцветшие брови, кончики которых были загнуты вверх, словно закрученные усы. Оглядел Павлова.

— А приказ когда получили? Кто вам дал право передвигаться днем? Это только в исключительных случаях позволительно. А вам кто разрешил? Отряд загубить задумали? — требовал ответа Рачков.

«Ничего, кто горячо говорит, тот быстро остывает»,— не чувствуя за собой вины, успокаивал себя Павлов. А вслух сказал:

— Мы не могли раньше прийти, Николай Александрович. Как вы распорядились, так мы и поступили.

— Я вам приказывал выступить в полночь, пока нет авиации. А вы что? Белого дня дождались? Где ночь провели? Порядка не знаете?

— Знаем, но ваш приказ пришел к нам уже на рассвете.

— Неправда! Лжете! Вы получили его ночью.

— Спросите своего связного. Мы точно выполнили боевой приказ. В шесть ноль-ноль нам доставили пакет, а в шесть пятнадцать мы уже были на марше.

— Как в шесть?! — Рачков круто повернулся к Смирнову и Ефремову.— Разберитесь! Немедленно разберитесь! Что за связной был послан? Небось проспал. Или в деревню заехал, самогонки хлебнул? А может быть, к какой-нибудь крале завернул, занежился? Или просто распустился. Целый отряд поставил под огонь фашистских самолетов. Марш под открытым небом устроил. Если виноват связной — перед строем его! К расстрелу!

Слышите? Чтоб никакой поблажки! По закону военного времени.

— Да, за такие проступки пощады давать нельзя,— поддержал Ефремов.

— Пусть для всех будет уроком,— гремел Рачков.— В этой обстановке, когда враг рвется в край, всякая беспечность есть тягчайшее преступление! Надо укреплять дисциплину. Только высокая дисциплина обеспечит нам победу.— И уже мягче, без гнева спросил у Павлова: — Потери есть?

— Мы по оврагам и по кустам шли. Маскировку соблюдали. На наше счастье, местность оказалась лесистой. И то однажды чуть самолеты не накрыли. Три раза летчик ложился на крыло над нашим отрядом, но ничего, обошлось.

— Кто возьмется довести дело до конца? — строго спросил Рачков.— Начштаба или комиссар?

— Я пойду, — поднялся с места Ефремов.

— Ну давай. Только не либеральничай. Слышишь? Я тебя знаю. Если послабку сделаешь — самого накажу. Понял? Все!

Начальник штаба ничего не ответил, оделся и вышел за дверь. Я последовал за ним.

...В заброшенном деревенском сарае собрался весь личный состав комендантской роты. Партизаны стояли в сдвоенном строю. Командир отряда Павлов и комиссар Рябков держались поодаль. Обвиняемый — пятнадцатилетний паренек Володя Градов — застыл перед строем.

Ефремов вошел в сарай, окинул взглядом собравшихся и, увидев Володю, вздрогнул. «Так это же совсем ребенок! — опешил начальник штаба и тут же вспомнил своего сына Славика. — Наверно, уснул по дороге или заблудился».

Начальнику штаба доложили обстоятельства дела. Володя Градов был послан с донесением вечером. Путь его лежал недалеко от деревни Маковье, где жила мать Володи. Тут-то у парня и дрогнуло сердце. Завернул к матери, думал, накоротке. Но какая мать сразу отпустит оторванного войной любимого сына, не накормив его, не обогрев, не погладив по ершистым мальчишеским волосам, не расспросив о партизанской жизни?

При встрече с любимым и родным человеком время бежит быстро. Не заметил Володя, как подкрался рассвет. Выглянул в окно и отскочил в испуге. Заторопился, наспех поцеловал мать, сложил в вещевой мешок ее

немудреные подарки, вскочил верхом на коня и погнал его. Но было уже поздно.

И вот он теперь перед строем партизан. Стоял как ответчик за совершенное преступление. На нем подпоясанный ремнем отцовский полушубок. Глаза у Володи опущены. Иногда он робко подымал их, обводил виноватым взглядом старших товарищей и снова смотрел в землю. Еще не оформились мягкие черты лица. Вздернутый нос, пухлые губы, темные глаза в длинных ресницах. Мальчишка. Ему бы в городки с ребятами играть да в ночное верхом ездить, а он... ответ держит, преступник.

Партизанский суд начался речью политрука роты. Волнуясь, глядя куда-то в сторону, он призывал укреплять дисциплину, строго наказывать нарушителей, а под конец заявил:

— Есть указание командира полка вынести виновному самый жестокий приговор. Я присоединяюсь к нему.

Какой приговор, он так и не сказал, видимо, не мог выговорить.

Володя, как сквозь сон, слушал страшные обвинительные слова. По щеке, пылавшей от волнения, медленно сползала слеза.

— Конечно, проступок очень тяжелый,— глуховато басил пожилой партизан.— Под пулеметным огнем врага мог погибнуть весь отряд... Надо наказать Грацова по всей строгости закона.

—Да, Владимир заслуживает суровой кары,— говорил уже кто-то третий.— Он нарушил боевой приказ. Мы одного партизана расстреляли за то, что он уснул на посту. Градов поступил не лучше. Здесь тоже следует применить высшую меру наказания.

Володя задрожал. Мы не видели этого, но почувствовали. Он снова поднял глаза, растерянно оглядел строй. И не страх был написан на его юном лице, а удивление. Он еще не понимал всей серьезности своего положения.

«За что? — спрашивали его глаза.— Неужели я совершил такое преступление, которое карается смертью? Лишиться жизни? Так рано умереть, и от руки своих? Я же не предатель, не изменник, не трус. Я сам, добровольно пошел в партизаны, долго упрашивал командира, чтобы приняли...»

А что делалось в это время в душах взрослых — участников и свидетелей необычного партизанского

суда? По растерянным взглядам, по осунувшимся лицам можно было предположить, какой тяжелый груз лежал на сердце каждого.

Партизаны говорили медленно, тяжело, остерегаясь встретиться взглядом с юношей. И слова были у них какие-то казенные, чужие, не от души они шли, а скорее от невозможности говорить иначе.

— Пусть он сам объяснит, как все это произошло,— предложил Павлов, то ли ища какого-то выхода, то ли затягивая время.

Володя выпрямился, жадно глотнул воздух и сказал просто, по-детски:

— Я родом из Маковья... Мимо родной деревни ехал. А там мама... Одна... Отец как ушел на фронт, никаких вестей нету... Думал, минут на пять забегу. А мама у меня такая... несознательная. Законов наших не знает. Заплакала... Чаю согрела, блинов напекла. Вспомнила, что я блины люблю... Я и говорил ей, что не могу, я на службе, на войне. А она опять свое: может, последний раз видимся... Часов у нас нету... Приехал в отряд — уже светло было. Сам испугался...

Пока связной давал объяснения, в сарае стояла напряженная тишина. Ни голосов, ни движений. Только слышалось дыхание стоявших в строю партизан: частое, глубокое, шумное. Говорить после этого стало еще труднее.

— Эх, Володя, Володя! — не сдержался пожилой партизан.— Наказал ты себя и нас.

Все поглядывали на Ефремова: что скажет он, начальник штаба полка?

— Товарищи,— выйдя на середину, начал Василий Иванович.— Все, что здесь говорилось, правильно! Этого требуют законы военного времени. И я, как начальник штаба, конечно, за дисциплину. Но я еще и человек. И отец тоже.— Ефремов поправил ворот гимнастерки.— Да, высшую меру наказания применить можно. Но к кому, товарищи? Давайте посмотрим, кто перед нами? Трус, предатель?.. Нет! Юный боец. И нарушил он приказ не по злому умыслу и не по трусости. Ведь не озорничать же он пошел в деревню, не пьянствовать, а к самому дорогому человеку, к родной матери заглянул. У каждого из нас есть мать, и у каждого она только одна. Конечно, будь Градов взрослым... И отряд, к счастью, прошел без потерь. Видно, судьба пощадила парня. Пощадим и мы.

— Правильно, Василий Иваныч! — послышалось сразу несколько голосов.

— Из него настоящий партизан выйдет.

— Еще какой!

Словно свежая струя ветра ворвалась в сарай. Партизаны вздохнули с облегчением. Все ждали этого слова, все думали о том же, но не решались сказать. Как будто камень свалился с сердца.

«Вот как бывает: мать своей горячей любовью чуть было сына не погубила»,— подумал я.

А Володя, обрадованный, что все так кончилось, стоял, не двигаясь с места, утирая рукавом слезы. Обильные ребячьи слезы.

— Ну, будет начальнику штаба от Рачкова,— шепнул мне стоявший рядом партизан.

— Ничего не будет. Плохо вы знаете своего командира,— возразил я.

«Вот и попробуй объедини беспощадную суровость войны и чуткость к человеку,— раздумывал по дороге Ефремов.— Нелегко это делать. А надо уметь».

Он вспомнил, как однажды к нему обратилась пожилая женщина и спросила про своего сына:

— Как там сынок-то мой привыкает? Не боится в бой ходить?

Ефремов куда-то очень спешил и грубовато ответил:

— Только о вашем сыне у меня и болит голова. Не знаю. У нас таких сотни.

Обидел женщину, сильно обидел. А потом всю ночь плохо спал. Совесть мучила. «У нее тревога, боль за сына, а я...» Пошел утром к матери партизана, разыскал ее, извинился. И о чем только не говорил с ней, лишь бы поправить свою ошибку!

— Ну как? — спросил Рачков, вопрошающе глядя на вернувшегося в штаб Ефремова.— Приговорили?

— Приговорили.

— К расстрелу?

— Нет. Ограничились обсуждением.

— Что? Я без шуток спрашиваю.

— А я без шуток отвечаю.

— Вот с таким наведешь порядок! Дисциплину разваливаешь?

— Сходи глянь на этого нарушителя. В глаза ему посмотри,— почти шепотом сказал Ефремов.

Когда Рачкову подробно рассказали суть дела, он сначала смутился, пришел в замешательство, потом со-

рвал с головы шапку, бросил ее на стол и, злясь на себя, выкрикнул:

— Да разве ж я знал! Что ж вы, идолы, не сказали мне, что это мальчишка? — И замолчал, глядя куда-то в сторону и думая о чем-то своем.

Глава 9 У ЗЕМЛЯКОВ

В штаб полка мы вернулись вместе с Майоровым. Здесь нас поджидала Екатерина Петрова.

— Тебя днем с огнем не найдешь, Мартыновна,— с укоризной сказал ей Майоров.— Дома не сидишь.

— А как же, Александр Федорович. Плохим я буду секретарем партбюро, если к коммунистам ездить перестану. Ведь у нас только в Дедовичском районе девять партийных организаций. Семьдесят коммунистов. По два-три собрания в месяц проводим. В каждой надо побывать. А комсомольских организаций и того больше. Почти сто человек вновь приняли. Вот почитайте, какие заявления пишут.

Петрова порылась в полевой сумке, достала несколько заявлений, протянула начальнику политотдела. Все они были короткие, лаконичные, как клятва.

— В отряде имени Бундзена не так давно Мишу Харченко в партию приняли,— подойдя к Майорову, сообщил комиссар полка Иван Смирнов.

Начальнику политотдела было приятно услышать, что и Харченко, храбрейший партизанский пулеметчик, тоже соединил свою судьбу с партией.

— Мы долго спорили, как оформлять партийные документы,— делился с Петровой и Смирновым Александр Федорович.— Одни говорили, что надо поступать так же, как в мирное время, даже временные билеты выдавать. Другие считали, что в условиях вражеского тыла можно верить на слово и вообще обойтись без оформления. Наконец договорились. Требования к принимаемым в партию не снижать. А оформлять своеобразно. Все должно уложиться на одном листке: короткое заявление, три рекомендации и решение. Никаких протоколов не вести. Только перечислить, кто выступал и сколько подано голосов «за» и «против». Как видишь, принцип остается прежним.

В разных условиях проходили партийные собрания. Часто местом для них становилась лесная поляна или

темная землянка, заброшенный сарай или деревенская изба. Встанет коммунист на колено, обопрется на автомат и докладывает. Нередко место собрания засекречивалось. Придет человек в назначенный пункт, а там, кроме часового, никого нет. Проверит часовой человека и лишь тогда назовет нужный адрес. Так было безопаснее.

Коммунисты являлись ядром партизанских соединений. В бригаде Васильева и Орлова каждый второй был коммунистом или комсомольцем. За семь месяцев войны партийные ряды бригады пополнились на сто одиннадцать человек.

У партизан собрания созывались часто. Редкая крупная боевая операция обходилась без того, чтобы перед ее началом не собрался совет коммунистов. Прошла операция — опять собрание. Надо обсудить итоги, недостатки, поведение коммунистов в бою. Разные вопросы ставили в повестку дня: о воспитании партизан, о работе среди населения, об укреплении дисциплины. Всей партийной и советской работой в крае руководил Сергей Орлов. И как комиссар бригады, и как член Ленинградского обкома партии.

...Узнав от Майорова, что никто пока ехать в штаб бригады не собирается, я решил заглянуть к своим землякам-славковичанам. Уж очень хотелось повидать их. До войны вместе работали, в партизанах восемь месяцев неразлучными были. Ели из одной чашки, спали вповалку, последний сухарь пополам разламывали. В общем, все делили на равные доли: и горести, и радости. А теперь жили врозь. Только обменивались записками. Иногда, когда позволяла обстановка, я посылал друзьям табак, ставший большим дефицитом.

Рота моих земляков по-прежнему входила в отряд «Буденовец». Это название отряд получил почти случайно. В момент его формирования на дедовичской земле вела бои и понесла большие потери Ораниенбаумская кавалерийская дивизия. Партизаны поймали много оседланных лошадей и взяли их себе. А раз на конях — значит, «буденовцы».

Земляки находились в деревне Северное Устье. Расстояние до села небольшое, и через полчаса я уже стоял у крайней, занесенной снегом избы. Изнутри доносился стук молотка. «Похоже — мастерская»,— подумал я и переступил порог.

Картина, которую я увидел, омрачила мое настроение. В избе вдоль стен стояли гробы — желтые, свежие,

пахнущие смолистыми досками. В глубине комнаты, на скамейке, лежали прикрытые простыней погибшие в бою партизаны. Невысокий бородатый плотник спокойно подошел к убитому, измерил длину его тела и стал отпиливать лишний кусок доски.

Пока я шел на другой край села, тягостное состояние несколько развеялось. Друзья оказались на месте. Они недавно вернулись с боевого задания и теперь отдыхали, читали вслух свежие газеты. Расселись вокруг деревенской «чугунки», с удовольствием начали скручивать цигарки.

— У вас на краю села похороны готовятся. Славковских там нет? — осторожно спросил я.

— Нет. То из другой роты. Мы теперь тоже часто на задания ходим. Редкая неделя без боя.

— Скоро опять пойдем,— вмешался в разговор Василий Гранов.— Я в полк ездил и там Рачкова видел. Он в серой ушанке был.

— Что и говорить, верная примета, — подтвердил Крылов.— А знаешь, как наши ребята воевать научились? Здорово дерутся!.. Мешков с сухарями не бросают. Помнишь, у железной дороги?

— Я и другое помню. Как ты меня в бою взаимной выручке учил, когда парашютистов ловили. Подполз поближе и гудишь в ухо: «Держись рядом со мной». Я сначала не понял, переспросил: «Почему рядом?» — «А потому. Если ранят — кто подберет? Могут и забыть. Надо в бою друга сбоку иметь. Он не бросит».

Лиха беда начало. Друзья увлеклись воспоминаниями. Говорили о первых днях партизанской жизни, о том, как учились воевать.

...В октябре 1941 года наш отряд «Пламя» чуть было не попал в окружение. Было это на Мызовской лесной даче, неподалеку от моей родной деревни Шемякино. Мы приняли решение в ночь совершить марш на сорок — пятьдесят километров и выйти в новые места.

К утру мы очутились почти на противоположной окраине Славковского района, в лесном урочище Хижи. Облюбовали в лесу нежилой хутор и расположились в нем. Надо было ознакомиться с обстановкой. Командир отряда Леонид Цинченко снарядил нас в разведку. Мы отправились по окрестным деревням. Нас было шестеро: Александр Попов, Георгий Осипов, Иван Алексеев, Василий Петровский, Иван Егоров и я. Без каких-либо приключений мы дошли до деревни Гусино, конечного пункта нашей разведки.

— Фашистов здесь нет? — спрашиваем у встретившейся на краю села женщины.

— Нет. Мы их давно не видели. Как фронт прошел, так с тех пор и не было.

Спрашиваем вторую. Получаем иной ответ:

— Были, как же, совсем недавно были! Все по подвалам лазали, партизан искали.

Что за противоречивые сведения? Находим старосту. Им оказался пожилой крестьянин с клочковатой рыжей бородой и хриплым, скрипучим голосом. У него было искусственное горло: то ли давний прострел, то ли результат какой-то болезни. Разговаривая с нами, староста пальцем закрывал отверстие в трубке, и лишь тогда мы могли понимать его речь. Задаем ему тот же вопрос.

— Немцы рядом. У них в селе Оклад гарнизон. Это верст пять отсюда,— сообщил нам староста.

Мы предложили ему собрать к утру для нашей группы продукты, а сейчас предоставить нам ночлег. Староста скосил на нас удивленные глаза, покашлял в бороду, но не сказал ни слова. Молча отвел всех в просторный дом, где мы и ночевали на полу, застланном соломой.

До чего же мы были тогда беспечны! Нашей доверчивости можно было только удивляться. Трудно, невозможно объяснить, почему мы так вели себя в ту пору. Почему утратили всякую бдительность и даже элементарную предосторожность? В пяти километрах фашистский гарнизон, а мы даже не выставили часового.

Староста оказался исполнительным. Утром, как и договорились, он передал нам хлеб, мясо, принес табаку-самосаду.

На хуторе все было спокойно. После завтрака кто-то, лежа на полу, негромко затянул песню. Ее быстро подхватили. И вот нежилой, заброшенный хутор ожил. В песне неповторимо переплелось все: и боль за любимый край, и тоска по родным и близким, и горечь потерь, и неопределенность нашей обстановки...

То ли особый строй пения, то ли душевная боль, искавшая выхода в песне, не знаю, что влияло тогда на наше восприятие, но только такого хора, такого исполнения мне больше в жизни слышать не довелось.

К песне партизаны обращались часто. И хотя петь приходилось, как правило, вполголоса, осторожно, а все-таки дружили с песней.

На лесном забытом хуторе пели партизаны... Пели, сдерживая голоса, задумчиво, не спеша, пели с какой-то

вызывающей, ничем не объяснимой беспечностью, совершенно забыв об опасности, а в это время... Что делалось в это время неподалеку от хутора, мы узнали только потом...

Когда дошли до «Ермака», Ханон Старк сказал с горькой улыбкой:

— Как в кинофильме «Чапаев»! Там тоже эту песню пели.

— Не дай бог, если и конец будет таким же,— живо отозвался Гранов.

В жизни бывают разные удивительные совпадения. То, что произошло с нами на хуторе,— одно из таких. Беда и в самом деле уже подстерегала нас.

Отряду предстояло в тот день совершить выход в соседнюю деревню Подберезье. Нам стало известно, что жители сохраняли подобранные на поле боя шинели и сапоги. А мы нуждались в одежде и обуви. Уже выпал снег, надо было думать о том, как одеть и обуть людей. Поскольку поход в село не предвещал никаких осложнений, все уходили налегке, без вещевых мешков, захватив с собой лишь винтовки и несколько обойм патронов.

Троим партизанам — Ивану Туманскому, Василию Гранову и мне — Цинченко дал другое поручение: пройти в деревню Езенино к сапожнику Никитину, который уже оказывал нам услуги, и попросить его отремонтировать нашу порвавшуюся обувь. Но чтобы не подвести Никитина и не навлечь на него подозрений, нам рекомендовалось идти попозже, когда стемнеет. Другой тройке партизан — Ивану Алексееву, Ивану Егорову и Ханону Старку — было приказано остаться на хуторе, охранять вещи и готовить ужин.

Длинной цепочкой потянулись партизаны от хутора к лесу. Мы, оставшиеся на месте, глядели им вслед. До сих пор не могу понять, почему мне нестерпимо хотелось пойти вместе со всеми? С грустью, с внезапно нахлынувшей острой болью провожал я глазами уходивших друзей, и какой-то внутренний голос настойчиво внушал мне: иди и ты, иди... Так тоскливо, так гнетуще больно сосало под сердцем.

— Тезка,— обратился я к Туманскому, которого тоже звали Иваном Васильевичем,— пойдем и мы. Зачем темноты ждать? Будем двигаться по кустам, потихоньку. Пока к деревне пробираемся, темно станет.

Тот согласился. Мы поднялись с пола, насыпали в карманы патронов и вышли.

Вначале шли следом за колонной, на расстоянии примерно пятисот метров. Те, что были впереди, уже достигли окраины деревни. И вдруг — выстрел. Сухой, одиночный. Все остановились. Словно заело киноленту и кадр замер без движения. Что это? Чье-то предупреждение, сигнал?

И тут же мы отчетливо расслышали у себя за спиной автоматные очереди. Стреляли там, за лесом, откуда мы только что вышли. Наши так стрелять не могли: у нас не было ни пулемета, ни автоматов.

Мгновенно мы повернули назад, перебирая в карманах жалкие запасы патронов. Теперь уже ни у кого не было сомнения: случилась беда. С каждым нашим шагом стрельба слышалась все сильнее и сильнее. Вырвались в небо черные клочья дыма. Громко, словно артиллерийские снаряды, рвались в огне оставленные нами гранаты. Гулкое эхо разносило взрывы по осеннему лесу.

От хутора нас отделяла небольшая гряда деревьев. Мы приблизились к опушке и увидели охваченный пламенем дом и бегающих вокруг него с автоматами в руках карателей. Из бани барабанил пулемет. Фашисты стреляли зажигательными пулями. Горели наши боеприпасы, наша одежда.

— Открыть огонь! — приказал нам Цинченко.

Рассыпавшись по лесной опушке, мы начали стрелять. Сначала в общем шуме гитлеровцы не поняли, откуда засвистели пули. Потом кинулись в нашу сторону. Карателей было много — несколько десятков. Под напором их огня нам пришлось отходить.

Полураздетые, вымокшие на снегу, мы уходили в глубь леса. Наступившая ночь спасла нас от преследования. Все стихло. Дрожа от холода, мы подались в деревню Котово. Жители этого села не спали всю ночь, боясь налета фашистов. Не спали и мы, неся усиленные караулы.

Утром мы отправились к месту происшествия. Не терпелось узнать о судьбе оставленных на хуторе товарищей. Что с ними? Может быть, спаслись, убежали?

Вот и опушка леса. Сквозь ветви деревьев мы увидели на месте хутора пепелище. Опасаясь, что немцы оставили засаду, Цинченко не рискнул вести на голую поляну весь отряд. Он пошел один. Вышел на открытую поляну, спокойно, не торопясь приблизился к пепелищу. Остановился, молча снял шапку. Мы всё поняли и тоже обнажили головы. Цинченко стоял долго, разглядывая

останки погибших друзей. Потом повернулся и пошел назад, медленно, не поднимая головы.

А пока он шел, в нашей памяти проносились воспоминания о павших. Не стало среди нас никогда не унывавшего, остроумного Ханона Старка — председателя Островского райисполкома. Свист пуль и грохот гранат были последней музыкой в жизни председателя Горбовского сельсовета баяниста Ивана Ивановича Егорова и Ивана Алексеевича Алексеева — председателя Докатовского сельсовета.

Встретившись в условленном месте с Ваней Александровым и Васей Крыловым, которые были отправлены в разведку в родные места, мы покинули этот район и пошли на восток, к границам Партизанского края.

После трагического случая на хуторе по округе распространился слух, будто фашисты уничтожили там всех славковских партизан. Цинченко захвачен в плен. Слух этот дошел и до моих родных. Кто-то из них ходил на злополучное пепелище, а возвратясь, поставил мою фотографию в траурную рамку.

...Я уже собрался уходить от своих друзей, как в избу вошел раскрасневшийся молодцеватый командир отряда Никифор Синельников и объявил Кате Сталидзан:

— Катя! Собирайся в дорогу. В штаб полка вызывают.

Через несколько минут под пение санных полозьев мы с Катей мчались в Хохлово. Пытались по дороге отгадать причину вызова, но не могли. По приезде в полк тоже ничего не прояснилось.

— Вызов получен из штаба бригады,— сказал Рачков Кате.— Тебе приказано срочно прибыть в деревню Круглово. А что там случилось, я не знаю. Да ты не одна поедешь, не бойся.

На мой вопрос о цели вызова, с которым я обратился к Майорову, тоже последовал уклончивый ответ:

— Мы же с тобой в одно время из штаба уехали...

Сталидзан вызывалась, действительно, не одна. Приказ о выезде в Круглово получили трое из отряда имени Бундзена — комиссар Иван Ступаков, политрук Павел Власов, пулеметчик Михаил Харченко и начальник штаба отряда имени Горяинова Иван Буданов. Вызывались также и представители местных органов власти: председатель Станковского сельсовета Василий Егоров и председатель колхоза «Дружные ребята» Евгений Иванов. Только из зоны дислокации 3-го полка должны были выехать семь человек. И хотя все движение по краю

было перенесено на ночь, потребность в дневных поездках все-таки возникала. Возникла и сейчас.

Майоров и Петрова тоже решили ехать вместе со всеми. Предложили и мне присоединиться.

Расселись по два человека в сани и тронулись в путь. Все направлялись прямо в Круглово, и только Василий Егоров должен был сделать крюк на Острый Камень: ему было поручено захватить с собой колхозницу Татьяну Игнатову. В крае эту сорокалетнюю женщину из особого уважения обычно звали «тетей Таней». Я вызвался ехать вместе с Егоровым.

Глава 10 В ОСТРОМ КАМНЕ

На развилке дорог мы с Егоровым свернули на северо-запад. Все остальные поехали на юго-восток, в Круглово. Помахали нам руками и скрылись за перелеском.

Ехали мы на новеньких дровнях-розвальнях и попыхивали цигарками. Дорога вилась вдоль Шелони, копируя ее затейливые изгибы между холмами и лощинами, петляла среди редколесья, пробегала у лесных опушек, потом вырывалась на открытое поле и вновь исчезала в тени уже начинавших одеваться свежим инеем деревьев. К вечеру мороз становился крепче, забирался в рукава и голенища, остро щипал кожу лица. Немного ломило лоб.

Конь бежал быстро. Из-под копыт летели комья смерзшегося снега, щелкали по заиндевевшей шубе Егорова. Наши розвальни легко катились по покрытой тонким ледком дороге, прыгали на ухабах. На поворотах сани забрасывало в сторону. Стукнувшись о стенку колеи, они кренились набок, и мы, не удержавшись, не раз кубарем выкатывались в снег.

Настроение у нас было хорошее. Я плотнее прижимал к себе полевую сумку, в которой лежали материалы для нашей газеты. Тут были рассказы о молодых партизанах, уже открывших боевой счет; письмо юного разведчика Миши Яковлева о том, как он стал партизаном; наказ матери Анны Петровны своему сыну, вступившему в отряд. Все они были потом напечатаны в очередном номере нашей «Коммуны». Страница вышла с аншлагом: «Колхозная молодежь пополняет партизан-

ские ряды. Она зовет к оружию своих товарищей из сел и деревень».

Долгое время мы с Егоровым ехали молча. Потом сам собой возник разговор.

Немало поработал Егоров за эти трудные месяцы войны. Из Станковского сельсовета, которым он руководил, партизаны получали большую помощь. Несколько тысяч пудов продовольствия, десятки пар белья, много верхней одежды и обуви было отправлено отсюда на партизанские базы. Сто двадцать пять человек из сельсовета ушли добровольцами в партизаны. Это не считая отрядов народного ополчения.

Егоров замолк, сощурил усталые глаза. Погода начинала портиться. Поднялся ветер. Колючий снег бил в лицо. Поперек дороги лентами змеилась поземка. За околицей деревни Коноплюхи по верхушкам сугробов озорно бежали, обгоняя друг друга, снежные стайки. Они игриво кружились у домов, овевая постройки и заборы, припадали к земле, ластились, скользя по крепкому, покрытому ледяной корочкой насту.

Певуче скрипели полозья саней. Закроешь глаза, и кажется, едешь назад. Полное впечатление: повозка движется обратно.

Егоров стал торопить коня. Он перебирал вожжи, нетерпеливо приподымался, вглядываясь в подернутую мутной пеленой даль. Как только конь пускался рысью, скрип снега ослабевал, напоминал веселое посвистывание.

Вот и Острый Камень. На крайней, обшитой тесом деревенской избе виднелась неброская, сделанная от руки вывеска: «Изба-читальня». Я кивнул в ее сторону:

— Василий Алексеевич, может, зайдем? И погреемся, и избача навестим.

— Понял! Раз молодежью интересуешься, надо и с молодым избачом поговорить. Принимаю к сведению. Но ставлю условие: пятнадцать минут, не больше. Нам же к сроку надо, понимаешь?

— Мне и десяти хватит!

Мы вошли в избу. Молодая чернобровая девушка легко выскользнула из-за стола и вышла нам навстречу. На голове ее красовалась кубанка с красной ленточкой наискосок.

— Здравствуйте, гости дорогие! — И отрекомендовалась: — Заведующая Нина Сафонова.

— Мы не гостить приехали, Нина. Проездом загля-

нули. Ты лучше скажи, дома ли Татьяна Тимофеевна? Никуда не собиралась?

— Дома. Вот только что по деревне проходила.

Нина охотно показала нам свое хозяйство. На стене в самодельной рамке мы увидели небольшой портрет Ленина. Тут же были расклеены плакаты, лежали свежие номера «Правды», «Красной звезды», «Народного мстителя». Висела стенная газета «Бей врага!». Полка была завалена брошюрами и книгами.

— Только что с самолета получили,— пояснила девушка.— Фронтовые очерки наших писателей.

Нина порылась в ящике стола и протянула мне письмо.

— Это вам, в газету. Наш колхозник Василий Петрович просил передать.

Я вскрыл конверт и прочитал:

> За последние две недели враги забросали нас листовками. Мы, мужики, растопляем ими печку. Злобу и ненависть вызывают у нас эти насквозь лживые фашистские бумажонки. Все равно мы им не верим, ни одному слову не верим...

— Это хорошо! Мы его обязательно напечатаем,— ответил я девушке.

Взяв письмо, я подал знак Егорову, что готов следовать дальше. Не прошло и пяти минут, как мы уже входили в калитку дома Игнатовых.

Все семейство Василия Филипповича оказалось в сборе. Хозяева, как всегда, искренне обрадовались нашему приезду. Тетя Таня сразу собрала на стол. Дымилась горячая картошка, блестели нарезанные кружками соленые огурцы, стоял высокий кувшин молока.

— Ноги-то небось мокрые? — заботливо спрашивала у нас тетя Таня.— Возьмите-ка сухие портянки.

В деревне Игнатов слыл человеком начитанным. Книг он прочитал действительно много, хотя все его образование — три класса церковно-приходской школы. По природе он был застенчив, не стремился быть впереди других. На опасное дело сам не вызывался, но если предлагали, шел не отнекиваясь.

Татьяна Тимофеевна была другого склада. Волевая, смелая, она без страха укрывала в доме раненых красноармейцев, лечила их. Горе встречала с сухими глазами.

— Что там у вас нового, расскажите,— подсаживаясь поближе, спросил Василий Филиппович.

— Да вроде все по-старому,— пожал плечами Егоров.— Зато у вас есть новости.

— Какие?

— Говорят, тетя Таня отличилась, шпиона разоблачила...

Из-за перегородки доносились голоса детей. Их было трое: пятнадцатилетний Вася, Оленька, которой исполнилось семь лет, и трехлетний Саша. Их мать Наталью, тяжело раненную, увезли в партизанский госпиталь, оттуда отправили самолетом в советский тыл, а детей взяли на воспитание Игнатовы. Вася и Оля всё понимали и старались не заводить разговора о матери и о случившейся с ней трагедии. И только несмышленыш Саша нет-нет да и возвращался к одному и тому же вопросу:

— А куда нашу маму увезли? Почему она не приходит?

Мы слушали теперь разговор ребятишек, радуясь тому, что они уже прижились в новой семье, привыкли и к деду Васе, и к бабе Тане, и к Анисье, временно заменившей им мать.

— Васек! А мама говорила, что на самолетах письма и посылки возят, хорошие люди на них летают,— лепетала за перегородкой девочка.— А почему немцы летают? Они же разбойники...

— Опять за свое! Что ты понимаешь?

— А почему им разрешили по нашему небу летать?

— Да ты пойми — война!

— Ну и что ж — война?..

Из-за перегородки, отделявшей нас от детей, робко высунулась гладко причесанная головка девочки. Ее темные волосы были собраны в косички и перевязаны лентой.

«Оленька!» — сразу узнал я, увидев в лице девочки что-то материнское. Та самая Оленька, которая когда-то перед сном ровняла свою головку с головой матери, чтобы шальная пуля могла поразить их обеих. «А то залетит сюда пуля, меня убьет, а ты останешься. Как же ты будешь без меня?» — шептала тогда девочка. Но осталась не мать, а она, оторванная от израненной матери, к которой пули залетели не со стороны, а были пущены палачами, стрелявшими в нее почти в упор.

Оленька присела к окну, раскрыла тетрадь и, водя пальчиком по напечатанным от руки строчкам, по слогам прочитала:

— Пу-ля, бом-ба, гра-на-та, пар-ти-за-ны...

Вышел и Саша. Он взобрался на колени к Василию

Филипповичу, сложил крестом свои пухлые ручонки и с любопытством заглянул в начинавшие слезиться глаза.

— Теперь за эту крошку боюсь,— поглаживая мягкие, шелковистые волосы малыша, говорил Игнатов.— Привык к нему. А вдруг и вправду одна беда за другой посылает?

— Дедушка, а я спортивный,— подбирая под себя голые ножки, пролепетал малыш.

— Какой, какой?

— Спортивный. Видишь, штанов нет.

— Шутник ты,— Филиппыч улыбнулся.— Много ль в Ленинграде побыл, а уже городские слова подхватил. Подружились мы с ним. С колен не сходит. Даже ноги болят.

— Дедушка,— встрепенулся мальчик.— Когда ты будешь маленький, я тоже тебя на коленях держать буду. Вот увидишь.

Филиппыч засмеялся, сощурив щелочки глаз, и выпустил из рук малыша. Тот живо юркнул за занавеску.

Заметив, с каким интересом мы слушаем речь Саши, Анисья сказала:

— С ним не задремлешь. Весь день говорит. И слова какие-то свои придумывает. Увидел как-то, что я посуду мою. Подходит ко мне, берет со стола чашку, начинает мыть. «Что ты делаешь?» — спрашиваю. «Тебе помогаю, чтобы ты не затруднилась».— «Да темно уже».— «Ну и пусть. Мои глазки видят и в темне, и в светле». А то просит покатать его на санках: «Покатай меня и спрашивай, замерз ли я? Если я замерз, забегай меня куда-нибудь и грей».— Анисья заглянула за перегородку, окликнула: — Саша! Спать пора. Уже ночь подходит.

— А у ночи есть ноги?

— Зачем они ей нужны? — удивилась Анисья.

— А ты говоришь: ночь подходит... — И, выглянув в окно, громко закричал: — Дедушка, гляди-ка! Немцы и луну разбили. Одна половинка осталась.

— Во, Коёхтовна идет! — выглянув в окно, сообщила Татьяна Тимофеевна.

— Кто такая? Что-то фамилия .странная,— спросил Егоров.

— Наша колхозница, Марья. Это не фамилия, а прозвище. Она слово одно неправильно выговаривает. Не скажет «кое-кто», а все по-своему — «коёхто». Вот ее и прозвали Коёхтовной.

Любят жители здешних деревень клички давать. Редкий человек оказывается без прозвища. Может быть, потому, что много однофамильцев в селе? Ивановы да Петровы. Павловы да Федоровы. Надо же как-то различать их. Вот и придумывают какие-нибудь неофициальные фамилии.

Разными кличками наделяют друг друга односельчане. Некоторые люди получают прозвища по внешним приметам: Черноглазиха (черные глаза), Васечка (небольшой ростом). А часто это делается по какому-нибудь случайному поводу. У нас в селе, например, были Федька Таракан, Иван Снеток, Вася Кулик...

Соберутся, бывало, мужики в выходной день, рассядутся на завалинке и начинают друг друга шпынять кличками. Иные сердились, другие относились к этому равнодушно, как к безобидной шутке. Начинали обычно издалека:

— Что-то холодком потянуло. Осень близко. Скоро гуси в отлет отправятся,— скажет Вася Кулик, хитровато поглядывая на Ивана по кличке Гусь.

Иван Андреевич Гусев сразу насторожится: этот камушек заброшен в его огород.

— Да, холодновато. Наверно, куликам в болоте стало неуютно,— возвращает он шутку своему соседу.

Послушает кто со стороны и ничего не поймет: почему это вдруг мужики такую трогательную заботу о пернатых проявляют?

Коёхтовна вошла, увидела незнакомых людей, застеснялась.

— Проходи да хвастай! — подбодрила ее Анисья.— Что у тебя нового?

— Мы люди здешные-вековешные. Пока, в час сказать, в худой смолчать, ничего не случилось,— замысловатым присловьем ответила пожилая колхозница, садясь на скамейку.

«Пора уже сообщить о цели нашего приезда»,— подумал Василий Алексеевич и тут же сказал:

— А ты, Тимофеевна, собирайся в дорогу. Мы за тобой заехали. В тройку вызывают. Может быть, придется куда-то и дальше ехать.

Тетя Таня удивилась. А Василий Филиппович вообще растерялся.

— Это что ж такое? — развел он руками.— Последнюю опору забирают. И надолго?

— Не знаем, Филиппыч, не знаем,— стараясь скорее уйти от этой темы, скороговоркой ответил Егоров.— Ме-

ня тоже вызывают. Сам бы хотел знать, зачем, да не говорят.

— Ну что ж, надо — значит, надо.

Татьяна начала собираться в путь. Василий Филиппович решил провожать ее. Мы не возражали. Попросился ехать с нами и Иван Гусев: ему зачем-то понадобилось в тройку.

День клонился к вечеру. При выезде из села мы догнали цепочку ребятишек. Обратили внимание на их странную одежду: головы были закутаны в женские платки, на ногах вихлялись неуклюжие соломенные ботинки, на груди висели белые лоскутки. В руках мальчуганы держали нечто вроде деревянных автоматов. «Никак изображают фашистов?»,— успел подумать Егоров, как вдруг из-за снежного бруствера выскочила орава ребятишек с такими же автоматами наперевес, но с красными ленточками на шапках и, громко крича: «Гитлер капут!», налетела на ошеломленных «карателей». Они бросали их в снег, отнимали «оружие», захватывали «в плен». «Бой» закончился полной победой «партизан».

— Ох уж эти ребятишки! — покачал головой Егоров.— Во всем-то они копируют взрослых. Даже в играх своих...

Глава 11 ВЛАСТЬ — СОВЕТСКАЯ!

Когда мы въехали в Круглово, над селом опустились сумерки. На улицах было необычное оживление. В полутьме сновали люди, шумно разговаривали. Председатель Белебелковской тройки Николай Сергачев что-то горячо доказывал интенданту 2-го полка Дмитрию Ипатову. Политрук роты Павел Власов неторопливо прохаживался с женой.

Посреди улицы широко, вразвалку шагал председатель Дедовичской тройки Поруценко.

— Это что? Станковские прибыли? — крикнул Александр Георгиевич, завидев Егорова.

— Так точно! — бойко ответил Василий Алексеевич.

— У нас сборы недолги,— тряхнул бородой Игнатов.— Некогда рассусоливать. Шапку в охапку, кнут за пояс, и в дорогу.

По ступенькам крыльца легко выбежала на улицу Екатерина Петрова.

— Слава богу! — обрадовалась Татьяна Тимофеевна.— С ней-то можно без опаски про все поговорить.— И, приблизившись к Петровой, торопливым шепотом спросила:

— Что же дальше-то будет, Мартыновна? Зачем нас-то вызвали? Или отправить куда-нибудь хотят?

— Тетя Таня, голубушка, успокойся! — Петрова порывисто обняла Татьяну.— Сейчас скажут. Обо всем скажут. Не пугайся. Все будет хорошо!

Напротив дома, у которого мы остановились, через дорогу стоял колхозный амбар. Там, в полутьме, партизанский интендант принимал продукты от пожилого колхозника. Они о чем-то спорили. Мы прислушались.

— Вам по плану надо сдать семь пудов. А вы целых десять привезли, — говорил интендант. — Задание забыли?

— Да нет, не забыл,— отвечал колхозник.— То было в мирное время, понимаешь, а сейчас война. Разве можно равнять? Принимай все целиком!..

Вскоре на улице стихло. В доме, где размещалась тройка, началось совещание. Только что прилетевший из штаба Северо-Западного фронта комиссар бригады Орлов поднялся с места, одернул гимнастерку, заложил по привычке пальцы рук за ремень и громко сказал:

— Так вот, дорогие товарищи! Вам выпала большая и почетная миссия. Все вы сегодня же ночью поедете в Ленинград! Будете представлять на Большой земле наш хлебный обоз и наш Партизанский край.

И Орлов зачитал радиограмму, полученную из Валдая. В ней говорилось:

> Выделите делегацию колхозников и партизан... Направьте их через линию фронта в деревню Рахлицы на Ловати, к секретарю Залучского райкома партии Иванову, который отправит их на Валдай для дальнейшего следования в Ленинград.
>
> *Гордин, Тужиков.*

В делегацию для сопровождения обоза вошли двадцать два человека: двенадцать партизан и десять колхозников. Руководителем назначили председателя Дедовичской тройки Александра Георгиевича Поруценко. Вместо него в крае оставалась Петрова.

— Принимай, Екатерина Мартыновна, бразды правления! — весело сказал Орлов, разыскав глазами Петрову.

Дедовичская тройка была ведущей в Партизанском

крае. На нее равнялись, ей подражали остальные тройки. Теперь во главе этого представительного органа власти становилась мужественная женщина, которую все хорошо знали и уважали.

— А ты кому передал свою тройку? — спросил Орлов Николая Сергачева, который тоже был включен в делегацию.— Кузнецову?

— Да, Николаю Назаровичу. Человек он опытный. Много лет председателем райисполкома в Порхове работал. И второй член тройки не новичок. Вы его тоже знаете: Сергей Староладтко. Бывший пограничник.

В ту же ночь делегаты отправились в далекий и опасный путь. Им предстояло преодолеть сто километров дорог во вражеском тылу, а потом уже пересечь фронт. Они увезли с собой письма, адресованные в Кремль и в Смольный, под которыми стояло более трех тысяч подписей колхозников и партизан, и деньги, собранные в Партизанском крае в фонд обороны Родины.

Простившись с отъезжающими, Екатерина Мартыновна поспешила в дом. Несмотря на позднее время, ее ждали ходоки из разных сел. Они пришли в тройку, чтобы разрешить свои неотложные дела. Куда же им больше идти? Ведь тройка — единственный орган власти в Партизанском крае.

В тройке всегда было полно посетителей. Одни приходили за советом, где держать семена — в лесу или в деревне, другие докладывали, как идет ремонт инвентаря, третьи просили дать лошадей в помощь. Вот и сейчас собралось несколько человек.

Чтобы ускорить дело, Петрова разделила посетителей на две группы. Одну стал принимать Лильбок, другую она.

Васильев, Орлов и Майоров пожелали побыть на этом своеобразном приеме граждан, послушать. Я обрадовался, что и мне представилась такая возможность, так как в лагерь мы договорились ехать вместе с комиссаром.

Первым обратился к Петровой председатель Полистовского сельсовета Дмитрий Павлов. Он рассказал, что в деревнях сельсовета созданы «группы обороны», организована ночная и дневная охрана, для связи с тройкой и с другими деревнями выделены проверенные люди, им приданы дежурные лошади, запряженные в санки. Но вот беда — не хватает оружия.

— Я вас понимаю, Дмитрий Павлович, но оружием ведает не тройка, а штаб бригады. Здесь присутствуют

представители командования, и я вашу просьбу адресую им.

— Свободного оружия у нас сейчас нет,— ответил Васильев, — но мы запросили винтовки и автоматы. Ждем самолеты. Как только получим, дадим.

Председатель колхоза «Борец» пришел доложить о подготовке к весеннему севу.

— К севу мы готовимся успешно,— говорил он.— Семена уже собрали, отсортировали. Теперь ремонтируем инвентарь... На днях унтер-офицера поймали.

— Вот здорово! Это тоже подготовка к весне? — не утерпел Васильев.

— А как же! Чем меньше останется врагов, тем легче будет сев проводить.

«Любопытно у нас получается! — подумал я, слушая доклад председателя колхоза.— Переплелись война и мир. Отремонтировали плуги — и схватили немецкого разведчика. Засыпали семена — и совершили налет на фашистский обоз. Все вместе, все рядом, все пишется в одну строку».

Партизанский край, окруженный со всех сторон немецкими гарнизонами, готовился встретить первую военную весну. Люди прятали в лесах и ямах семена, ремонтировали инвентарь, собирали удобрения. Женщины вставали на самые трудные участки, заменяя мужчин. А в это время по глухим объездным дорогам на партизанские базы двигались подводы, груженные фуражом, продовольствием и сырьем. Они везли хлеб и мясо, шерсть и кожу, сено и овес. В деревнях работали сапожные мастерские — там деревенские мастера изготовляли для партизан обувь. Портные шили гимнастерки и полушубки.

Дождалась своей очереди и седенькая старушка, Дарья Ивановна из Острого Камня.

— Как же мне быть, Мартыновна? — все повторяла она.— Паспорт сгорел, понимаешь? Перед войной в Ленинграде жила, там получила. Что же я теперь делать буду? Может, новый дадите? Ведь вы — Советская власть! Паспорт-то сгорел, говорю... Вот беда.

— Успокойся, Дарья, потом выдадим. Поживи пока без паспорта.

Дарья отошла в сторону, а к Петровой уже приблизились двое парней. Подали заявление, пояснили:

— В партизаны хотим. В деревне без нас справятся. Там женщин много. Вы ж теперь отпускаете?

Петрова взяла заявление, почувствовала на себе при-

стальный взгляд командиров (как, мол, она поступит?) и наложила резолюцию: «Председателю колхоза. Согласна, если дадите гарантию, что полностью выполните план сева».

— Отпускаешь их, Мартыновна? — поинтересовался Майоров.

— Отпускаю... Тут недавно одна колхозница привела своего сына. Гляжу — совсем молоденький. «А постарше-то нет?» — спрашиваю. А она уголком передника глаза вытерла и говорит: «Был и постарше, да убили его недавно. В немецкую засаду попал. Так вот я на смену привела. Младшенького». И заплакала. Вот какие у нас люди...

Следующим был председатель колхоза «Красная Железница».

— Мартыновна, лесом прошу помочь. Двор строим, а материалу не хватает.

— Где строите? В деревне? Неразумно это. Все равно самолеты спалят. Надо в лесу строить. Готовьтесь к лесной жизни.

Последним подошел немолодой крестьянин с коротко подстриженной седоватой бородой. Снял шапку.

— Когда враг навалился, надо всем в одной семье быть,— сказал он, кладя на стол какую-то бумагу. — Простите за прошлое. Примите в колхоз.

— Так это же не мы принимаем, а общее собрание,— разъяснила Петрова.

— Резолюция требуется.

— Никакой резолюции. Отдайте заявление в правление колхоза, и вас примут.— Петрова повернулась к командирам.— За последний месяц триста с лишним семей в колхоз вступили. Вот как отвечают наши крестьяне на немецкую «земельную реформу»! Гитлер приказал распустить колхозы, а у нас в крае ни одного единоличника не осталось.

Собирая со стола бумаги, Петрова говорила:

— Не зря наш край республикой называют. Даже пословицу сложили. Слышали, наверное? Земля крестьянская, леса партизанские, шоссе немецкое, а власть Советская! Вот уж и впрямь настоящая «лесная республика»! Кругом враги, а тут — Советская власть. Тридцать сельсоветов, сто семьдесят колхозов, пятьдесят школ открыты. Газеты печатаются. Партийные и комсомольские собрания проходят. Избы-читальни и красные уголки работают. Люди все прибывают и прибывают. Пробираются к нам с той стороны, из-за Шелони. Идут целы-

ми семьями. Спасаются от «нового порядка». Уже тридцать тысяч человек насчитывает край. Народ взял партизан на полное содержание.

— Правильно все-таки мы решили, что тройки создали? — спросил Орлов.

— Очень правильно! — тряхнула головой Петрова.— За это вам спасибо, Сергей Алексеевич! Это вы были крестным отцом троек.

— Тройка — это партийная и государственная власть в тылу врага,— продолжал Орлов.— Тут и райком партии, и райисполком. Только в особых условиях. Потом будут тройки и в других районах. Обязательно будут! А наши — первые! — не без гордости закончил комиссар.

Разговор о жизни в крае продолжался и за ужином, когда работники тройки и бригадные командиры расселись за двумя сдвинутыми вместе столами.

— Как с поставками? — поинтересовался комбриг.

— Сдают больше, чем положено,— ответил Николай Александров, ведающий в тройке вопросами снабжения.

— Удивительный народ здесь! — подхватила молодая женщина с множеством веснушек на лице.— Всё готовы отдать партизанам.

— Это наш врач Нина Романовна Щербакова,— представила собеседницу Петрова.— Мы открыли медпункт. А ее назначили заведующей.

— Да не врач я, а только фельдшер! — поправила Щербакова.— Почему вы меня врачом зовете?

— А потому, голубушка, что здесь, в тылу врага, все звания выше. Так-то.

— Мне колхозник любопытную записку прислал,— вмешался в разговор адъютант комиссара Алексей Кузьмин.— Я его еще до войны знал. Ему лет шестьдесят, не меньше. Пишет: «Леша! Ты там поближе у начальства толкаешься, достань автомат, будь друг». Тоже в партизаны метит.

— Не зря враги пишут, что в нашем крае все жители — партизаны,— вставил заведующий земельным отделом Константин Тетерин.

...Поужинав и распрощавшись с работниками тройки, мы стали собираться в дорогу.

— Поехали! — бойко сказал мне Орлов и жестом пригласил к выходу.

На улице было совсем темно. В небе проступили звезды. Прошелестел ветер — пока несмелый, но наби-

равший силу. Он донес еле уловимый запах порохового дыма.

Вокруг на десятки километров раскинулись леса и болота. В памяти восстановился кусочек географической карты. Белесая, густонаселенная западная часть и зеленоватые, обширные, до шестидесяти километров в диаметре, болота на востоке. И только вдоль вытянувшихся узких полосок суши пестреют кирпичики деревень да пробегают голубые прожилки Полисти и Шелони.

Край простирался на сто двадцать километров в длину и на восемьдесят километров вглубь. Нам казалось, он спал. Было тихо. Но это только казалось. На непокоренном клочке земли ни на минуту не замирала жизнь. Сотни людей не смыкали глаз. Часовые зорко всматривались в темноту ночи, охраняя безопасность партизан. Агитаторы подползали к фашистским гарнизонам, неся за пазухой и за голенищами сапог советские газеты и листовки. Подрывники, затаив дыхание, припадали к холодным рельсам, вслушиваясь, идет ли поезд. Минеры устанавливали на дорогах мины. Разведчики бесшумно пробирались к занятым врагом селам, добывая для штаба ценные сведения. Где-то передвигались отряды, меняя дислокацию.

Наш путь лежал в Серболовский лес, в центр Партизанского края, в обжитый нами зимний лагерь. Комбриг посадил с собой полюбившегося ему паренька Васю Орлова. А мы ехали в одних санях с Сергеем Орловым. Я внимательно посмотрел на комиссара. В белом дубленом полушубке, мешковато сидевшем на его плечах, он напоминал скорее представителя гражданской администрации, чем военного.

Партизаны высоко ценили Орлова. Это был боевой комиссар и опытный партийный работник. Правда, он не был поначалу знатоком военного дела, но многому научился у комбрига и теперь уже втянулся в беспокойную, тревожную, полную опасностей партизанскую жизнь.

В начале пути Орлов немного подремал. Я не мешал ему.

Наша дорога, прежде чем выскочить на широкую лесную просеку, обогнула сожженную немцами деревню Дубовку. На пепелище, в уцелевшей печной трубе, протяжно выл ветер. Его завывание, то еле слышное, то резкое, бередило душу, возвращало к далеким годам трудного, горького детства. Эта музыка сопровождала меня в моих скитаниях по псковским деревням в поисках

хлеба. Нищенствуя, мне приходилось ночевать в дырявых сараях и на гумнах. В щели, словно плач, врывалась печальная мелодия ветра. С тех пор я хорошо запомнил ее, и всякий раз, когда слышал вновь, не мог оставаться равнодушным.

Дубовка уже давно осталась позади, и ветер шумел теперь в сосновых ветках, перепрыгивал с дерева на дерево и уносился вдаль, вслед только что уехавшим партизанским делегатам. Он тоже куда-то спешил... Я завидовал ему. Ветер волен был направить свой бег туда, куда захочет. Для него не было ни границ, ни расстояний, не было и линии фронта.

Наш путь на этот раз был близок. Вот мы уже выехали на главную лесную просеку и сразу почувствовали себя как дома. Комиссар очнулся, сел поудобнее и приготовился к разговору. Мне очень хотелось расспросить Сергея Алексеевича о его поездке в советский тыл, узнать от него, как живет наша родная, такая близкая нам и такая далекая от нас Большая земля. Но разговор начался о другом.

— Любит комбриг детей! — кивнул Орлов в сторону ехавшего впереди нас Васильева с юным разведчиком Васей.— Сам на ребенка чем-то смахивает.

— А свои-то дети у него есть? — поинтересовался я.— Мне очень мало известно о личной жизни комбрига.

— Думаешь, я много знаю? Он о себе рассказывать не любит. Скупо говорит. Но детей у него нет, это точно. Стал я ему как-то про своих ребят рассказывать, а он так вздохнул... Кочевал из района в район. Судьба военного известна. Почти вся жизнь на колесах. А тут — война...

Некоторое время спустя, когда нам довелось писать о комбриге развернутую характеристику, мы узнали еще некоторые подробности его жизни. Узнали о тяжелом детстве, выпавшем на его долю, о бурных годах комсомольской юности. В тридцатом году Николая Григорьевича призвали в армию. Сначала он служил пулеметчиком, потом стал командиром. Работал инструктором политотдела, редактировал дивизионную газету «На страже». На Карельском перешейке Николай Григорьевич организовал агитпоезд для фронтовиков. За это получил Почетную грамоту Военного совета округа. Отметили Васильева и на посту начальника Дома Красной Армии в Новгороде. Командующий Ленинградским военным округом наградил его именными часами.

Ответив на окрик часового, мы въехали в лагерь и

остановились у редакционной землянки. Комбриг легко выпрыгнул из саней и, повернувшись к нам, спросил:

— Ну, как доехали? О чем-то все говорили, говорили. Про меня, случайно, не вспоминали?

— Ты как в воду глядишь, командир! — улыбнулся Орлов.— Про тебя-то я и рассказывал.

— Тоже нашел тему! — Николай Григорьевич, запахнув полы шубы, зашагал к своей землянке.

Глава 12 ИХ БЫЛО ТРОЕ

Вечером у деревни Пустошка неожиданно поднялась стрельба. Связной сообщил об этом командиру отряда имени Горяинова Григорию Волостнову и комиссару Ивану Александрову, которые находились в соседнем селе Маковье. Те вышли на окраину. И хотя расстояние поглощало звуки, все же они явственно расслышали глухой треск автоматов и пулеметные очереди.

— Что там могло случиться? — недоумевая, спрашивал Волостнов у комиссара.— Как ты думаешь, Иван Александрович?

— Я думаю, что это наш заслон отбивает атаку карателей.

— Да, но откуда там взялись каратели? И в заслоне у нас всего трое парней. Молодые, необстрелянные, еще месяца нет, как в отряд вступили.

Но вот стрельба начала затихать и вскоре прекратилась.

— Послать разведку! — приказал Волостнов.— Роты, занимающие оборону вдоль Шелони, привести в боевую готовность.

Прошло более часа. Разведка не возвращалась. Наконец прискакал верховой.

— Почему один? — с тревогой спросил Волостнов.— А где второй?

— Я не мог его привезти... Сам едва успел вырваться. Когда мы ехали, условились: я останусь на краю, а он поедет в село. Только отъехал, даже до середины деревни не добрался, как по нему открыли огонь. Он повернул обратно. Подлетел ко мне — и свалился с коня. Падая, успел крикнуть: «Андрей! Гони назад! Там их

столько...» Когда я спрыгнул к нему на землю, он уже не дышал.

— А что с заслоном? Встретил кого-нибудь?

Разведчик покачал головой.

«Что же там произошло? — размышлял Волостнов.— Надо послать донесение в полк: в Пустошке оккупанты. А сколько их? Откуда пришли? Что с нашим заслоном? Ничего не известно. Влетит мне от Рачкова за такое донесение».

А в Пустошке произошло следующее.

Трое молодых партизан, Федор Малый, Иван Васильев и Федор Иванов, несли боевую вахту. Старшим был назначен Малый — уроженец Пустошки.

Поочередно парни дежурили у пулемета, установленного на горке посреди села. В этот вечер дежурство нес Малый. На пост к нему пришла мать, принесла бутылку молока и стопку блинов, уложенных в кастрюлю, закутанную шерстяным платком, чтобы не остыли. Федя ел блины и запивал молоком, а мать ласково и беспокойно смотрела на сына.

Вдруг из-под горы послышался отдаленный треск мотоциклов. Федя схватил бинокль. По дороге, направляясь к селу, ехали десятка два фашистских мотоциклистов.

— Мама! Уходи скорей! — закричал Федя и приник к пулемету.

Мать торопливо собрала посуду, запричитала:

— Сынок! Что ж теперь будет-то? Спасайся как-нибудь. Вон их сколько!..

— Скорее, мама, скорее! Не задерживайся!

Прибежали, услышав треск мотоциклов, Федор Иванов и Иван Васильев.

— Занимай позиции! — приказал Малый.

Иван Васильев залег с автоматом за углом сарая. Федор Иванов замаскировался за стволом осины.

— Ребята! — крикнул Федор Малый. — Без моей команды не стрелять!

— Может, вообще не открывать огня? — предложил Федор Иванов. — Пропустить, а потом...

— Нет! — резко возразил Малый.— Погляди, что там делается.

Федор напряг зрение и еще плотнее прижался к стволу дерева. Вслед за мотоциклами, на расстоянии полукилометра, двигалось около сотни солдат. Зеленые шинели отчетливо выделялись на фоне свежего, только что выпавшего снега.

— Если мы пропустим мотоциклистов, они могут захватить врасплох штаб отряда. А пехота нас сомнет,— продолжал Малый, сжимая ладонями холодное тело пулемета.— Только бы до ночи выстоять!..

Для раздумий не было времени. Каратели уже приблизились к крайнему дому. Притормозив мотоциклы, они открыли огонь по селу. Стреляли наугад, для острастки и проверки. Партизаны молчали. Не встретив ответной стрельбы, фашисты разбились на две группы и стали обтекать село с двух сторон.

Малый подполз к Васильеву:

— Вы с Федей проберитесь по огородам и зайдите с флангов: один слева, другой справа.

— А как же ты?

— Здесь я один буду держать оборону. Как только услышите мою стрельбу, открывайте огонь. Ясно?

А фашисты уже вступили на деревенскую улицу. Федор Малый подался назад, к ручью, вдоль берега которого курчавились подернутые инеем густые заросли ольхи и ракиты, и залег за углом бани. У него созрел план: чаще менять позицию, создавая видимость, что партизан здесь много.

Но огонь надо уже открывать, иначе каратели могут заметить партизан. Федор нажал на гашетку пулемета и дал длинную очередь. Ехавшие впереди мотоциклисты попадали на землю, скошенные пулями. Сразу же с двух сторон раздались выстрелы его друзей.

Каратели соскочили с машин, залегли. Теперь их автоматы заработали прицельно: они били по тем местам, откуда стреляли партизаны.

— Первый взвод! Заходи справа! Огонь! — закричал Малый и, прижимая к груди пулемет, торопливо перебежал по кустам к соседнему дому и снова открыл огонь.

Но вот разрывная немецкая пуля ударила Феде в ногу. Он пошатнулся, хотел отбежать в сторону, но нога не слушалась. Острая боль пронизала тело.

Зная, как тяжело одному держать оборону, Иван Васильев и Федор Иванов поспешили к нему на помощь. Прячась за стволами деревьев, они прошли до центра села. Теперь друзья снова были вместе. Их укрывали стены бани. Но они были настолько тонкими, что пули легко пробивали их и с визгом улетали дальше.

Федор Малый приоткрыл крышку магазина пулемета и заглянул внутрь. Патронов было совсем мало. Еще одна длинная очередь — и всё.

— Беречь патроны!

Малый снова залег за пулемет. Но не успел сделать и выстрела, как услышал за спиной тяжкий стон. Обернулся.

— Что с тобой? — с тревогой крикнул Малый, увидев, как Федор Иванов выронил из рук автомат.

— Ранен...

Иванов приподнялся и, превозмогая боль, снова взялся за автомат.

Двое ранены, остался невредимым только Иван Васильев. Но вот и он вскрикнул от боли.

Малый обернулся и увидел его неловко привалившимся к стволу дерева. По пальцам руки, которой он зажимал плечо, текла кровь. Жестом он звал к себе. Федор пригнулся к земле и, пересиливая боль в ноге, поспешил на помощь, но не успел: вторая пуля ударила Ивана в висок.

— Ваня!

Иван не отвечал. Малый схватил его, чтобы оттащить в безопасное место. Увидел, как он на секунду открыл глаза. Глотая сгустки крови, с трудом выговорил:

— Ребята!.. Держитесь!..

Вернувшись на свою позицию, Малый прильнул к пулемету и, желая подбодрить своего тезку, крикнул:

— Федя! Как ты там?

Ответа не последовало. Малый повернулся в его сторону и вздрогнул. Иванов лежал под кустом ракиты, по его лбу змеилась струйка крови.

«Один!» — пронзила мозг ужасная мысль.

Малый судорожно нажал на гашетку. Раздался одиночный выстрел. Пулемет замолк. Кончились патроны.

Группа фашистов, плотно прижимаясь к земле, ползла к ручью. Федор стиснул зубы и выхватил из-за ремня гранату. Он поставил ее на боевой взвод.

Каратели подползали все ближе. Они теперь не стреляли, надеясь взять партизана живым.

Фашисты были уже совсем рядом.

— Мама!.. — тихо прошептал парень и, сделав резкий рывок, бросил гранату себе под ноги...

Каратели заняли село. Фашистский офицер взбежал на бугор и остановился в изумлении. Он увидел тех, кто оборонял деревню. Перед ним были три парня. Один лежал вниз лицом, прижавшись грудью к земле. Другой так и остался в полусидячем положении за толстым стволом дерева. Третий упал возле пулемета, обняв его застывшими руками.

Офицер вынул пистолет и, не целясь, выстрелил в каждого из них.

Когда каратели покинули горку, ее заполнили местные жители. Первой прибежала Степанида — мать Феди Малого. Она рухнула на землю, обхватила голову сына трясущимися руками и зашлась в плаче. Соседки с трудом оттащили ее, пытаясь успокоить, хотя и сами не могли сдержать слез...

Обо всем этом партизанское командование узнало позднее от жителей Пустошки. Узнали и мы, журналисты. В газете «Коммуна» появилась заметка «Трое против ста двадцати». И тогда о героической гибели трех молодых патриотов узнал весь Партизанский край.

...Получив известие о случившемся в Пустошке, командир полка Николай Рачков, комиссар Иван Смирнов и начальник штаба Василий Ефремов утром приехали в Маковье.

— Значит, сдали Пустошку? — сверля колючими глазами командира отряда Григория Волостнова, спросил командир полка.— Ни за понюх табаку?

— Мы не предполагали, что здесь пойдут каратели,— оправдывался Волостнов.

— Могли бы и предполагать! А разведка для чего? Штаны протирать на деревенских лавках?

— Да и замотался я, Николай Александрович. Комиссар только что явился от линии фронта, провожал обоз. Начальника штаба отправили с делегацией в Ленинград... Кругом один.

— Все мы замотались. Это не объяснение. Думаешь, другим легче? Теперь готовься к встрече с врагами на Шелони. Правда, я не думаю, что они сразу двинутся сюда. Знают же, что здесь у партизан линия обороны. Но готовым к встрече надо быть каждую минуту. Усильте засады и заслоны! Подтяните резервы! Не попадите впросак еще раз.

— Да это не впросак, Николай Александрович, просто немцы пащупали слабое звено в нашей обороне.

— А ты что, считаешь их дураками? Они тоже разведку ведут. А вы бдительность потеряли! Целый участок обороны оставили почти открытым. Думали, что каратели сюда носа не сунут. А они разведали, что у вас тут жидковато, и прорвались в край.

Рачков начинал заводиться все больше и больше.

— Вы почему не пошли на Пустошку, как только услышали там стрельбу? — сердито спросил он.

— Мы решили, что наш заслон отогнал врагов.

— Это вы так решили, сидя в теплой избе. А судьбу села и, кстати, вашу судьбу решали три парня. И решили ценой своей жизни! Почему в ту же ночь не бросили отряд в бой, когда узнали, что заслон погиб, а Пустошка в руках у фашистов?

— Мы были не готовы к этой операции...

— А теперь готовы? — неожиданно спросил Рачков.— Не сумели совершить налет сразу, исправляйте ошибку сейчас. Если одному отряду трудно, подключим отряды «Буденовец» и имени Бундзена... Срочно пошлите связных, от моего имени вызовите в Маковье Синельникова и Светлова.

Командир отряда имени Бундзена Иван Светлов приехал быстро. Вошел в избу, поздоровался, сел между Волостновым и комиссаром Александровым. Ждали Никифора Синельникова, но он почему-то не появлялся.

— Начнем без него, — нетерпеливо сказал Рачков. — Семеро одного не ждут.— Дверь распахнулась, вошли комиссар полка Иван Смирнов и начальник штаба Василий Ефремов.

— Итак, слушайте мой план действий. Я предлагаю не ждать, пока враги укрепятся, и, не откладывая ни на один день, ударить силами трех отрядов по гарнизону в Пустошке. Сейчас же начинайте подготовку к операции. Через три часа доложите о готовности!

— Это ты один принял такое решение, командир? — прервал Рачкова Смирнов.

— Да, это я принял такое решение, комиссар,— задиристо ответил Рачков.

— Наверное, невредно было бы и с комиссаром посоветоваться.

Рачков вспыхнул и повернулся к Смирнову.

— Обиделся? Обошли вниманием?

— Дело не в обиде и не во внимании, а в той ошибке, которую ты собираешься совершить. Что значит сделать налет, не разведав силы противника? Значит — идти на авось. Я против такого решения. Не знаю, как смотрит на это начальник штаба.

— Я разделяю мнение комиссара,— сказал Ефремов.

Рачков переводил взгляд с одного своего помощника на другого.

— Сговорились? Выходит, вы лучше меня знаете, как поступить? Да я сколько лет в армии служил! А вы? За канцелярскими столами сидели?

— Это было давно, до войны,— невозмутимо сказал Ефремов.— А мы уже восьмой месяц воюем. Кое-чему

научились. Да и не верится, чтобы вас в армии учили не считаться с мнением своих ближайших помощников.

Рачков уже и сам понимал, что комиссар и начштаба правы. Понимал и то, что предложенное им решение до конца не продумано. Но ему трудно было перебороть самолюбие, и он настаивал на своем.

Вошел Никифор Синельников. Извинился за опоздание, сел.

— Почему опоздал? — строго спросил Рачков.

— Каратели перекрыли дорогу. Пришлось в обход добираться,— ответил Синельников.

— Так вот. Внесено предложение: силами трех отрядов — твоего, имени Бундзена и имени Горяинова — сегодня ночью совершить налет на Пустошку, которую заняли фашисты. Твое мнение?

— А мы знаем, какие там силы и чем враги вооружены?

— Пока ничего не знаем.

— Может быть, там целый батальон окопался. Может быть, у них пушки...

— Все может быть.

— Тогда какой болван внес такое предложение? Идти вслепую, людей зазря положить...

Сидевший рядом с Синельниковым Светлов, согнувшись и глядя в пол, незаметно дернул Никифора за рукав полушубка. Тот, не поняв предупреждения, продолжал:

— Я отвергаю это предложение как неразумное. Надо разведать гарнизон и дать отрядам хотя бы одни сутки на подготовку.

Рачков, сердито наморщив лоб и сдвинув брови, встал, сделал несколько шагов к Синельникову и сказал с раздражением:

— И ты тоже? Без году неделя, как стал командовать отрядом, а уже считаешь себя стратегом?

— Давайте спокойнее! — сказал Ефремов. — Пусть каждый подумает. А через час соберемся снова.

Рачков согласился. Но как только закрылась дверь за командирами отрядов, он подошел к начальнику штаба:

— Вы что, хотели скомпрометировать меня в глазах командиров? Авторитет подорвать?

— Мы сейчас решаем вопрос не об авторитете командира, а о том, как с меньшими потерями разгромить вражеский гарнизон,— не теряя самообладания, проговорил Ефремов.

Выйдя на улицу, Светлов приблизился к Синельникову и сказал ему в самое ухо:

— Ты знаешь, кто это предложение внес? Рачков.

Синельников остановился.

— Да ты что? Правда?

Никифор не на шутку расстроился. Он не боялся, что Рачков может его наказать, снять с должности командира. В конце концов, можно воевать и рядовым. Но его волновало то, что в такой грубой форме, сам того не подозревая, он обидел, да что обидел — оскорбил своего любимого командира. Ведь именно Рачков подготовил его и выдвинул на командирскую должность.

Не успели командиры выкурить по цигарке, как к ним подлетел связной и, обращаясь к Синельникову, сказал:

— Срочно! Командир полка зовет.

Шел и думал, как держать себя. Извиниться? А за что? За то, что высказал свое мнение?

Переступив порог, Никифор застал Рачкова над картой.

— Явился по вашему приказанию, товарищ командир полка!

Рачков оторвался от стола и, не спуская глаз с Синельникова, пошел ему навстречу. Не дойдя двух-трех шагов, остановился.

— А знаешь что? Ты был прав. Правы и комиссар, и начальник штаба. Подготовимся, разведаем гарнизон и совершим налет в следующую ночь. Можешь быть свободным!

Но задуманный налет не состоялся, события следующего дня отменили его.

Глава 13 ***ВОЗМЕЗДИЕ***

Предположение Рачкова, что каратели задержатся в Пустошке и не пойдут сразу в наступление, не оправдалось. Подогретые успехом и рассчитывая на неподготовленность партизан к бою на этом участке, они решили с ходу перемахнуть Шелонь и расширить свой прорыв.

Рота партизан находилась на правом берегу реки, у деревни Кряжной. На левом, буквально напротив, стояла деревня Маковье. На нее-то и нацелились каратели.

Рано утром партизаны, сидевшие в засаде в Кряжной, явственно расслышали со стороны Пустошки нарастающий шум. Похоже, к Шелони двигались автомашины.

Подойдя к Маковью, каратели обстреляли дома. Убедившись, что в деревне нет партизан, они с шумом и криком вторглись на деревенскую улицу. Начались поголовный обыск и грабеж. Фашисты забирали лошадей, свиней, овец, ловили кур. Жители были согнаны на середину села и выстроены в шеренгу. До слуха партизан доносились выстрелы, крики, плач женщин и детей.

Слушая этот шум, партизаны нервно сжимали винтовки и автоматы. Рачков едва сдерживался, чтобы не дать команду открыть огонь.

«Ударить? — размышлял командир полка. — Но их много, а нас одна рота. Вряд ли разумно наступать среди бела дня силами одной роты на целый батальон. Да и местных жителей перебьем».

— Нас мало, чтобы выбить карателей из Маковья,— угадывая мысли командира, сказал начальник штаба Ефремов.— А отряды подойдут только завтра.

Партизаны наметили другой план. Они решили подождать, пока каратели спустятся на лед Шелони, и здесь разбить их. Берега реки в этом месте высокие. Каратели окажутся в ловушке.

Среди тех, кто сидел в засаде, находился и Володя Градов. Перед ним лежала его родная деревня. Прислушиваясь к шуму на противоположном берегу, Володя по голосам распознавал своих односельчан. Он хотел и в то же время боялся услышать голос матери. Его пугал каждый выстрел, болью отдавался каждый стон.

«А вдруг они расправятся с матерью? — тревожился Градов.— Может быть, они уже знают, что она мать партизана! Не мучают ли ее там допросами и пытками?»

Рачков нервно ходил из угла в угол, не зная, как поступить: ждать или все-таки начать атаку?

— Товарищ командир полка! Они идут сюда! — сообщил вбежавший в избу связной.

Рачков выбежал на улицу и по привычке, не прячась и не пригибаясь, поспешил на командный пункт к Волостнову.

— Гриша! Немедленно отдай приказ: как только враги спустятся на лед,— огонь из всех видов оружия!

На правом берегу все напряглось и замерло. Партизаны приготовились к бою и ждали команды. Людьми

овладело нетерпение: «Скорей бы, скорей разделаться с этой сворой!»

И вот на крутом холме вытянулись подводы и пешие колонны вражеских солдат и офицеров. Они неторопливо спускались к реке. Напряженно наблюдая за их движением, Рачков взялся за бинокль. Ему не терпелось узнать: сколько же их? Чем вооружены? И вдруг, с силой ударив кулаком по столу, он крикнул:

— Ты погляди, что они делают, сволочи! — и передал бинокль Волостнову.

Григорий Тимофеевич напряг зрение и увидел все. Впереди со связанными руками шли женщины, старики и дети. За ними, как за живым щитом, двигались солдаты.

— Вот на что пошли, гады! — воскликнул командир отряда.— Что будем делать, Николай Александрович?

— Передай приказ не стрелять! Если потребуется, сойдемся врукопашную.

Володя Градов, всматриваясь в толпу, разыскивал глазами свою мать. Ему даже показалось, что он увидел ее. Сердце его забилось еще сильнее.

В рядах партизан наступило замешательство.

— В самый бы раз ударить сейчас из всех видов оружия! — скрипнул зубами Рачков.— Но жителей перебьем!

— А что, если с флангов? — предложил Волостнов.

— Правильно! — поддержал Рачков.— Действуй!

Но что это? В одно мгновение, словно по чьему-то сигналу, женщины, старики и дети, которых немцы гнали впереди себя, внезапно упали на лед. Как выяснилось потом, в деревне находился военный, бежавший из плена. Зная, что на противоположном берегу партизанская засада, он распорядился, чтобы слушали его команду. Как только каратели спустились на лед, военнопленный крикнул:

— Ложись! — И сам упал первым.

И тогда Волостнов, не раздумывая, отдал приказ:

— По карателям — огонь!

Грохнули винтовочные выстрелы, застрочили автоматы, из погреба забарабанил станковый пулемет. Ошеломленные каратели заметались по льду. Отстреливаясь, они бросились назад, но им препятствовали высокие откосы, покрытые обледенелым снегом. Лошади сбрасывали седоков и бежали вдоль реки. Растерявшиеся фашисты падали на скользком льду. Некоторые на четвереньках карабкались на берег, другие хватались за хво-

сты лошадей, но, не удержавшись, скатывались под обрыв и снова попадали под партизанские пули.

— А ну еще! Поддай им жару! — кричал над ухом пулеметчика Волостнов.

Высокий, большеглазый, с раздувающимися ноздрями, он отдавал одну команду за другой:

— Вперед! Не робеть перед фрицем!

Рачков, не утерпев, выхватил маузер и бросился к реке. Волостнов последовал за ним.

Бой был коротким, но жарким. Мало кто из карателей спасся. Некоторым все же удалось выбраться на берег и укрыться за постройками. Но их по пятам преследовали партизаны.

На поле боя партизаны подобрали четыре пулемета, много автоматов, винтовок, парабеллумов. Обоз тоже оказался в руках партизан.

— Все, что награбили фашисты, раздать населению! — распорядился Рачков.

Володя Градов с замиранием сердца спешил к своему дому. А когда вбежал в избу — окаменел от ужаса. На полу, в луже крови, лежала его десятилетняя сестренка Таня. Матери дома не было. Но вот появилась и она. Увидев распластанную на полу дочь, рухнула как подкошенная.

— Ахти тошненько мне! Танюшенька ты моя милая! Сизокрылая ты моя голубушка! Ох ты мое лихонько! И когда же они успели, окаянные?.. — И затряслась в тяжком беззвучном рыдании.

В избу вошли Рачков, Ефремов и Смирнов. Они сразу поняли, что тут произошло.

— Это сестренка твоя, Володя? — спросил Ефремов.

— Да,— только и мог выговорить парень.

— А где же Надюшенька-то моя? — оторвавшись от убитой и рассеянно обводя избу побелевшими глазами, простонала Акулина.

В это время на кровати зашевелилась куча тряпья. Из-под нее высунулась тоненькая ручка девочки.

— Наденька! Ты жива, деточка! — бросилась к постели обезумевшая женщина.

Девочка, дрожа и всхлипывая, испуганно показывала пальчиком на дверцу подвала, но ничего не говорила. От страха у нее отнялся язык.

— Что ты показываешь, милая? — не понимая ее жеста, спрашивала мать.

— Ну-ка, ребята! — приказал Рачков и выстрелил из парабеллума несколько раз в пол.

Володя Градов рванул дверку люка.

— Вылазь!

В ответ раздался выстрел. Володя прыгнул в подвал и ловким ударом выбил у немца пистолет.

Высокий, с выпуклыми глазами и одутловатым лицом фашист выбрался из подвала и поднял руки...

Командование бригады вынесло благодарность всему личному составу отряда имени Горяинова за удачно проведенную операцию у Маковья. Были отмечены наградами многие участники боя.

— Пулеметчик Буравцев! — зачитывал приказ заместитель начальника штаба отряда.

Из строя вышел высокий парень в стеганой фуфайке и шапке-ушанке, из-под которой виднелся чуб светлых волос. Командир отряда Григорий Волостнов вручил ему часы.

— Владимир Градов!

Володя вышел из строя, направился к командиру отряда, а глаза его были обращены к Ефремову. Глядя на начальника штаба полка, он всем своим видом как бы говорил ему: «Я вас не подвел, Василий Иванович».

На другой день я выехал в отряд имени Горяинова. Комиссар отряда Иван Александров повез меня на место боя. Выпавший за ночь снег припорошил брошенные повозки и разбитое оружие. Мы видели угловатые бугры, округлые холмики, вывороченные взрывами льдины.

После разгрома карателей на льду Шелони в Маковье был оставлен заслон. Сторожевую службу несла рота моих земляков — славковских партизан. Это были и земляки Александрова: он работал перед войной помощником первого секретаря Славковского райкома партии. Конечно, мы не могли удержаться, чтобы не заехать к своим друзьям.

В роте проходило партийное собрание: принимали в партию бывшего шофера Павла Павловича Павлова. Он стоял посреди избы и рассказывал автобиографию.

— Да ты нам свою довоенную жизнь не выкладывай. Давай военную! — предложил Василий Крылов.— Когда в партизаны пришел, как в бою себя ведешь?

— В партизаны, как вы знаете, я пришел из Сошихина. Враги изрядно потрепали наш отряд. Пришлось выйти в Партизанский край. Влились в отряд «Буденовец»...

— В каких операциях участвовал?

— Во всех, которые вел отряд...

Дверь распахнулась, и в избу вошли трое партизан в маскировочных халатах.

— Просим извинения за опоздание,— сказал один из них.— Задержались по уважительной причине. Шли из разведки по льду Шелони. Нас заметили два фашистских самолета. Стали преследовать. Вот только перед самой деревней куда-то исчезли. Едва отделались от них.

Не успел разведчик закончить объяснение, как за окном послышался рев самолета. Длинная пулеметная очередь полоснула по окнам нашего дома. Мы выскочили в сени. Над головой загорелась соломенная крыша. Клочья горящей соломы падали нам на плечи и спины. Выскочили на улицу и ткнулись в снег. А самолеты делали разворот за разворотом. Рыча моторами, они заходили от реки и на бреющем полете пролетали над самыми крышами, продолжая строчить из пулеметов. Мы лежали, не шевелясь, словно нас прибили к земле гвоздями.

Но вот кто-то вскочил и побежал вдоль улицы. Мы пригляделись — Павлов! Добежал до крайнего дома и вышел оттуда с противотанковым ружьем. Силища у него была огромная, и ружье он нес, как игрушку. Установил его под углом дома и нацелил в небо. Мы внимательно наблюдали за ним.

Самолеты делали очередной разворот. И когда они низко-низко проносились над селом, Павлов открыл огонь. Он стрелял бронебойными зажигательными пулями. Первый самолет пролетел. А второй... Мы сначала даже не поверили. Из хвоста самолета вырвались клубы черного дыма. Длинный шлейф ширился и гнулся к земле. Многие из нас привстали, чтобы проследить, что будет дальше. Дотянув до опушки леса, самолет ткнулся в землю. Высокий столб черного дыма поднялся к небу. Летевший впереди самолет скрылся из виду и больше не возвращался.

Павлов грузно поднялся с земли и, зажимая одной рукой другую, медленно приближался к нам. По пальцам его широкой ладони текла кровь.

— Что? Ранило? — спросил Александров.

Мы обступили Павла Павловича. Девушка из местных быстро отыскала марлю, смазала рану йодом, забинтовала ему плечо.

Теперь мы собрались в другой избе: та, в которой находились до обстрела, была охвачена пламенем, догорала.

— Ну что? Продолжим собрание? — спросил председательствующий Василий Янковский.— Как ты, Павел, можешь?

— Могу.

Павлов встал и хотел закончить свой рассказ об участии в боях. Поднялся Вася Крылов и сказал твердо:

— А чего время напрасно тратить? И так все ясно. Есть предложение принять!

— Будут еще вопросы? — оглядев присутствующих, спросил Янковский.

— Нет вопросов! Принимаем! — за всех ответил Туманский.

— Тогда прошу голосовать...

Глава 14 ВПЕРЕДИ — ФРОНТ

Сразу после собрания мы с Иваном Александровым покинули Маковье. Над селом густой синевой хмурились вечерние сумерки. Скрипнули промерзшие сани, оторвавшись от пристывшего снега, лошадь, согреваясь, побежала мелкой рысью.

Вспомнив о том, что Иван Александрович только что возвратился из дальней поездки — сопровождал до линии фронта хлебный обоз,— я попросил его рассказать, как все это там происходило.

— Всякое было,— смачно затянувшись дымом от цигарки, начал комиссар отряда.— Ехали только по ночам. Днем маскировались в лесу. И на фашистские заслоны натыкались, и с их разведкой сходились нос к носу, и на болоте мерзли, и по бездорожью путь прокладывали. Главную нагрузку несли, конечно, разведчики. Особенно Павлов.

— Ну и как? Оправдал он доверие командования?

— Вполне. Мы двигались по его следам смело и уверенно. Молодец!

— И потерь не было?

— Первые дни не было. А потом... Понимаешь, как получилось. Обоз уже подъезжал к линии фронта. На пути была деревня Сосново. Дневали в хвойном лесу, ждали темноты. Люди перемерзли, несколько дней и ночей под крышей не были. И тогда начальник бригадной разведки Иван Павлов предложил такой план: до наступления темноты пробраться в село, чтобы устано-

вить, есть ли там фашисты. Если нет, устроить привал в деревне. Это была последняя возможность побыть в тепле. Дальше предстоял путь по безлюдным болотам.

— Ну-ну. И что было дальше? — торопил я рассказчика.

— Мне потом Павлов до мелочей обо всем поведал. Вот что там случилось...

И Александров подробно рассказал о том, что произошло в деревне Сосново.

Для того чтобы разведать село, снарядили группу партизан. Возглавил ее сам Павлов.

Разведчики собираются быстро. Подтянули потуже ремни, поправили за спиной вещевые мешки, подвязали лыжи и заскользили по снежному насту. Не успели они отъехать от обоза, как к Павлову подошел один из подводчиков — житель Острого Камня Роман Русаков. Широкоплечий, кряжистый богатырь. Смущенно поглаживая пышную заиндевелую бороду, негромко сказал начальнику разведки:

— Взяли бы и меня с собой. Я ведь тут старожил, все тропинки знаю.

— А что? И верно! — обрадовался Павлов, досадуя на себя, что не подумал об этом раньше.— Ты будешь нам очень полезен!

— Но ведь вы на лыжах! — хватился Роман.— А я не могу, не мастак по этой части. Где ж мне за вами угнаться!

— Садись в сани и поезжай. Вот и угонишься.

— На моих-то санях в разведку опасно,— развел руками Роман и, взяв под уздцы лошадь, подвел к Павлову. На дуге красной краской было выведено: «Смерть немецким захватчикам!»

— Возьми другие сани! — посоветовал начальник разведки и, косясь на броскую надпись, заметил: — Придумал ты, конечно, здорово, но можно бы и без этого. Не на парад едем.

Роман ехал на лошади по дороге. Курилась, ползла тонкими струйками поземка, заволакивая колею, образуя косые заносы. Разведчики, держась на некотором расстоянии, скользили сбоку. Они шли ровным, пружинистым шагом.

— В Соснове староста — свой человек, бывший председатель колхоза,— обернувшись, сказал своим друзьям Павлов.— Прямо к нему и направимся.

На минуту внимание отвлекли сороки. Они перелетали с дерева на дерево и бойко, назойливо трещали.

— Вот окаянные! — тихо поругивался Роман.— Всегда трещат, когда люди близко. С головой выдают.

Дорога выскочила на пригорок, и сразу в нос ударило гарью. Впереди темнело свежее, еще не остывшее пепелище. Груда закопченного кирпича, зола, перемешанная со снегом, обожженные кусты в палисадниках — все это создавало унылую картину. Нелепо торчали среди сугробов уцелевшие печи, сиротливо стояли колодезные журавли, чернели ребра обугленных изб. Голые верхушки обгоревших берез были устремлены в небо, как штыки. Над пепелищем кружились грачи, шумно кричали, словно сочувствовали людям, их горю.

Пришлось сделать привал, чтобы установить, нет ли поблизости фашистов. Оказалось, деревню сожгли с самолетов.

Снова несколько верст ехали лесом. Медленно угасал день. Начинало темнеть. Величественно стояли по сторонам густо усыпанные снегом деревья. При свете рано поднявшейся луны они отбрасывали длинные тени. Морозный воздух становился острее.

Легкий ветерок донес запах банного пара. Близко жилье! Вот на пригорке показалась и деревня. Поблескивали обращенные к западу стекла окон. Павлов подошел к дорожному указателю.

— Пришли точно. Деревня Сосново.

Поманил к себе Романа. Тот оглядел село, покачал головой:

— Опасная деревня. Баен много.

— Ну и что? — удивился Павлов.

— Мужики недружные. Не хотят по-соседски в одной байне мыться. Все врозь норовят.

Залаяла собака. И сразу по всем дворам в ответ раздался собачий брех. Но на улицах никакого движения. Тихо.

Партизаны постучали в окно крайнего дома. Стук вспугнул тишину деревенской улицы. В избе завозились, кто-то заохал. В окне появилась голова старика.

— Отец, выйди на улицу!

— Что вы, с ума сошли? — замахал руками старик, увидев партизан.— Немцы близко. Вам пощады не будет, да и нам добра мало.— И скрылся в глубине комнаты.

Пошли к следующему дому. На стук долго никто не отвечал. Потом потемнел овал на заиндевелом окне, показались девичьи глаза в густых ресницах.

— Девушка, фашистов нет в селе?

— Не-е-е-т.

— А где староста живет?

— Напротив. Вон изба с голубыми окнами.

К старосте Павлов зашел один. Открыл дверь, переступил порог. Чтобы с первого взгляда была видна его принадлежность к партизанам, расстегнул шинель, под которой сверкнула маленькая красноармейская звездочка.

За столом, обложившись бумагами, сидел человек с округлой черной бородой.

— Староста?

— Так точно! — поднял глаза бородатый.

— Работаете?

— Работаю.

— На кого?

— На себя.

— Это как понимать?

— Днем на немцев, ночью — на партизан.

— Ясно! Я привез вам привет от Ступакова. Помните?

— От Ивана Александровича? — удивленно и обрадованно воскликнул староста.— Это же наш секретарь райкома. Где он?

— Близко. Так вот... Мы сейчас пробираемся от линии фронта, везем боеприпасы в Партизанский край.— Павлов решил не открывать старосте истинную цель поездки.— Ночевать будем здесь. Нас двенадцать человек, утром подъедут еще. Пробудем до вечера. Все это время никого из села не выпускать. Какие распоряжения дали вам фашисты насчет партизан?

Староста порылся в папках и протянул Павлову приказ.

— Ага, как и везде. Немедленно доносить. За всякое содействие — пуля. Ну и как?

— Буду ждать пулю.

— Нет! Зачем же? Вы доложите немцам. Только не сразу, а на другой день, после того, как мы отсюда уедем. Подробностей никаких. Скажете: было много, с пулеметами, автоматами и прочее. А там пусть ищут ветра в поле. Договорились?

— Договорились.

Разведчики остались ночевать в деревне. Выставили охрану. Двоих Павлов отправил обратно к месту стоянки.

— Передайте начальнику обоза Федору Потапову: в деревне фашистов нет. Можно располагаться на отдых. Будем дневать здесь.

Павлову захотелось побывать в крайнем доме, в том самом, где старик побоялся открыть дверь. Направились туда вместе со старостой. Вошли без стука. В избе озябших партизан сразу обдало теплом.

— Трусоват оказался я, простите,— извинялся старик, которого в селе звали просто Савельичем.— Думал, чужие вы, фашистами подосланы. Тут и такие ходют. Грабют, по женской части ведут себя непристойно. Примешь их, а на другой день сам на перекладину попадешь.

Павлов оглядел комнату. Бросилась в глаза бедность обстановки: пусто, как после пожара. Вместо лампы горел светец. Около него дежурила девочка лет семи, дрожащими ручонками закладывала лучину. Одета она была в какие-то лохмотья, а на ногах лапотки.

«До чего довели, проклятые!» — со злобой подумал Павлов.

На руках у старика был маленький ребенок.

— Это внучонок, грудошный еще, — пояснил Савельич.— Мать фашисты расстреляли. Дочку, стало быть, мою. Живем, горюем. Двое старых и двое малых. Немцы до подошвы нас довели, все обобрали. Ходим оборвавши. В одних портках остался. И подштанников нет. Вот так и обувают нашего брата из сапог в лапти. Иной раз собаку нечем из-под стола выманить: куска хлеба нет. Так и живем. Дырок много, а вылезть некуда.

— Плохо живете!

— Да уж куда хуже. Болтаемся, как желудь на дереве. Какой ветер сорвет, какая свинья съест — не знаем. Катька! Возьми-ка ребенка, положи его в зыбку.

Павлов заглянул в подвешенную к потолку колыбельку: бледные щечки ребенка, ручонки, словно палочки...

— Эх, война! Детей бы растить, жизнь людям давать! А я в руках смерть ношу.— И, по привычке закусив губу, отошел в сторону.

Молчавший до сих пор Роман спросил Савельича:

— Фашисты часто к вам жалуют? Ночью не потревожат?

— Нет. Мороз большой — не придут. Они холода боятся.

Павлов вместе с Романом и молодым парнем Володей Узоровым остались ночевать в доме Савельича, а остальных разведчиков староста определил к соседу. Савельич расстелил на полу старые одежонки, сделал нечто вроде матраца, предложил партизанам лечь спать.

— Какой тут сон! — стягивая с плеч тулуп, отмахнулся Роман.— Одним глазом спи, а другим посматривай. Хоть бы вздремнуть малость.

— У нас посты выставлены, можно и отдохнуть,— заметил Павлов.

— Собака завыла. Не дай бог — к пожару,— сказал, укладываясь на печку, Савельич.

В окна лился мягкий лунный свет. Павлову не спалось. Нервы были напряжены до предела...

Рано утром, когда на небе проступила густая синева, деревенскую улицу запрудили подводы. Прибыл обоз. Людей решили разместить в домах. Но как быть с подводами? Ждать придется целый день, а в воздухе, лишь только взойдет солнце, покажутся глазастые «хейнкели».

Сначала Потапов думал оставить подводы в селе, потом дал команду отогнать их в лес, замаскировать сосновыми ветками, установить поочередное дежурство. Устроили завал, заминировали дорогу на случай, если немцы обнаружат свежий след.

Деревня встретила партизан радушно. Вышел вместе с другими навстречу гостям и Савельич, начал зазывать озябших возчиков:

— Ко мне отдыхать, ко мне!

После бессонной морозной ночи крестьянские избы казались партизанам особенно уютными. Тепло действовало как снотворное.

Не прошло и часа — улица опустела. Все было укрыто, упрятано, размещено. Деревня приняла обычный вид.

Иван Павлов, человек опытный, предусмотрительный, приглядел огромное ветвистое дерево, распорядился устроить на нем наблюдательный пункт. Сколотили из жердочек лестницу, приладили ее вдоль ствола. Взобравшемуся на дерево часовому открылся широкий обзор. Все подступы к селу стали видны как на ладони.

С первыми проблесками зари загудело небо. Постовые насторожились: где-то в воздухе тяжело урчали бомбовозы.

Жена Савельича собрала завтрак. Есть у них действительно было нечего. Хлеб, испеченный из разных отходов, разваливался на кусочки. К хлебу — картошка.

Во время завтрака в дом зашла нищая, попросила милостыню. Хозяйка пробормотала что-то, подала кусочек хлеба. Девочка прижалась к ее подолу и, провожая глазами нищую, прошептала:

— Бабушка, у побирушки два мешочка хлеба, а у нас ни одного нет,— и заплакала.

Павлов вышел из-за стола, наскоро оделся, разыскал Потапова.

— Федор Ефимович, выдели из своих запасов для этой семьи что-нибудь. Глядеть больно.

Когда партизаны принесли в дом буханку чистого хлеба, около пуда муки и кулек деревенского печенья, старуха запричитала в голос.

Партизаны и возчики отдыхали, отогревались, набирались сил. Но недолгим оказался их отдых. В полдень из-за леса вынырнули «мессершмитты». Было похоже, что они запоздало искали обоз, обозревали и наугад обстреливали местность.

Самолеты шли, построившись треугольником и заметно снижаясь к земле. Повернув к деревне, они прошли над домами. Словно огромные черные капли, от самолетов оторвались бомбы.

Страшные взрывы подняли на ноги всех подводчиков. Деревня неожиданно стала фронтом. Инстинкт самосохранения звал людей на улицу, в снег, в лес. Но никто не покидал изб. Таков был приказ: в случае налета немецкой авиации из домов не выбегать.

Бомбежка застала Павлова верхом на лошади. Он только что выехал на окраину села, как гул приближающихся самолетов принудил его повернуть назад. Скрипнув зубами, Павлов поставил коня под навес, сам успел прибежать к Потапову.

Фашистские летчики не унимались. Им показалось мало бомбежки. С бреющего полета они полоснули по домам зажигательными пулями. Звякнуло у колодца ведро, упала сраженная пулей женщина. На крышах зазмеился сизый дымок, затрепетали языки пламени. Два дома загорелись. Пламя вырвалось вверх, слизывая на крышах снег. Улицу заволокло дымом.

— Не выходить! — закричал Потапов, прячась за простенок.

И люди не вышли. Жара была нестерпимой. На головы падали искры, куски горящей соломы воспламеняли одежду. Подводчики наскоро тушили ее, теснясь у дверей, в сенях, но приказ выполняли строго. Они знали: выйти на улицу — значит обнаружить обоз. Никто не бежал к горящим постройкам. Только из одного охваченного пламенем дома, прикрытые дымом, выползали подводчики и тут же замирали на снегу.

Самолеты, не заметив в селе ничего подозрительного,

легли на обратный курс и скрылись за лесом. Только теперь партизаны и жители высыпали на улицу и принялись тушить пожар. Из чуланов и подвалов выползали перепуганные женщины и дети.

— Умотали, сволочи! — дрожа от гнева, крикнул Потапов.

Деревню было трудно узнать. На огородах зияли воронки. Повсюду валялись расщепленные бревна, обломки саней, разбитая посуда. У горящих домов было жарко. Под окнами образовались широкие лужи.

Люди пригоршнями хватали снег, охлаждая лица. У некоторых съежились от жары затлевшие полушубки, дымились шапки.

— Их, Павлыч, разбомбили нас! Вот супостаты,— пересиливая боль, говорил Савельич, и губы его тряслись от ненависти и страха.

— Какие хоромы были! — сокрушенно качала головой старуха, стоя у сгоревшего дома.

— Терпи, мать! Придет время — новые построим, — ответил ей Павлов.

Бомбардировка не принесла обозу больших потерь, но нескольких человек все же недосчитались партизаны.

— Вот ведь грех какой, не доехали. Скажи на милость,— сокрушался Савельич.

— А троих подранило,— сообщал Потапову его заместитель Василий Николаев.— Возчика — молодого парня, одного партизана из охраны и женщину.

— Тот партизан — это я,— подошел к говорившим невысокий мужчина, зажимая плечо, из которого сочилась кровь.— Не повезло. Штук пять осколков на себя принял. Теперь моя шкура первым сортом уже не пойдет.

— Немедленно на перевязку! — строго сказал Потапов.— Нашел над чем шутить.

Седой старик, опираясь на суковатую палку, подошел к Павлову и Русакову. Долго смотрел на незнакомых ему людей. Потом сказал:

— Богатыри вы, вот кто!

И медленно пошел обратно.

Налет вражеских самолетов на деревню Сосново усилил тревогу партизан. Путь становился все сложнее и опаснее.

Павлов то и дело склонялся над картой, определяя дальнейший маршрут. Обширными овалами голубели болота. Они то суживались, подступая к городу Холму, то расширялись, обрываясь где-то у Селигера. Началь-

ник разведки предложил двигаться на юг, но ехать не по деревням, а по северной окраине Рдейских болот.

— По болоту ехать — риска меньше,— охотно согласился Потапов.

— По крайней мере, немцев не встретим. Разве только с воздуха заметят.

— По болоту, а потом выехать на Рдейское озеро? Так, что ли? — насторожился Роман Русаков.

— Ни в коем случае! — резко возразил Павлов.— Ехать по открытому озеру — безумие. Да и берега там слишком крутые, не подымешься с грузом. Я предлагаю двигаться непременно по окраине. Там есть кустарник, в случае чего укрыться можно. И меньше опасности попасть в разводья. А озеро останется в стороне, километрах в десяти от нас.

Так и порешили.

Время клонилось к вечеру. Надо было спешить. К тому же перемерзли возчики. Они с нетерпением ждали разрешения на выезд. И когда Потапов подал команду трогаться в путь, сразу задвигались подводы, спускаясь к болоту.

Многоголосо скрипел под полозьями снег. Когда кони шли рысью, скрип становился мягче, дробился на мелкие подголоски. Но стоило лошадям перейти на шаг, как снова, будто злясь на медленную езду, снег скрипел громко, оглушительно, со скрежетом. Пение полозьев резко отдавалось в ушах, сливалось в один общий гул.

Павлов остался на месте. Он решил выждать, пока пройдут последние подводы, чтобы убедиться, нет ли преследования. Оглядев в бинокль окрестности и не заметив ничего внушающего подозрение, разведчик направился вслед за обозом.

Не отнимая от глаз бинокля и сдерживая коня, который, видя удалявшиеся подводы, все время норовил перейти на рысь, Павлов смотрел на обоз издали. Он вытянулся по снежному полю длинной извилистой лентой.

Подводы, подводы, подводы... Как пунктирная линия, они прочертили снежную целину. Лошади, сани и сидевшие на возах люди казались маленькими, словно игрушечными. Бисерная нить подвод уходила на юго-восток. По обеим сторонам обоза разведчик не заметил ни единой движущейся точки. Успокоившись, Павлов уложил бинокль в футляр.

Путь был тяжелым. Подводы двигались по гнилому

болоту. Местами оно не замерзало. Лошади то и дело проваливались в ржавую воду.

Вскоре копыта лошадей зацокали отчетливее: обоз вступил на скованные морозом Рдейские болота. Под ногами заблестел лед. Очевидно, осенью на болоте стояла высокая вода да так и замерзла, образовав ледяной панцирь. Ехать стало легче. Отдохнувшие за день кони пошли бойко, весело.

Кругозор расширился. Заваленные снегом болота простирались до самого горизонта. Огромная пустынная степь. Сплошное снежное безмолвие. В туманном небе тускло мерцали звезды.

Леса отступили. Только жидкие, чахлые сосны, как отставшие от строя солдаты, рассыпались по болотной равнине. Под светом луны голубели тропинки, проложенные пешеходами. Черной щетиной торчали из-под снега верхушки кустарника.

Вдали то там, то здесь лениво взлетали к небу разноцветные ракеты. Это давали о себе знать вражеские гарнизоны. По ракетам можно было определить расположение фашистских опорных пунктов. На высоком холме, пугая своей неизвестностью, виднелся Рдейский монастырь.

Цокот копыт был слышен не меньше, чем скрип саней. Это встревожило возчиков. Оказавшийся рядом с Потаповым колхозник Серега предложил:

— А не обернуть ли нам ноги лошадей тряпками?

— Ты что? Где мы возьмем столько тряпок? — возразил Потапов.— Да и к чему это? Все равно шум от обоза за семь верст слышен.

Чем ближе подъезжали партизаны к передовой линии, тем громче слышалось тяжелое дыхание фронта, его басовитый говор. В глухое ворчание орудий вплетались дробный перестук пулеметов, гул моторов, разрывы мин.

— Артиллерия жмет, — кивнул в сторону фронта Роман.— Пятится немец. От такого огня ему и на морозе жарко.

«Скоро, теперь уже совсем скоро мы будем там, на той стороне! — думал по дороге Павлов.— Непременно будем!»

К полуночи обоз приблизился к своему конечному пункту — деревне Лопари. А за нею — фронт...

...— Ну а дальше, дальше-то что? — спросил я у Александрова, когда тот закончил свой рассказ.— Где оставался обоз, когда ты уезжал обратно?

— У линии фронта. А что было дальше, не могу сказать. Обоз должен был пересечь дорогу Старая Русса — Холм. Конечно, я очень не хотел отрываться от него, но мне было приказано доехать только до фронта и вернуться назад.

— И Валдай молчит. Время идет, а об обозе никаких вестей. Комбриг и комиссар волнуются. Вчера Орлов даже на радиста накричал: почему нет радиограммы об обозе? А радист-то при чем?

Что с обозом? — этот вопрос волновал всех. Но ответа на него никто дать не мог. Тревога за его судьбу нарастала.

Глава 15 РЕШАЮЩАЯ НОЧЬ

К двум часам ночи весь партизанский обоз подтянулся к деревне Лопари. Теперь только два километра отделяли его от фронтовой полосы. Оставалось совершить последний бросок: «перерубить» шоссейную дорогу Холм — Старая Русса и уйти под защиту советских войск.

Начальник партизанской разведки Иван Павлов, возбужденный, взволнованный, гарцуя на покрывшемся испариной коне, объезжал подводы, заглядывал в лица возчиков, пытаясь понять их настроение и душевное состояние.

«Подумать только! — размышлял он.— Из глубокого вражеского тыла, из-под самых Дедовичей и Дно, везем продовольствие для голодающих ленинградцев! Молодцы псковичи и новгородцы! На такое великое дело отважились!»

Над лесом опустилась морозная мартовская ночь. Впереди ничего не было видно. Только вверху, в небе, чуть покачиваясь, стояли световые столбы немецких прожекторов. Вот они дрогнули, опрокинулись на сосновый бор, заметались по ощетинившимся верхушкам деревьев, как бы нащупывая партизан. Казалось, они уже нащупали их: с обеих сторон ударили пулеметы. Слепящий свет озарил лес. Это немецкий гарнизон в Каменке начал очередную перекличку. Почти одновременно слева отозвались в Жемчугове. Между двумя немецкими гарнизонами, как между челюстями широко раскрытой звериной пасти, надо было проскочить обозу.

Напряжение нарастало. Замаскировав подводы в густом ельнике, возчики притаились, затихли. Говорили только шепотом, как заговорщики. Понимали, что здесь надо быть предельно осторожными. Ночью звук слышен далеко. А тут рядом фронт, где враг особенно чуток.

Для наблюдения за дорогой были выделены две группы. Одну составили воины-гвардейцы, другую — партизаны: Иван Павлов, Михаил Харченко и Владимир Узоров. Партизанскую разведку направили в сторону Жемчугова.

Партизаны осторожно подошли к шоссе, залегли. Дорога была широкая и укатанная. По краям ее тянулись блиндажи, расположенные в шахматном порядке. На обочинах много следов. Кругом все затоптано, изрыто. На снегу виднелись щепки, кучи опилок, чернели нарубленные сучья. Валялись деревья, срезанные снарядами и минами.

Павлов поднял голову и увидел над собой заиндевелые, толстые, словно канаты, телеграфные провода. Верхушки елей слегка покачивались, шуршали, осыпая с ветвей хлопья снега. Щелчок — и в небо взмыла ракета. Павлов инстинктивно вдавился в снег. Гулко стучало сердце.

На линии фронта вроде бы шла обычная военная жизнь. Фашисты исправно несли караульную службу. Всё выполняли, как и положено по уставу. С сумерками уходили в укрытие, ужинали, гремели котелками, разговаривали. Для острастки часовые пускали осветительные ракеты. После ужина начиналась ночная «работа»: через определенные промежутки времени немцы посылали в сторону леса короткие пулеметные очереди. В интервалах раздавались одиночные винтовочные выстрелы.

Но очень подозрительно вели себя немцы в гарнизонах. В трель пулеметных очередей, которые то и дело разрывали тишину ночи, вплетались глухие разрывы мин.

Прошел патруль и скрылся в блиндаже. Короткая пулеметная очередь заставила партизан ниже пригнуться к земле. Несколько выстрелов раздалось совсем рядом. Змейками промелькнули трассирующие пули. Посыпались срезанные ветки деревьев. Разведчики еще глубже зарылись в снег.

Между деревьями замелькали мундиры немецких солдат. Их было много, больше трех десятков. Звякая оружием, немцы о чем-то тихо переговаривались. До партизан доносились лишь обрывки фраз. Разговор нем-

цев, как уловил Павлов, не представлял интереса, и он даже перестал вслушиваться в него. Вдруг его слух резануло одно слово:

— Айн трос...

«Айн трос» по-русски означает «обоз».

— Вас фюр айн трос? (Какой обоз?) — переспросил другой немец.

Павлов резко подался вперед, чтобы не пропустить ответа. Но немцы уже отошли настолько далеко, что разобрать слова было невозможно. Глухой, занесенный снегом лес поглотил звуки. О каком обозе шла речь, Павлов так и не понял.

Выбравшись бесшумно из снежного укрытия, партизаны поспешили к начальнику обоза Федору Потапову и командиру группы армейской разведки. Доложили.

— А вдруг они перехватили наше сообщение и знают, что обоз именно здесь будет переходить дорогу? — предположил Павлов.

— Все возможно, — согласился лейтенант. — Тогда нам нельзя рисковать. Пересечем фронт в другом месте, южнее Каменки. Там поменьше населенных пунктов. Пусть переберемся на день позже, но зато с большей уверенностью.

— Насчет этого места у меня тоже возникло сомнение,— хмурясь, сказал Потапов.

— Тем более,— подхватил лейтенант.— Когда сомневаешься, лучше не начинай. Сомнения и колебания — самые плохие союзники.

— Но зато, когда примем решение, не должно быть никаких сомнений и колебаний! — добавил Харченко.

Только теперь партизаны поняли, что первоначальный план перехода через фронт имел серьезный недостаток. Разумно ли было пересекать фронтовую линию в непосредственной близости сразу от трех фашистских гарнизонов?

— Нет, рисковать не будем! — сказал Потапов.

Теперь уже окончательно созрело решение: изменить место перехода линии фронта, перенести его ближе к Холму, в более лесистую местность.

За пять суток обоз преодолел сто двадцать километров пути. Изменение маршрута несколько удлиняло дорогу. Для перехода через фронт теперь требовался лишний день, а может быть, и два.

— Ничего,— успокаивал себя Потапов.— Все равно уложимся в неделю. Тридцать километров не крюк, если речь идет о судьбе обоза.

Пока не наступил рассвет, надо было вывести обоз из опасной зоны. Отозвав назад группы боевого охранения, Потапов дал указание всем двигаться на юг. На разведку возлагалась задача подобрать место для дневной стоянки. О том, чтобы сделать остановку в деревне, уже не говорил никто. Все знали, что и этот день придется провести под открытым небом.

Подводы вновь выехали на пустынную гладь болот. Кругом — снега и снега. Открытое до горизонта пространство. Опять это неоглядное безмолвие. Только серое небо да снег. А на снежной скатерти темные бугорки сосен и кустов. Маленькие, кудрявые, заросшие лишайниками елочки и сосенки казались уменьшенными в несколько раз. Жиденькая хвоя, сучья вразброд — все не так, как у больших деревьев.

Трудностей на пути встречалось все больше. Ох уж эти болота-зыбуны! Они и зимой донимали партизан. Даже в такую стужу не промерзали.

Неожиданно дорогу преградил глубокий овраг. Пришлось, сползая, на плечах удерживать сани, а потом помогать лошадям вытаскивать возы на другой берег. Лошади вздымались на дыбы, храпели, хватали губами снег. Щетки их ног обледенели. На том берегу путь закрыли густые заросли кустов, в ход были пущены топоры.

Но самым опасным препятствием оказались незамерзающие родники, протоки и разводья. Словно ватой прикрытые пушистым снегом, они были почти незаметны для глаз. Сколько хлопот доставляли они людям, когда лошадь попадала в «незамерзающее окно», проваливалась всеми четырьмя ногами! Возчики бросались на помощь. Они быстро отвязывали гужи, снимали сбрую и, оттянув назад дровни, вытаскивали коня. Потом, склонившись над ямой, жадно глотали выступившую из-под снега гнилую болотную воду: людей мучила жажда. И все это делалось без шума. «Перекликались» только лошади.

Нередко проваливались и люди, топча ногами незамерзшую воду и липкую грязь. На каблуках и подметках образовались наросты. Они затрудняли шаг. Все это изматывало людей. Усилилась опасность обморозиться.

— Гляди, как глыбко,— пробормотал Серега.— Тут и зимой надо заколенники обувать.

Деревни остались позади. Лес тоже скрылся из виду. Люди почувствовали себя свободнее. Теперь можно и поговорить вполголоса.

— Ну, что встал? Давай ехай! — нетерпеливо сказал невысокий мужчина своему соседу.

— Ты никак воронежец? — оживился тот.

— Угадал. От самого Борисоглебска.

— То-то. Я ваш язык знаю. У нас не говорят «ехай». «Поезжай». Понял?

— Что в лоб, что по лбу — не все ли равно. Ты лучше скажи, скоро ли конец нашему путешествию? Вся одёжа закостенела.

— Не тужи. До морковкиных заговен доедем, — послышалось в ответ.

— Тут болотам конца нет, — вмешался в разговор третий. — Я до войны землемером работал, карты составлял. Эти болота отмечал как непроходимые. А теперь сам себе опровержение сделал. Все болота прошел. Бывало, идешь летом — как по волнам. Будто кто-то медвежью шкуру на озеро накинул. Ступишь — прогнется. Впереди накат и сзади такой же. Вот и ныряешь по этой трясине. Теперь, если жив останусь, так и напишу на картах: «Для партизан все болота проходимы».

— Как дела, старина? — догнав Серегу, окликнул его Роман.

— Ничего. Ночь темная, кобыла черная, еду-еду, потрогаю, здесь ли?

— Сними груз-то с плеч, пусть отдохнут, — посоветовал Роман. — А то сидишь на возу и мешок за спиной держишь.

— Это вы, неразумные, лошадей не жалеете, — покосился Серега. — Нет чтобы груз на плечи взять, все коню было бы полегче.

«Шутят! — услышав разговор, обрадовался Потапов. — Это хорошо. Значит, духом не падают».

Когда поредела ночная мгла и первые проблески рассвета опустились на землю, Павлов круто повернул в сторону, прискакал к Потапову.

— Федор Ефимович! Светает. Ехать дальше нельзя.

Новый привал устроили на острове Черном. Это был безжизненный, заброшенный среди болот остров, поросший кустарником. Вокруг него на много километров не оказалось никакого жилья. Лучшего места поблизости не было.

— Жители не зря назвали этот остров Черным, — пояснил Потапов. — Говорят, гиблое место, необжитое. Богом забыто и чертом оставлено. Ни человека, ни зверя на нем не бывает. Птица и та залетает редко. Кругом топкое болото. Только зимой сюда и доберешься.

Низко над лесом прошел строй «юнкерсов».

Маскировать обоз пришлось в невысоких кустах. Лошадей распрягли. Повозки прикрыли сучьями, возчики прилегли на снег.

Партизаны несли дежурство, вели неослабное наблюдение. Выслали группу людей на проложенную обозом дорогу. Могли же немцы обнаружить свежий след и организовать погоню? На всякий случай приготовились к обороне.

На острове предстояло пережить тяжелый день. Ни огня, ни воды. Хлеб мерзлый, как камень. Буханки отогревали на груди. Люди хотели пить. Одни набирали в рот снег, другие, пробив во льду лунки, пили вонючую болотную водицу. Коней тоже нечем было поить.

Возчикам не терпелось разжечь костерок, чтобы обогреться, вскипятить чаю, но строгий, придирчивый Потапов упредил их желание. Он неутомимо ходил у саней, журил, предупреждал:

— Никаких костров! Соблюдать маскировку!

Усталость брала свое. Людей клонило ко сну. Измученные бессонной ночью, подводчики чутко и нервно дремали.

— Подремлите, только по очереди! — разрешил Потапов.

Он вынул из кармана записную книжку, раскрыл ее.

— Это что у тебя за молитвенник? — поинтересовался рыжебородый партизан.

— Какой же это молитвенник! Тут вся моя бухгалтерия. Хочешь узнать, какую помощь оказал партизанам твой сельсовет? Пожалуйста, все данные под рукой. Или про обоз. Откроешь страницу — и сразу ясно, какой сельсовет сколько подвод отправил.

Потом, спустя несколько лет, уже после войны, поперек обложки этого самодельного блокнотика Федор Ефимович напишет, словно завещание, простые слова, обращенные к жене и дочери: «Маня и Тамара, сохраните для истории». И они сохранят эту маленькую реликвию Партизанского края до наших дней.

Разбрелись по кустам партизаны и подводчики. У каждого куста своя беседа.

Иван Павлов на этот раз тоже отдыхал. Разведать местность взялись гвардейцы. Вместе с Узоровым Павлов отправился к Роману Русакову. От этого старика всегда можно было услышать что-то интересное, мудрое.

Роман сидел под низкорослой сосной, прислонившись спиной к дереву. Снял рукавицы. Руки у него были жест-

кие, на пальцах желтели пятна от махорки. Голой ладонью он взял горсть снега, поднес ко рту и, обжигая губы, проглотил. Потом вынул из кармана сухарь, обмакнул в сугроб, стал откусывать.

— Пожалуй, правильно мы поступили, что не рискнули ехать у Лопарей,— подсев к Роману, сказал Павлов.— Сам не знаю, Роман Васильевич, как это объяснить, но все нутро было против. Вроде как предзнаменование какое...

— А может быть, и так,— срывая с бороды сосульки, прогудел Роман.— Ты с этим не шути. В каждом деле свой секрет есть. Вот я, к слову сказать, с лесом дружу, с деревьями. Потому и впросак не попадаю. Сколько раз было так: иду, а кусты мне вроде как шепчут: не ходи сюда, опасно. И верно: если б пошел — крышка. Я всегда по деревьям замечаю, куда мне можно идти, а куда нельзя. Они мне предупреждение делают. Деревья-то свои. Вот и выходит, что на своей земле и кусты помогают. Во что-то надо всегда верить, милый человек. С верой нигде не пропадешь. Вера, брат ты мой, и горы с места сдвинет,— убежденно закончил Роман. Помолчал и добавил:— Верь, но и опасность не преуменьшай. Готовь себя к худшему, чем оно есть. Не прогадаешь.

— Эх, жаль, Гришина с нами нет, — совсем некстати со вздохом сказал Серега.— Незаменимая личность. В любую дырку пролез бы.

Над местом стоянки проплыли три самолета. Разглядев на крыльях красные звездочки, обрадованные партизаны замахали шапками.

Но вот мерный гул советских машин заглушили завывающие звуки «фокке-вульфа». Партизаны называли его обычно «рама» или «телега». В обоих случаях они прибавляли «паршивая».

«А вдруг заметит?»— с ужасом подумал Павлов.

Яростно рыча, «фокке-вульф» обогнул островок, показавшийся ему подозрительным, пострелял для острастки по кустарнику из пулемета и удалился. А вскоре снова загудело небо. В сторону фронта прошло несколько немецких бомбардировщиков.

— Мы продукты везем, а они бомбы,— с ненавистью разглядывая самолеты, поругивался Роман.— Чтоб вам назад не вернуться, проклятые! Самим бы взорваться на своих бомбах!

День тянулся медленно. Беспокойно топтались на месте лошади.

К вечеру стало холоднее. Мороз забирался в рукава и

голенища, обжигал лицо, перехватывал дыхание, дрожью пронизывал тело. Кутаясь в воротники шуб и тулупов, возчики отворачивались от резкого ветерка. Колючий иней жег щеки, отчего они нещадно горели. Промороженные насквозь кусты не могли согреть озябших людей.

— Злой мороз. До печенок прошибает,— покрякивал Семен.

Старшие групп ходили по партизанскому биваку и толкали подводчиков, чтобы не уснули.

— Андрей! Не вздумай заснуть на зорьке!— крикнул Петр Гусев своему соседу.— А то из тебя мороз живо ледяшку сделает.

Пронял мороз и Романа Русакова. Лицо его покраснело, усы и борода поседели от инея. Ветер выжимал слезы. Пальцы не гнулись, даже в рукавицах было трудно их отогреть.

Люди согревались как могли. Подпрыгивали, рубили «шаг на месте», оттирали застывшие щеки и руки. Двое парней толкали друг друга плечами, имитируя петушиный бой. Двое других, обхватившись, топтались на месте, согреваясь в борьбе. Несколько человек бегали взад и вперед по дорожке вперегонки. Разогрелись так, что и двадцатиградусному морозу не подступиться.

— В мороз и холод всяк молод. Гляди, как бегают быстро,— заметил Роман, а сам уткнулся в воротник и, прихлопывая руками, стал мешковато приплясывать на снегу. Тулуп его заледенел, словно колокол.

Володя Узоров живо потирал ладони, как бы от нетерпения или удовольствия. Миша Харченко с побелевшим от мороза чубом степенно расхаживал по тропе. Сысой Быстров по-мальчишески прокатился на ногах по льду канавы, за ним кто-то второй, третий. И вот уже готов импровизированный каток.

Какой-то старик ухитрился разжечь бездымный невидимый костерок. Нашел яму, отрыл снег, надрал бересты, расслоил ее и поджег. Огонь обступили возчики, тщательно заслоняя его полами тулупов, скрывая от глаз Потапова.

Иван Павлов, казалось, не замечал холода. Он стоял в шубе нараспашку и нетерпеливо посматривал на часы. Приближалось время выезда обоза к фронту.

Когда посерело небо и мягкие вечерние сумерки сузили горизонт, лейтенант подозвал к себе Потапова:

— Надо бы собрать старших, предупредить их.

Разговор со старшими был краток.

— Учтите,— наставлял лейтенант,— будем пересекать дорогу перед рассветом. Пойдем на большой скорости. Одним махом! Не задерживаться! Передайте возчикам: у линии фронта соблюдать все меры предосторожности. Не кашлять, не курить, не разговаривать! Чихнуть захотел — потри переносицу. Если не можешь удержаться — снимай шапку и укрывайся. Если наткнемся на немцев, автоматной стрельбы не бойтесь. В лесу, за деревьями, она не столь опасна, только на психику действует.

С первыми сумерками остров ожил. Бесшумно поднялись и задвигались в темноте подводчики, суетливо забегали связные. Все понимали, что впереди решающая ночь: последняя, самая тревожная, полная риска и опасности.

Движение возобновилось. Заскрипели полозья. Подул резкий, пронизывающий ветер, опалил лица возчиков. Обоз потянулся на юг, вдоль Холмской дороги, то отступая, то приближаясь к ней.

Как-то внезапно небо заволокли серые облака. Они навалились на верхушки сосен и рассыпались густым обильным снегопадом. Снег падал крупными хлопьями. Мохнатые клочья кружились в воздухе, мягко ложились на ветки деревьев, покрывали белым пухом тяжелые возы. Начиналась оттепель.

Ветер усиливался. Он сбивал с ног идущих сбоку саней возчиков, свистел в ивовых прутьях. Поднялась метель. Хлопья снега стремительно неслись к земле и, подкошенные ветром, скользили по обледенелому насту. Снежный рой густой сетью затянул небо. Сразу пропала видимость.

— Весна да осень — на дню погод восемь,— пробормотал Роман, подтягивая потуже гужи хомута.

Шумно дыша, лошади шли тихим шагом. Возчики оступались, падали у саней. Вставали молча и снова двигались вперед.

Горизонт терялся из виду, но партизаны радовались: по крайней мере никаких следов позади. Погоня не страшна.

— Вьюга — это хорошо! — потирая руки, воскликнул Павлов.— И ветер в нашу сторону. Совсем как по заказу.

— Кому вьюга, а нам — фронтовая подруга,— согласился Роман.

Снег не переставая валил и валил крупными лохматыми клочьями. Павлов закидывал голову, подставляя лицо снежинкам, которые таяли на его разгоряченных щеках, образуя маленькие струйки. Холодное дыхание молодого снега действовало освежающе.

Елки оделись в белые шубы. Брезенты на санях занесло снегом. Побелели бороды у партизан, а шапки украсились белыми околышами.

Теперь уже все возчики казались одетыми в маскировочные халаты. Только блестели глаза и горели разрумянившиеся щеки. Осыпанные снегом, мужики были похожи на сказочных богатырей.

Снегопад прекратился. Погода немного разгулялась. Обнажилось мелколесье. Стало легче ориентироваться на местности.

Преодолев участок топких болот, оставив на западе Рдейское озеро, обоз въехал в треугольник деревень Высокое, Остров и Шапково. Места эти были пройдены армейской разведкой несколько дней тому назад. Сейчас армейцы снова разведали местность, освободив от этой работы партизан.

Фронтовые разведчики вели себя спокойно, выдержанно, казалось, без всякого опасения, словно бы выполняли обычную повседневную работу. Можно было подумать, что все эти месяцы они только тем и занимались, что переводили обозы через линию фронта.

На пути встретилась заброшенная небольшая деревушка. Ни жителей, ни немцев в ней не было. Метель набросала снегу в пазы и щели домов, обшила окна и двери белой опушкой, прикрыла холодным пухом деревенские колодцы. Но и здесь часть домов была сожжена.

Роман Русаков с трудом узнавал знакомые ему места. В этом районе он работал перед войной и отлично изучил местность. Но как ее обезобразили фашисты! Красивые большие села представляли собой теперь множество обугленных срубов и одиноких печных труб.

Подъехали к деревне Шапково. Она лежала в шести километрах от шоссейной дороги, ставшей фронтовым рубежом. На этот участок и нацелились теперь участники обоза. Вокруг раскинулись глухие леса. Никаких крупных населенных пунктов поблизости не было. Более удачного места не подберешь.

В черную бездну ночи одна за другой уходили партизанские подводы.

Близилось время, которое должно было решить судьбу обоза. Всю дорогу подводы двигались с разрывами, растянувшись на несколько километров. Теперь они собрались плотно, одна к другой, как сомкнутая цепь. Объявлена последняя остановка.

До шоссейной дороги Старая Русса — Холм оставалось около пятисот метров. И хотя в результате окружения

нашими войсками демянской группировки врага линия фронта на этом участке была изломана и разорвана, опасность наткнуться на расположение фашистских частей не миновала:

Решено было применить ту же тактику, что и в первый раз: изучить охрану участка, обоз держать наготове, потом выставить две группы для прикрытия и сделать резкий бросок вперед.

Гвардейцы отправились к дороге. Партизаны замерли в ожидании. Ни говора, ни кашля, ни огоньков от папирос. Все переговоры вели жестами, знаками.

Слева завязалась частая, оживленная перестрелка. Тяжелым свинцовым языком заговорил фронт. Били пулеметы, в стороне ухала артиллерия.

— Быть может, это наши устроили бой, чтобы отвлечь немцев от обоза?— шепнул Иван Павлов Потапову.

— Все может быть...

— Хорошо, что немного подались вправо, а то бы под свой огонь угодили.

Потом снова наступила томительная тишина. Казалось, и деревья притихли, насторожились.

Под тяжелыми лапами ветвистых сосен притаились подводы. Возле каждой стоял человек. Лошади вели себя неспокойно, словно догадывались об опасности. Они тревожно прядали ушами, прислушивались.

— Скотина, а и то чувствует,— заметил Роман. Закрыв голову коня полой шубы, он наклонился, прошептал:— Молчи, Бурко. Немцы близко.

Громко фыркнула лошадь, выпуская из ноздрей пар. Все переглянулись: так и немцы услышать могут.

— Ребята! Может, мешки на морды коням набросим? Все поменьше храп будет слышен,— предложил кто-то.

— Тоже придумал! Чтобы кони лбами елки считали?— возразил Серега.

— Да нет, временно. Пока стоим.

Мешки оказались у многих, и вскоре головы коней были укрыты.

Опять вдали забухали пушки. Где-то близко ударили автоматные очереди.

— Вот так мы в колхозе электрическую станцию пускали,— прошептал, наклонившись к соседу, Серега.— Тоже сильно переживали: выйдет или не выйдет?

— Сравнил тоже — станцию! — не сдерживая голоса, пробасил сосед.

— Тише ты! Фронт рядом,— не сказал, а выдохнул в самое ухо Роман.

Вернулись гвардейцы. На дороге относительно спокойно. Уточнили последние детали форсирования линии фронта: две группы партизан перехватывают дорогу слева и справа, образуют охраняемый коридор, по которому на полном ходу обоз пересечет трассу.

Все надо было рассчитать, взвесить, предусмотреть. Немецкие патрули и часовые, завидев обоз, несомненно откроют огонь. Отпор им дадут группы охраны. Стрельба на линии фронта послужит сигналом тревоги для гарнизона в Каменке. Оттуда фашисты подбросят подкрепление. Долго ли наши отряды могут сдерживать врага? Сколько потребуется времени, чтобы весь обоз перебросить через дорогу?

Прикинули: при самой быстрой езде для каждой подводы нужно десять — пятнадцать секунд. Четверть минуты... За минуту перейдут четыре подводы. А подвод двести двадцать три... Это же целый час! Разве отдадут немцы этот час без боя?

С отрядом в пятьдесят человек отправился Михаил Харченко, чтобы оседлать дорогу с левой стороны и оградить обоз от огня фашистского гарнизона Каменки, который находился всего в трех километрах. Другой отряд, в тридцать человек, повел Иван Павлов. Он должен был стать поперек дороги, справа от места перехода. Обе группы имели на вооружении автоматы, винтовки, гранаты и по два ручных пулемета. Ударный взвод, снабженный противотанковыми ружьями, оставался в голове обоза.

Партизаны бесшумно снялись с места. Перед тем как уйти, Павлов приблизился к Харченко и крепко сдавил его руку. Тот ответил ему широкой дружеской улыбкой.

— Ничего, пройдем! — уверенно и твердо шепнул Михаил.— На рысях пролетим!

Даже видавший виды Харченко был взволнован. Еще бы, за спиной обоз, а впереди немцы.

Отряд Павлова неслышно рассредоточился вдоль дороги. Партизаны закопались в снег, притаились. Оружие держали наготове.

Начальник разведки и Володя Узоров укрылись за громадной елью, за ее распущенными по снегу длинными лапами. Стали наблюдать.

Вблизи вроде бы ничего не видно и не слышно. Но Павлов чувствовал, что где-то впереди стоят вражеские солдаты, зловеще прислушиваются и приглядываются к темноте.

На фоне синего неба четко рисовались заваленные снегом деревья. В чаще леса мелькнул слабый огонек. Разведчики догадались: блиндаж! С трудом различили часового. Замаскировавшись, он топтался за стволом сосны, видимо согреваясь. Потом показался патруль. Не спеша прошелся вдоль кювета, выглянул на дорогу и так же неторопливо повернул назад.

Ну что ж, обычный караульный пост. Часть солдат занята в наряде, остальные, вероятно, находятся в блиндаже.

Неожиданно со стороны Каменки вырвалась и рассыпалась в небе гирлянда ракет.

«Неужели что-то почуяли? — мелькнула у Павлова тревожная мысль.— Или от страха подбадривают себя?»

Где-то прострочил пулемет, ухнула мина, стряхнув с деревьев снег. Снова стало тихо.

От разведчиков не ускользала ни одна мелочь. Вот послышались редкие шаркающие шаги, донеслась немецкая речь. Но разобрать слова было трудно, говорившие находились далеко, а осыпанный снегом лес и густой морозный туман глушили звуки.

Несколько солдат приближались к блиндажу. Поравнявшись с часовым, коротко обменялись паролями. Голоса становились отчетливее.

— О чем это они? — еле слышно спросил Володя.— Вроде про погоду.

— Один говорит, что в прошлую ночь выпало много снега,— так же шепотом пояснил Павлов.— А сегодня тихая погода. Второй все еще жалуется на холод. Большой мороз, и ему холодно.

— Сейчас согреем, фриц, подожди! — прошептал Володя.— Дадим прикурить.

Звякнули котелки, прилаженные у немцев сбоку. Видимо, солдаты пришли на ужин. Загалдели, застучали ложками. Павлов ловил отдельные фразы, долетавшие до его слуха.

— Какая глушь! Сейчас бы в отель. Или в ресторан, где много красивых женщин...

— А партизан не хочешь?

— Здесь? На передовой? Полно тебе! Они прячутся по глубоким тылам.

— Если Холм — глубокий тыл, тогда ты не лжешь. А в Холме они уже были. Не забывай: русские хитры и фанатичны, как все азиаты. Они способны на все.

— В такую погоду сам черт носа не сунет,— не соглашался самоуверенный немец.

— Черт, возможно, и не сунет, а партизаны могут прийти. Глушь и холод — их стихия. Партизаны любят такие места и ночи...

Иван Павлов, весь засыпанный снегом, беспокойно поглядывал на часы. Его глаза сверкали, нервно подрагивали от волнения сомкнутые губы.

— Ничего, после ужина угомонятся,— шепнул Володя.— Притихнут, дремать начнут. Самая удобная пора.

Из блиндажа вышли трое, направились к часовому. Прозвучало несколько отрывистых условных фраз. Щелкнул затвор автомата.

— Смена караула,— прошептал Павлов.— На свеженьких придется нападать.

Лучшее время для перехода линии фронта — предрассветная пора. Это мнение разделяли все: партизаны и гвардейцы. В предутренние часы зоркость часовых снижена. Поэтому и назначили переход через фронт на четыре часа утра.

— Надо давать сигнал,— сдерживая дыхание, сказал Павлов.— Удобный случай недолго ждет.

А в стороне от дороги истомленные напряжением подводчики ждали команду. Подводы еще плотнее прижались одна к другой. Были сделаны последние приготовления. На передних возах лежали нарубленные сучья: ими предполагалось забросать канавы, идущие вдоль шоссе.

На первой подводе рядом с возчиком сидели Федор Потапов, Роман Русаков и двое партизан. Было условлено: как только повозка приблизится к дороге, все четверо выскочат из саней и залягут на обочине, чтобы торопить подводчиков, подбадривать, помогать. Потапов и Русаков должны были последними покинуть дорогу.

Людьми овладело нетерпение. Томительные минуты казались часами. Разговаривали чутко и осторожно, одними движениями губ, выразительными жестами. Волнение нарастало.

— Скоро ли там?— прошептал Серега.— Сил не хватает ждать.

И вдруг по обозу пронеслось:

— Дорога оседлана! Приготовиться!

У линии фронта, слева и справа, стояли партизанские автоматчики. На какое-то короткое время одно из фронтовых звеньев германской обороны перестало принадлежать фашистам: это звено держали теперь в своих руках партизаны.

Потапов, казалось, был взволнован больше других. Такого напряжения он не переживал уже давно. Насту-

пило тяжелое, ответственное испытание, удастся ли выдержать его?

Обоз был сжат до предела, словно пружина в затворе винтовки. И вот...

Курок спущен! Потапов взмахнул рукой.

— Вперед!

— Вперед! Вперед! — подхватили подводчики.

Сорвалась с места первая ужаленная кнутом лошадь. Разом вскинув передние ноги, она вынесла на поляну тяжелые сани. За ней, храпя, вылетели вторая, третья... Подхлестываемые возчиками, лошади брали с места в карьер.

Внезапно в глаза ударила яркая белизна снега, а перед ней — темная полоса. Роман пригнулся пониже:

— Дорога!

Без всякой команды партизаны и возчики выпрыгнули из саней. В кювет полетели охапки сучьев. Их оказалось мало. Не раздумывая, Роман выхватил из-за пояса топор. Остальные поступили так же. Хрустнули под топорами еловые ветки. Через несколько секунд на канаве оказался мост из хвои. Первые подводы с ходу перемахнули через кювет и выскочили на расчищенную грейдером дорогу.

След проложен! Обоз развивал скорость. Торопя друг друга, возчики гнали теперь лошадей, боясь отстать от передних. Подводы неслись, словно подхваченные вихрем. Казалось, полозья саней не касались земли. И только на канаве хвойные лапы тормозили и замедляли ход.

Кто-то выстрелил. Кто-то споткнулся о немецкий кабель, взмахнул топором и в нескольких местах перерубил его.

Из блиндажей выскакивали испуганные немцы. Они опешили, растерялись. Трусливо замирали на месте, не в силах понять того, что творилось вокруг. Один солдат машинально вскинул автомат, крикнул:

— Хальт!..

Но выстрела не последовало: солдат беспокойно крутил головой, провожая взглядом летящие подводы.

А из черной гряды леса на снежную дорогу одна за другой, как призраки, как тени, выскакивали подводы и снова ныряли в лесную чащу.

Пятнадцать... двадцать... двадцать пять... тридцать... Потапов не успевал считать.

Пофыркивали лошади, кричали, размахивая вожжами, подводчики.

Теперь уже никто не заботился о конспирации. Обоз

все равно обнаружен. Лишь бы сократить время, лишь бы скорее оказаться за дорогой!

Потапов, стоя у передней канавы, торопил людей:

— Скорей! Скорей! Вперед!

Там, впереди, лежала нейтральная полоса. Там были деревни Городня и Березово. Это уже наши деревни! Это уже панфиловцы!

— Скорей! Вперед! Скорей!

Там — Ленинград, город, которому дорога каждая подвода с хлебом. Там — Ленинград, советская крепость, которой не быть никогда фашистской! Там — Большая земля. Там — Москва!

— Вперед! Вперед!

Фашисты пришли наконец в себя. Стреляя на ходу, они кинулись назад к блиндажам. Услышав выстрелы, засада партизан ответила тем же. Завязалась перестрелка.

А на трассе произошла заминка: споткнулась и упала лошадь Сереги, загородила путь. То ли ее задела пуля, то ли она поломала себе ногу — разглядывать было некогда. Подбежавший к саням Роман топором перерубил гужи, впрягся в оглобли и, напрягая силы, потащил воз на себе.

— Помогите! Не пропадать же подводе!

Мужики бросились на выручку. Вытащили воз и переложили груз на другие сани.

— Скорей! Скорей! Пока немцы не закрыли брешь,— подгонял подводчиков Потапов.

Над лесом поднялись красные сигнальные ракеты: гитлеровцы запросили помощи у своего гарнизона. В ответ из Каменки злобно забарабанил пулемет, заговорили автоматы. И когда уже последние сани соскользнули с дороги в заваленный сучьями кювет, где-то в стороне ударила немецкая артиллерия.

— Смотри-ка ты, очухались! — осмелев, уже во весь голос закричали подводчики.

— Поздно! Поздно хватились, фрицы!

— Семен! Никак нам салютуют! Слышишь?

Действительно, это было похоже скорее на салют в честь партизан, чем на обстрел. Под залпы орудий, под фейерверк повисших в небе ракет, как в молниях, уходил партизанский обоз через фронт на Большую землю.

Грохнули орудия и с востока. Это наши артиллеристы били по немецким позициям, словно специально отвлекая их от партизан, прикрывая обоз.

Харченко и Павлов видели, как из Каменки на четырех автомашинах подъехали немцы и, рассыпавшись, на-

чали поливать из пулеметов и автоматов придорожные кусты и деревья. Удариться в погоню они не решились, зная, что недалеко отсюда, в деревнях Студеное и Долгое, стояли части 8-й гвардейской дивизии, встреча с которыми не предвещала им ничего хорошего. Но стреляли долго. Уже осталась позади река Порусья, а фашисты все еще посылали вслед обозу мины.

Все-таки «подарили» немцы партизанам час времени! Как это случилось? Или их так ошеломила дерзость партизан, что они долго не могли опомниться и сообразить, в чем дело? Или они струсили? Или, растерявшись, не сразу сумели затребовать подмогу из гарнизона? Или просто не захотели ввязываться в драку?..

Уже совсем рассвело. Лес выглядел празднично и нарядно. Кажется, сама природа торжественно встречала героев, радовалась успеху партизан. Деревья были засыпаны снегом от верхушек до корней. Не деревья, а хрустальные шатры и храмы, какие-то сказочные дворцы. Молодые березки гнулись до самой земли, образуя естественные арки. В это могучее царство леса и снега парадно въезжали партизанские подводы.

Свежо, чисто и прозрачно было вокруг. Так же чисто было и на душе у Павлова. Переход удался! Тревоги и опасности позади! Впереди встреча с Красной Армией! Ленинград! Как будут обрадованы друзья в Партизанском крае, когда узнают об их успехе!

Люди сгрудились пестрой ватагой. Мягкие деревенские шубы перемешались с шинелями, тяжелые тулупы — с маскировочными халатами. Некоторые партизаны бросали в воздух шапки. Другие обнимали друг друга, радостно шумели.

— Тише! — прогремел голос лейтенанта.— Мы еще на расстоянии автоматного выстрела от дороги. Соблюдать порядок!

Павлов спрыгнул с коня. Вид у него был бравый, настроение приподнятое. Ликующий, гордый успехом, он жаркими губами ловил падающий с веток снег. Потом взбежал на холм, сорвал шапку, поднял над головой автомат. Кипя от восторга и воодушевления, радостно блестя глазами, воскликнул:

— Братцы! Перешли! Здравствуй, Большая земля!

Но что это? Снова ракеты! Снова стрельба! Не рано ли торжество? Ведь есть же испытанное правило: никогда не успокаивайся, не завершив дело до конца. А если обоз еще в зоне врага? Тогда что? Ведь не было же встречи со своими!

Впереди на горе показалась цепь солдат в маскировочных халатах. Похоже, они наблюдали за движением партизан. Кто это? Немцы или наши? А вдруг немцы?

Размышлять было некогда. Назад дороги нет, в сторону — тоже. Выход один: вперед!

Павлов жестом руки остановил движение обоза. Разыскал глазами Потапова.

— Федор Ефимович! Приведи всех в боевую готовность.

— Приготовиться! — полетела от подводы к подводе команда Потапова.— Обозу стоять на месте! Возы упрятать за деревья! Самим залечь в снег. Оружие — на боевой взвод!

Шум начинал стихать. Нервным током пробежала по рядам тревога. Павлов уже приготовился отдать распоряжение возчикам, как зоркий его глаз заметил в толпе лейтенанта.

— Товарищ гвардии лейтенант! — обратился к нему Павлов. — Мы в нейтральной полосе или еще у немцев? Чьи это солдаты?

— Затрудняюсь сказать...— вглядываясь в слепящую белизну снега, ответил лейтенант.— Думаю, что наши. Но всякое может быть. А вдруг отступили. Давай проверим!

— Разведка! За мной! — скомандовал своим друзьям Павлов.

Замелькали между сосен маскировочные халаты. Партизанские и армейские разведчики быстро отделились от обоза и устремились вперед, навстречу поднимавшейся над косогором солдатской цепи.

Глава 16 ДЕНЬ, КОТОРЫЙ НЕ ЗАБУДЕТСЯ

Стояли ясные, погожие дни. На обочинах дорог дряхлел, сверкая крупными зернами, снег. Под окнами домов заблестели первые робкие лужи. Обращенные к солнцу ветки кленов и лип потемнели, словно обуглились. Стволы берез, отбеленные снегом, отливали слепящей матовой белизной. Выше поднялось небо, прозрачным стал воздух, увеличился световой день.

Природа готовилась встречать весну. Но та где-то задержалась в пути. Дорогу ей преградил еще не утративший силы мороз. Он не сдавался, держался на редкость стойко. Ртутный столбик иногда опускался ниже двадцати.

По ночам на темном небе густо проступали крупные, по-весеннему помолодевшие, но по-прежнему холодные звезды. В крае все еще господствовала зима.

Жизнь была сложной и опасной. С рассветом в воздух поднимались вражеские самолеты-разведчики. Вооруженные оптическими приборами, летчики разглядывали проплывавшую под крылом самолета землю. Стоило им увидеть движущуюся точку, как они снижались до бреющего полета и пускали в ход авиационные пулеметы...

День 16 марта запомнился всем, кто находился в это время в Партизанском крае. В тот день рано утром была получена радостная радиограмма: партизанский хлебный обоз благополучно пересек линию фронта! А час спустя редакционная землянка едва вместила в себя командиров и политработников. Они слушали радиопередачу из Москвы, посвященную этому событию. Кроме сообщения ТАСС, была передана передовая статья «Правды» и другие материалы.

Какой восторг охватил партизан, когда они узнали, что большое, рискованное, почти фантастическое дело увенчалось успехом! Сколько было тревог и волнений, сколько затрачено усилий! И вот — победа! Вся страна узнала о народном подвиге, который совершили партизаны и жители Ленинградского партизанского края Люди обнимали и целовали друг друга. В лагерь прибыли работники тройки, представители хозяйственной части, командиры и комиссары ближайших отрядов.

День был шумный, народу в лагере собралось много. Васильев, выйдя из землянки, встречал то одного знакомого, то другого.

— Васыль! А горилка е?— слышался откуда-то из-за деревьев голос Николая Баклыкова.

Комбриг посмотрел в ту сторону, увидел супругов Гавриковых.

— А вы по каким делам?

— За провиантом приехали,— бойко отозвалась Нина Федоровна. — Говорят, пополнение в наш полк придет. Людей же кормить надо.

— Да у вас тут целый хозяйственный взвод!— удивился Васильев, когда к нему подошли Иван Попов, Яков Пакостин, Никита Дементьев, Петр Богданов.—

Вы что ж, хотите все забрать и штаб бригады без куска хлеба оставить?

— Что ты, родной мой! Наоборот! — за всех ответил Попов. — Мы в первую голову вам привезли. Свеженькое мясо. Прямо с колхозного двора.

Командование бригады выехало в деревню Круглово. Там состоялся многолюдный митинг, на который собрались окрестные жители. Комиссар Орлов выступил с речью. Во второй половине дня все снова возвратились в лагерь.

Мы с Костей Обжигалиным срочно готовили свежий номер «Коммуны». Работали с радостью. Еще бы! Пришло время во весь голос сказать о партизанском обозе. Первая полоса уже находилась на просмотре у комиссара. Мы направились в бригадную землянку, чтобы узнать, нет ли замечаний. Кроме комбрига там находились комиссар Орлов и начальник особого отдела Иванов. Васильев что-то рассказывал им. Он был бодр и не скрывал своего душевного подъема. Собранный и подтянутый, как всегда спокойный, с веселыми глазами и приветливой улыбкой на губах, комбриг был красив в эту минуту.

Комиссар все еще вчитывался в газетные строки. На отлете первой полосы стояло набранное в две колонки важное сообщение: «3000 пудов продуктов — великому городу Ленина!» Начиналось оно так:

> В недавние февральские дни все население нашего и смежного с ним Белебелковского района было охвачено высоким патриотическим подъемом. Из колхоза в колхоз пронесся пламенный призыв: «Поможем славному городу Ленина!..»

Далее в заметке рассказывалось о тайных собраниях, о сборе продуктов, о подписании письма в Кремль и Смольный. И заканчивалось сообщение словами:

> Колхозники, презирая опасность, провели вереницу подвод под носом у захватчиков. Приняв обоз, Родина скажет вам, товарищи колхозники: «Спасибо, родные! Ленинград вас не забудет, страна гордится вами!»

— Молодцы! Нашли точные слова! — похвалил Орлов.

Вошел Алексей Асмолов, явно чем-то озабоченный. Он молча положил перед Васильевым радиограмму. Тот пригнулся, прочитал и в недоумении развел руками:

— Вот это новость! Выходит, все наши планы несостоятельны...

Два дня назад командование бригады, опираясь на данные разведки, пришло к выводу, что главной ареной борьбы в этом районе становится дорога Чихачево — Старая Русса. Немцы задались целью очистить эту дорогу от партизан. Они бросили сюда крупные силы, оснащенные артиллерией и авиацией. Им очень нужна была эта трасса, чтобы по ней подбрасывать резервы, боеприпасы и продовольствие своим войскам, пытавшимся пробиться на выручку к зажатой в «демянском котле» 16-й армии.

Южнее Старой Руссы, в междуречье Ловати и Редьи, шли ожесточенные бои. 7-я гвардейская дивизия, которую враги хвастливо объявили уничтоженной, успешно громила рамушевский узел фашистов. Наши части стремились отбросить немцев за Редью, чтобы плотнее замкнуть кольцо вокруг демянской группировки, еще больше отделить ее от главных сил. А гитлеровцы рвались к Ловати, прогрызая путь к попавшим в окружение войскам. Они пытались пробить коридор в районе села Рамушево. Им очень хотелось сохранить демянский плацдарм, прикрывавший южное крыло группы армий «Север».

В этой обстановке фронт требовал от партизан оседлать дорогу Чихачево — Старая Русса и тем самым помочь нашим войскам у Рамушева.

Основная тяжесть легла на партизан 3-го полка. Они дислоцировались как раз в этом районе. Сюда враги бросили крупные силы карателей. Пользуясь превосходством в численности войск и особенно в вооружении, они вели бешеные атаки и теснили партизан. Несколько деревень оказалось в их руках.

— Надо усилить отряды на этом участке,— предложил Васильев.— Одному третьему полку не справиться. Считаю необходимым перебросить в помощь Рачкову первую бригаду. Пятая бригада пусть остается на месте и прикрывает дорогу с севера.

— Правильное решение!— одобрил Асмолов.

Ни у работников штаба, ни у комиссара, ни у командиров полков не было других предложений.

И вдруг Ленинградский штаб партизанского движения потребовал перебросить 1-ю и 5-ю бригады из Партизанского края в новый район действий. Это было так не вовремя. То ли в штабе неточно знали сложившуюся к тому времени обстановку, то ли не учли всей важности борьбы за дорогу, ведущую к Старой Руссе, то ли необходимость переброски диктовалась более вескими причинами, о которых не знали партизаны.

— Мне трудно согласиться с этим приказом! Не вижу целесообразности,— заявил комбриг и, обращаясь к Асмолову, добавил:— Вы представитель Военного совета, вы и решайте.

Алексей Никитович Асмолов был человеком самолюбивым. Имея высокое воинское звание, считая себя в военном отношении наиболее опытным среди партизанского командования Северо-Западного фронта, он стремился к самостоятельности и независимости, не всегда согласовывал свои действия с представителями Ленинградского штаба.

— Это какое-то недоразумение, результат несогласованности!— Асмолов встал и нервно заходил по землянке.— Отзывать, перебрасывать партизан в тот момент, когда они удерживают очень важные коммуникации врага, в высшей степени неразумно.

— Очевидно, мы сами во многом виноваты,— вступил в разговор ранее вошедший Майоров.— Мы же не проинформировали как следует Ленинградский штаб партизанского движения о положении дел. Там могут и не знать всего, что происходит у нас.

— Совершенно верно,— подтвердил комбриг.

— К тому же, нам неизвестны соображения штаба,— продолжал Майоров.— Возможно, в том районе, о котором идет речь в радиограмме, положение еще более серьезное, и потребность в партизанских силах острее, чем здесь.

— Нет, там просто не разобрались в обстановке!— решительно пресек всякие колебания Асмолов. — Я сейчас же пошлю радиограмму в Военный совет. Пусть внесут ясность. Мы не можем, не имеем права ослаблять этот участок фронта.

Через несколько минут радист Костя Шепелев выстукивал торопливо написанный Асмоловым текст радиограммы:

Богаткину, Ватутину.

1-й и 5-й партизанским бригадам, выполняющим задания Военного совета Северо-Западного фронта, из Ленинграда дано указание немедленно выйти в Батецкий район.

На основании ваших установок, что оперативные решения и задачи партизанским отрядам даются Военным советом, указанные бригады мною задержаны и продолжают вести бои по истреблению должинской и ясскозской группировок противника, настойчиво добивающихся захватить Чихачевскую дорогу.

В Батецкий район направляем только отряд Грозного в составе 150 партизан.

Прошу ваших указаний по этому вопросу.

Асмолов.

— Подождем до завтра. Я надеюсь, ответят быстро,— сказал Асмолов и закурил.

...В тот день в редакционной землянке долго не смолкали голоса. Журналисты — народ шумный, восприимчивый, непоседливый. А если к этому добавить, что среди нас находился подогретый радостным сообщением об обозе Вася Толчишкин, то можно представить, какая атмосфера царила в нашей скромной обители.

Обстановка праздничности создавалась еще и тем, что мы в тот день получили много газет, журналов, библиотечки и личные подарки из советского тыла. В посылках — теплые письма и записки. Один маленький листок из школьной тетради, аккуратно вложенный в мешочек с домашним печеньем, сухарями и кусочками сахара, тронул нас до слез. Детской рукой на листке было написано:

Дяденьки, посылаю вам свой подарок. Я его накопила одна. Мой папа убит, мне больше послать некому.

— Небось последнее собрала,— глухим, не своим голосом сказал Миша Иванов.

Столько новостей сразу! А тут еще самолет доставил некоторые недостающие материалы для типографии, в которых мы так нуждались. Но самое любопытное: среди различного груза, присланного из советского тыла, к нам пришла и кинопередвижка. Этого никак не ожидали отвыкшие от кино партизаны. Комиссар и начальник политотдела незамедлительно послали благодарственную радиограмму:

Ковалевскому.

Нами получено: газет — 2000 экземпляров, журналов — 170, библиотечек — 90, плакатов — 300, макетов боевых листков — 300, карт — 3, листовок — 5000, кинопередвижка, гармонь, тетрадей — 200, блокнотов — 80, шашки, домино. Все будет распределено среди партизан и местного населения. За все сердечно благодарим.

Орлов, Майоров.

Когда мы с Костей Обжигалиным вернулись из штаба, землянка гудела от голосов. В их хоре отчетливо выделялся переливчатый басок Васи Егорова, нашего неугомон-

ного Толчишкина. Увидев нас на пороге, Вася подмигнул своим собеседникам и, подняв над головой указательный палец, предупредил:

— Молчок! Начальники прибыли. Не выдавать!

— Ты чем занимаешься, подчиненный?— покосился на него Костя. — В конспирацию ударился?

Журналисты и работники типографии были все в сборе. Политотдельцы тоже в этот день никуда не отлучались. Дмитрий Дербин обложился свежей почтой, вчитывался в газеты: ему, как пропагандисту, надо было знать все! Кареглазый, застенчивый Миша Иванов изучал подаренный ему трофейный фотоаппарат. Пришла к нам и разведчица Людмила Осокина.

— Граждане и гражданочки!— вдруг патетически начал Толчишкин.— Поскольку в нашем лагере появился новый человек, уважаемая Людмила Батьковна, позвольте мне познакомить ее с условиями нашей жизни.

Все промолчали.

— Молчание принимаю как знак согласия,— резюмировал Вася и продолжал:— Меня зовут Толчишкин, в прошлом Егоров. По всем вопросам прошу обращаться ко мне. Вас интересует, как мы живем? Живем не тужим, политотделу служим. Работаем — ух! — с двенадцати до двух. А с двух до пяти никого не найти. Житуха! Зоопарк рядом. Белки в гости приходят. Волки ночью вой подымают. Змеи по весне начнут ползать. Летом соловьи будут бесплатные концерты давать. Жаль, медведя нет. Но у нас Вася Скипидаров за него сойдет. Он и сейчас в зимней спячке находится. Вторые сутки без смены спит. Только вы с ним поосторожнее. Вася у нас с «максимцем».

— А ты с чем? С «егорцем»?— огрызнулся Скипидаров.

— Ты моего батьку не задевай. Егор — имя гордое. Это тот же Георгий, только в деревенском исполнении.

Потом Вася доложил о нашем имуществе.

— Перед вами — патефон. Время выкроилось — крути пластинки. Можешь Черкасова послушать, можешь Козловского... Как в Большом театре. Причем бесплатно. Идем дальше. Вот рация с немецкого самолета. Рядом посуда: ведро и чашка одна на всех. Переходим к боевой технике. Она у нас крайне ограничена. Вездеход марки «Борис». Это наш конь. Есть пушка дальнего действия — это печатный станок. Что ни газета, то снаряд. Шесть автоматов...

— Почему шесть? Пять,— поправил Скипидаров.

— А Надя? Она, когда говорить начнет, быстрей всякого автомата действует... Вот все наше движимое и недвижимое имущество. Вдобавок — типография. Причем моего имени...

— А теперь прерви свой монолог, Вася. Поработаем, подобьем бабки, а потом отдохнем,— распорядился Обжигалин.— У всех есть дело?

— Я безработный! — вышел на середину землянки Толчишкин.— Свое задание выполнил досрочно.

— Хорошо. Тогда твоя главная забота — не мешать другим. Ладно?

— Как получится,— неопределенно ответил Вася.

В землянку заглянул комиссар отряда имени Горяинова Иван Александров. Увидев Осокину, шепнул Косте на ухо:

— О Павлове не слышно? Я с ним перед линией фронта простился. Беспокоюсь за него. Уж больно горяч. Все берет на себя.

Я сел за наш маленький рабочий стол. В мою обязанность входило составление макета газеты. На чистом листе бумаги расчертил предполагаемую страницу, разместил на ней около десятка материалов. В шпигель, на самое почетное место, которое журналисты называют «окном газеты», вписал слова из приказа народного комиссара обороны СССР от 23 февраля 1942 года:

> Недалек тот день, когда Красная Армия своим могучим ударом отбросит озверелых врагов от Ленинграда, очистит от них города и села Белоруссии и Украины, Литвы и Латвии, Эстонии и Карелии, освободит Советский Крым и на всей советской земле снова будут победно реять красные знамена.

Рядом с передовой статьей поставил информацию о том, что труженики Дедовичского района собрали более двадцати шести тысяч рублей в фонд обороны Родины.

Мы старались как можно лучше оформить газету. Только возможности-то наши... Два-три шрифта, несколько линеек и заставок. Толчишкин говорил, кивая на Скипидарова:

— Есть парню где развернуться! Как в столичной типографии!

Я взял в руки «Коммуну». Казалось бы, что за газета? Маленькая, в одну восьмую листа. На двух страничках. Мелкий, подслеповатый шрифт. Микроскопические заметки... А ведь именно о ней напишет потом «Правда»:

Крохотные странички «Коммуны» несут населению оккупированных немцами районов слова великой большевистской правды. В музее Отечественной войны комплект этой газеты займет почетное место наравне с грозным боевым оружием.

В землянке было шумно. Часто заходили люди, вносили ящики, тюки газет и журналов, стучали, разговаривали. Толчишкин продолжал свои чудачества. Он обрядил коня в брюки и фуфайку, нацепил ему на один глаз очки, ввел в землянку и представил:

— Критик. Борис Меринович Кобылянский. Прошу любить и жаловать.

Конь встряхивал головой, пытаясь сбросить мешавшие ему очки и подвязанную шпагатом старую соломенную шляпу.

Вернулся из типографии Скипидаров, доложил, что работу закончил. Шутливо подражая псковскому говору, спросил:

— Ну а теперь кого будем делать?

— Это богово занятие, а не наше,— ответил Толчишкин.— Он нас всех по очереди изготовил. Тебя вечером смастерил. Усталый, без вдохновения. А может, с похмелья. Голова болела. Недоделал, плюнул и бросил. Иди, говорит, с тебя хватит.

— Погоди, на том свете тебе бог все вспомнит, — попробовал пошутить Скипидаров.

— Мы с тобой вместе там окажемся. Ты будешь в котле кипеть, а я дрова подкладывать.

За окном кто-то спрыгнул с лошади, зашагал по скрипучему снегу. Это был Шматов. Разве он мог в этот день не приехать? Услышал по радио весть о благополучном переходе обоза через линию фронта, оседлал коня и галопом примчался.

Издалека пробирался Шматов в наш лагерь. Он вез с собой заметки для очередного номера, а увозил обратно кипы свежих газет. Эти газеты ходили по рукам дновцев. Десятки тайных распространителей печати разносили их по всем уголкам района. Ночью они проникали в занятые фашистами деревни. Там на стенах домов, где пестрели приказы германского командования, появлялись свежие партизанские газеты.

— Скипидаров!— позвал Шматов.— Сходи-ка брось коню сена. Я теперь этому конюху не доверяю,— показал он на Толчишкина.

— А твой доверенный, думаешь, лучше сделает? Нашел труженика. Он ложку донести до рта считает за боль-

шой труд, а ты его коня накормить просишь. Совсем парень от рук отбился. Ну что косишься, как середа на пятницу? — Толчишкин повернулся к Скипидарову. — Неправда, что ли?

— Чего ты около меня зубы моешь? — начинал сердиться Скипидаров. — Другого занятия не нашел?

Шматов сообщил, что в Дно фашистская газетенка напечатала объявление о том, что в Серболовском лесу разгромлена партизанская типография. В ответ на немецкую фальшивку мы решили срочно выпустить газету «Дновец».

— Как только напечатаешь весь тираж, мы его сразу же в Дно отправим,— сказал Шматов Толчишкину.

— Сам пойдешь?

— Зачем сам? Там у нас своих людей хватает.

Газеты, отправляемые в Дно, распространялись по-разному. Подпольщица Анастасия Бисениек при помощи сына Кости пускала их по явочным квартирам. А какой-то продавец на базаре искусно делал из газеты кулечки, чтобы покупатель, придя домой, мог ее прочесть. Один смышленый паренек забрался на чердак дома и так уложил там стопку газет на доску, что после его ухода они соскользнули и рассыпались по базарной площади...

Время было позднее. Шматов проголодался и нетерпеливо ждал ужина, то и дело поглядывая на часы.

— Покажи-ка часики,— подскочил Толчишкин.— Трофейные? Хороши, ничего не скажешь. Только им двух камней не хватает: одного снизу, другого сверху... Эх, ребята!— вздохнул Толчишкин.— Какой сон я видел! Прилег днем, и вдруг жена явилась. Да такая ласковая... Надя, включи-ка погромче радио. А я ребятам тихонечко про свой сон расскажу. Ты еще ребенок, тебе такие сны рано видеть.

— Ишь какие сны тебе снятся,— ухмыльнулся Скипидаров.

— Весна, ничего не поделаешь...

Но рассказывать Васе не пришлось. По радио передавали вечернее сообщение Советского Информбюро. Все прислушались. После новостей с фронтов сообщили и об очередной операции ленинградских партизан: «..два отряда разгромили колонну карателей численностью в сто пятьдесят человек. Враги бежали, оставив на поле боя шестьдесят трупов. Партизаны взяли в плен трех фашистских солдат. Захвачены трофеи: два пулемета, три автомата, двенадцать винтовок, три с половиной тысячи патронов...»

— Ого, еще раз в сводку попали! — воскликнул Обжигалин.

— И про самолет сообщали. Тот, что у Беседок подбили,— заметил Шматов.— Там и Асмолов участвовал.

Пользуясь случаем, Иван Антонович вытащил из кармана фотографию, похвастался автографом Асмолова.

Толчишкин тоже полез в карман, достал свое письмо, которое он приготовил отправить в советский тыл, дал почитать Шматову. Иван Антонович с удовольствием согласился. Пробежал глазами по строчкам и вдруг не утерпел, весело захихикал. В письме он встретил такое словечко, которое можно услышать только в глухой псковской деревне. «Ты не сумлюйся», — писал Вася.

— Эх ты, деревня с дымом! «Не сумлюйся»... Да разве так говорят?

Толчишкин опешил, даже покраснел.

— Поправь за меня,— виновато сказал он.

— Хорошо, хорошо, Вася. Ты не сумлюйся, я поправлю,— с веселой издевкой ответил Шматов.

Но недолго пришлось редактору разыгрывать печатника. Вскоре Вася подловил Шматова. Увлекшись рассказом об устройстве засады, Иван Антонович не заметил, как сказал такое нелитературное словцо, которое оказалось похлеще Васиного.

— Это мы в два счета,— говорил Шматов.— Такое дело для нас — пара пустяков. Мы навыревши!

— Как, как ты сказал, Антоныч? — прищурился Вася.— «Навыревши»? Ребята! А мы не знали, с кем дело имеем. Это же создатель народного языка! Смотрите, как здорово звучит: навыревши, привыкши, поспавши...

— Ну, попало на язык. На весь вечер хватит,— смущенно улыбнулся Шматов и, чтобы перевести разговор на другую тему, сказал, поглядывая на Надю: — Пора бы поужинать! А то в животе неспокойно. Да и время уже.

— Мы ужинаем по своим часам! — отрезал Толчишкин.— Мы уже поевши. А если ты проголодавши — потерпи. И вообще в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Пора бы знать.

Но ужинать и в самом деле уже подошла пора, и Надя быстро собрала на стол. Заметив, что Шматов ищет глазами вилку, Толчишкин пришел ему на помощь:

— Не ищи, чего не положил. Обойдешься. Бог сказал ученикам: вилок нет, бери рукам. Будем есть по-божески.

— Может, спрыснем радостную новость? — робко предложил Шматов.

— А что? Есть что-нибудь в заначке? — спросил Костя.

— Есть тут самая малость. Крохи одни. Грамм по пятьдесят на человека.

Сначала Шматов налил Наде. Та затрясла головой и отставила кружку.

— Она у нас не пьет,— махнул рукой Толчишкин.— Только безалкогольные употребляет: коньяк, портвейн и шампанское.

Иван Антонович вытащил из миски сушеный гриб, пригляделся.

— Что разглядываешь? — поинтересовался Толчишкин.— В дновских лесах такие не растут? Ты бы лучше рассказал что-нибудь. Может, еда вкуснее покажется. Как ты эшелон чуть ли не одной рукой под откос пустил. Или как вы с моим тезкой Скипидаровым без единого выстрела целый вражеский взвод в плен взяли около Тюрикова...

— Дудки! Знаю твою хитрость. Пока я рассказываю, ты успеешь весь суп слопать. Тут и так есть нечего.

— Скоро с едой дело поправится. Теперь нам дотацию дали: клюква из-под снега появилась. Да ты не печалься, голодным не оставим. Еще Надя каши даст.

... Весь день был поистине необычным. В довершение всего вечером, впервые за многие месяцы, мы посмотрели кино. Самое настоящее кино! Сеанс состоялся в нашей землянке. В отряде «Буденовец» нашелся киномеханик — Павел Артемьев. Он-то и показал нам художественный фильм «Коллежский регистратор».

Вспыхнула электролампочка, необычно ярко осветила партизанское жилье и снова погасла. Артемьев крутнул рукоятку киноаппарата. Ожил экран, на нем забегали титры, задвигались, заговорили немыми ртами герои пушкинской повести. Сеанс начался, как в настоящем сельском клубе.

— Ну и ну! — не удержался кто-то.— Будто война кончилась.

После художественного фильма посмотрели документальную ленту «Разгром немецких войск под Москвой».

— Вот бы фашистам показать эту картину! Пусть бы поглядели, как они от нашей столицы драпали! — выкрикнул Толчишкин.

(А фашисты и в самом деле смотрели этот кинофильм. Начальник немецкого генерального штаба сухопутных войск Гальдер, скрупулезно записывавший все, что происходило в гитлеровской ставке, сделал такую запись:

«24 февраля. Во второй половине дня просмотр русского документального фильма о боях под Москвой».)

Позднее к нам доставили кинокартины «Щорс», «Чапаев», «Пугачев», «Александр Невский», «Дарико». Было изумительно: глубоко за линией фронта в кольце вражеских войск жило и здравствовало советское кино. Мчался на лихом коне Щорс. Поливал из пулемета легендарный Чапаев. Обнажал меч Александр Невский...

В ту ночь Васильев и Орлов долго не ложились спать. Они сидели у потрескивавшей дровами чугунки и тихо переговаривались. Прожитый день был таким волнующим, принес столько впечатлений, что сон к ним не приходил.

— Молодец вы, право!—как-то неожиданно вырвалась у Васильева похвала.—Ленинградцы знали, кого посылать в тыл врага.

Мысль перенесла Орлова в Ленинград, в город его комсомольской юности. Там он прошел большую школу жизни. В Смольном слушал Кирова и Жданова. Там же ему выдали «путевку»: идти во вражеский тыл.

Комиссар как бы мысленно разговаривал с родным городом: «Труден к тебе путь, Ленинград. Он лежит через села, занятые врагом, через немецкие блиндажи и окопы, через линию фронта. Но он есть, этот путь! Проехали же наши герои. Никакая сила не закрыла им дорогу к тебе!»

Орлов придвинулся к комбригу, положил на плечо руку.

— Ну вот, дорогу через фронт проложили. А теперь куда?

Васильев, тронутый расположением комиссара, оживился, обнял его и, задумчиво глядя в темное окно землянки, сказал тихо, но вдохновенно:

— Навстречу боям, Сергей!

Комиссар встал, надел полушубок и вышел, сказав с порога:

— Пройдусь немного. Подышу свежим воздухом.

Лес еще не сбросил зимнее убранство. На старых соснах и елях лежали пудовые пласты снега. Но вот поднялся ветер. Закачались, стряхивая с себя снег, могучие ветви деревьев. Ночные звезды словно играли в прятки в метавшихся из стороны в сторону еловых верхушках.

Уйдя в глубь леса, комиссар прислушивался к раскатистому басовитому голосу фронта. Звуки боя воспринимались как торжественный гимн. Они усиливались и приближались, радуя и ободряя. Орлов угадывал в этом гуле крепнущую поступь Советской Армии.

Уже накренилась набок Большая Медведица, показывая полночь, а Орлов все еще стоял, прислонившись к шероховатому стволу березы, и думал о том времени, когда советские войска продвинутся от Старой Руссы до Пскова и он войдет вместе с армией в свой родной Порхов, встретится с освобожденными людьми, с которыми прожито много хороших трудовых лет.

Тонкие, словно папиросная бумага, лепестки бересты приятно щекотали кожу разгоряченных щек Орлова. Утром над лесом прошел первый весенний дождь. Капли воды, падая на землю, сразу же замерзали. На дорожках образовалась ледяная корка. Трудно стало пройти от одной землянки к другой, скользко.

Но лес выглядел теперь нарядно. Все вокруг блестело. Как богатыри, стояли могучие дубы в ледяной кольчуге. Под ветром на деревьях лопался лед. По лесу шел непривычный, звонкий, веселый рокот.

Глава 17 И ПЕСНЯ, И СТИХ

Людмила Осокина, добыв ценные сведения и покинув Дедовичи, осталась в нашем партизанском лагере. Настроение у нее было пасмурное. Одолевали тревожные думы о матери. Беспокоясь за ее судьбу, Людмила в то же время тяготилась и своим временным бездельем, она искала применения молодой энергии.

Командование бригады устроило Осокину в землянку радистов, где жила и переводчица Эльма. Но ее тянуло к нам, работникам редакции. В первый же день пребывания в лагере она заглянула в наше скромное жилье. В землянке никого не было. Людмила села за самодельный дощатый столик, огляделась.

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Осокина потянулась к стопочке книг, скользнула взглядом по выцветшим корешкам. На глаза ей попалась тетрадь в кожаном переплете. На обложке печатными буквами было написано: «Любимые выражения Ивана Павлова». Осокина осторожно взяла тетрадь, наугад открыла ее. Вся страница была заполнена строками из стихов Пушкина.

Но не хочу, о други, умирать,
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...

Людмила перелистала несколько страниц, снова углубилась в чтение. Тут были записаны взятые в кавычки безымянные фразы. То ли собственные, то ли вычитанные из книг — никаких ссылок на авторов не было.

«Вся мировая история — это история войн. Мирное время как антракты между действиями. Но все же сбудется мечта человечества, когда история государств перестанет быть историей войн. Я верю — так будет. Люди прекратят убивать друг друга. Человек призван творить. В этом его назначение».

«Нет более строгого судьи, чем своя совесть».

«Самый бедный человек тот, кто беден душой».

Людмила закрыла тетрадь, прижала ее к груди и сладко прижмурила глаза. Чему-то улыбнулась. Потом вынула карандаш и написала на уголке: «И моя душа побывала здесь». И поставила жирный восклицательный знак, ставший в их отношениях с Павловым своеобразным символом.

Не знала она, что Павлов, прохаживаясь в это время по улицам Валдая, тоже вспоминал прошлое. Здесь они часто встречались с Людмилой и всегда почему-то выбирали высокие места. Обычно молодые пары устраивают свидания в укромных уголках, таятся в тенистых аллеях парков. А они выходили на открытый холм, на залитую солнцем поляну, как бы подчеркивая высоту своих чувств, гордясь своей любовью, не скрывая ее от людей.

И сейчас, находясь в Валдае, Павлов выходил на окраину города, окидывал взглядом заснеженную гладь озера, побелевший лесистый остров, а мысленно видел летний пейзаж: зеленые берега, блеск озерной воды, кувшинки в заводях. В записную книжку ложились строчки:

Чудна, роскошна здесь природа,
Она мне вдвое дорога:
Отсюда в дальние походы
Мы уходили — в тыл врага...

Осокина пребывала в одиночестве недолго. Вскоре в землянке появился Дербин, а там и я вернулся из Круглова.

Я пристально посмотрел на Осокину. Ею нельзя было не восхищаться. В мечтательно-задумчивых глазах девушки отражалась глубокая душа. «Волевая, сильная и в женственности никому не уступит,— думал я, как бы впервые разглядывая Людмилу. — К тому же гордая, знает себе цену. Какая-то в ней зрелая, умная красота».

В землянку влетел Толчишкин. Под мышкой у него была пачка только что отпечатанных газет.

— Свежая почта! Свежая почта! — кричал он, размахивая газетным листом.

Увидев меня, Вася выпрямился, сам себе отдал команду «Смирно!», взял под козырек и расплылся в улыбке. Он бережно положил газеты на стол, а из-за пазухи вынул стопочку листовок и с поклоном протянул мне. Это был оттиск «Песни нашего отряда».

— Фашисты нас минами, а мы их песнями будем лупить,— тут же прокомментировал Вася. — Вот, принимай, редактор, свое свежее оружие! Глуши врагов куплетами!

— А ведь зря смеешься, Вася, — обиженно сказал я, разглядывая листовку.

Ирония Толчишкина по поводу песни была неуместной. Ее действительно взяли на вооружение партизаны.

Я держал в руках листовку, сложенную в виде книжечки в два листочка. Она была напечатана на яркой желтой бумаге. Титульную страницу обрамляла рамка. Вверху, на линейке, слова: «Смерть немецким оккупантам!» Лозунг, вынесенный на обложку, призывал: «Партизаны и колхозники! Разучивайте и пойте эту песню!»

Прежде чем печатать листовку, я отнес оттиск комиссару бригады. Он уткнулся в текст. Николай Иванов, находившийся в землянке, тоже заглянул через плечо. Оба молчали, как будто они впервые читали песню. Я нервно курил, начиная тревожиться: уж больно долго задержались они на первых строчках.

— Трудно разобрать? — наконец спросил я, намекая на слеповатый оттиск.

— Да нет, к мотиву приспосабливаюсь. Вроде получается,— отозвался Орлов.

— По-моему, хорошо! — оторвался от текста Иванов.— В цель бьет. Длинновата только. Может, сократить?

— Не надо,— возразил Орлов. — Пускай всю разучивают. Теперь она будет нашим партизанским гимном.

Песня в тылу врага! Кто ее будет петь, если вокруг господствует кровавый фашистский террор, если за каждое неугодное врагам слово грозит смерть, если люди вынуждены даже разговаривать не в полный голос? До песен ли тут, когда кругом льется кровь родного народа, а сердце леденеет от боли и страданий?

Так я думал вначале. Оказывается, нужна была песня. Сердце просит песни не только тогда, когда человеку радостно и весело, но еще больше, когда ему тяжело и горько, когда в груди кипит ненависть. Тогда песня служит утешением, утоляет боль, согревает душу, укрепляет волю, рождает энергию.

Командир 2-й бригады, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза, Николай Григорьевич Васильев. Его имя было присвоено 2-й бригаде. 1942 год.

Политический руководитель Партизанского края, комиссар 2-й бригады Сергей Алексеевич Орлов. 1942 год.

Начальник штаба 2-й бригады В. А. Головай (в центре). Справа — партизанский врач А. И. Иванов.

На битву за родную землю поднялись все — от мала до велика.

Справа — командир 2-го полка П. Ф. Скородумов, рядом с ним — командир 1-го полка Н. И. Афанасьев. 1942 год.

Заседает Дедовичская тройка по восстановлению Советской власти в тылу врага. Справа в первом ряду — председатель тройки А. Г. Поруценко, рядом с ним — его заместитель Е. М. Петрова, крайний слева — член тройки В. И. Лильбок. Вместе с ними комиссар бригады С. А. Орлов. Позади стоят: начальник политотдела бригады А. Ф. Майоров (слева) и партизанский «уполминзаг», начальник продовольственного обоза, отправленного в Ленинград, Ф. Е. Потапов. 1942 год.

Бой заснять трудно. Но и такое удавалось фронтовым фотокорреспункта.

пондентам. На снимке: партизаны выбивают карателей из населенного

Командир 2-й бригады Н. Г. Васильев (в центре). Справа от него — заместитель начальника партизанского отдела фронта А. А. Тужиков, слева — начальник особого отдела 2-й бригады Н. И. Иванов. 1942 год.

Командир 1-й бригады Н. П. Буйнов (справа) и командир отряда «Ворошиловец» В. В. Павлов. 1943 год.

Командир 3-го полка Н. А. Рачков (в центре с автоматом) с группой партизан. Крайняя слева — заместитель председателя Дедовичской тройки Е. М. Петрова. Крайняя справа — медсестра Саша Павлова. 1942 год.

Редактор партизанской газеты И. В. Виноградов читает партизанам свои стихи.

Семен Иванович Засорин — тот самый Засорин, которого расстреляли фашисты и которого излечила от ран партизанский врач Лидия Семеновна Радевич.

Партизаны-лыжники в разведке. Впереди — командир отряда «Буденовец» Н. И. Синельников. 1942 год.

Юный партизан Вася Орлов. 1942 год.

Группа партизан ведет огонь по самолетам противника.

Медсестра перевязывает раненого. Вблизи идет бой...

Начальник штаба 3-го полка В. И. Ефремов (слева) и дедовичский партизан И. Т. Попов. 1942 год.

Работники особого отдела 2-й бригады Н. И. Иванов (слева) и С. Н. Старолатко. 1942 год.

Весельчак и балагур, душа лесной типографии печатник Василий Егорович Егоров (Толчишкин). 1942 год.

Медицинская сестра 3-го полка Саша Павлова. 1942 год.

Земляки из Порхова (слева направо): инструктор политотдела бригады Д. А. Дербин, комиссар бригады С. А. Орлов и редактор партизанской газеты К. П. Обжигалин. 1942 год.

Иван Антонович Шматов.

Командир отряда имени Горяинова Г. Т. Волостнов. 1942 год.

Ленинградский штаб партизанского движения готовил для борьбы в тылу врага кадры специалистов. На снимке: начальник отдела кадров штаба П. Г. Матвеев направляет группу партизан-радистов на краткосрочные курсы. 1942 год.

Начальник Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитин (в центре). Слева — его заместитель М. Ф. Алексеев.

На снимке (слева направо): кинооператор Б. И. Шер, начальник партизанского отдела фронта А. Н. Асмолов и комиссар бригады С. А. Орлов. 1942 год.

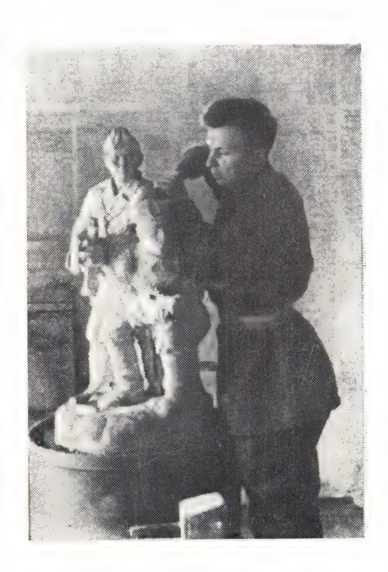
Партизан из отряда «Буденовец» В. Ф. Крылов.

Один из верных друзей партизан, колхозный бригадир из деревни Шемякино Иван Андреевич Гусев.

Комиссар 3-го полка И. В. Смирнов. 1942 год.

«Хозяйка» редакционной землянки Надя Семенова (слева).

Наборщик Василий Скипидаров. 1942 год.

Партизанский скульптор Л. Н. Барбаш за работой. 1942 год.

Партизаны на марше.

Встреча партизан в Валдае. На снимке (слева направо): врач Л. С. Радевич, командир полка Л. В. Цинченко, начальник политотдела А. Ф. Майоров, комиссар бригады С. А. Орлов и медсестра А. В. Егорова. 1942 год.

Встреча бывших партизан на месте деревни Железница в связи с 25-летием Партизанского края. Слева направо: К. Г. Тетерин, А. Я. Ермоленко, И. А. Шматов, Л. С. Радевич, А. Г. Поруценко, В. П. Объедков. 1966 год.

В президиуме собрания, посвященного 25-летию со дня организации партизанского продовольственного обоза. О том, как создавался обоз, рассказывает Е. М. Петрова. Справа — И. В. Виноградов и Н. И. Афанасьев. 1967 год.

Митинг в поселке Дедовичи по случаю 30-летия образования Партизанского края. Выступает Н. А. Рачков. 1971 год.

Из огромного числа песен мы выбираем те, которые отвечают нашему состоянию, настроению. Если бы удалось записать все песни, которые человек пел за свою жизнь, то можно было бы составить почти полное представление, как сложилась его судьба, что он в жизни испытал, когда пережил горе и когда радовался, когда разлучался с любимой и когда праздновал с ней встречу. И выходит, что песня — это и в самом деле судьба человека. Раньше я как-то не задумывался над этим. Но в годы войны убедился, что без песни человек не может жить на свете. Песня сопровождает его всюду. Сопровождала и на войне. Образное поэтическое слово здесь нужно было как хлеб.

Бывают песни радости, песни веселья, песни горя, а здесь требовалась песня борьбы, мужества и гнева. Именно такой песни не хватало партизанам. Укрывшись от врага в лесной чащобе или на заброшенном гумне, люди вполголоса пели суровые и прекрасные песни революции и гражданской войны. Любили старинную «Ревела буря, дождь шумел...» Чаще всего исполняли «Дан приказ: ему на запад...»

Как-то —было это еще в декабре сорок первого года— сказал мне, отозвав в сторонку, командир нашего отряда Леонид Цинченко:

— Вот бы нам свою песню, партизанскую! Чтобы в ней наши мысли и думы были выражены. Попробуй-ка, напиши!

Просьбу Цинченко я воспринял как боевое задание. Оно не было для меня неожиданным. О песне для партизан я не раз думал и сам. Понимал: в песне надо было сказать что-то очень важное, очень емкое, сказать от имени сотен людей. Это должна быть песня борьбы, мужества и гнева. Смогу ли справиться с такой задачей?

В густом промерзшем лесу писал слова песни. Враг тогда продолжал продвигаться на восток, захватывая наши города и села. Нас, партизан, было еще мало, вооружены мы были только винтовками и гранатами. Но какая непоколебимая вера в победу жила в сердцах людей! Мы принимали клятву, заверяя Родину, что не сложим оружия до тех пор, пока ни одного захватчика не останется на нашей земле. Победа или смерть!

Так я подошел к самому главному в своей песне: к словам, обращенным к матери-Родине, которые стали припевом:

Родная мать! Мы все полны стремлений
Громить врага как ночью, так и днем.

Скорей умрем, чем встанем на колени,
Но победим скорее, чем умрем!

Писать музыку у нас было некому, и я приспособил текст к готовой мелодии. Был избран величавый, мужественный мотив широко известного «Марша танкистов» из кинофильма «Трактористы». Первое волнение я пережил тогда, когда партизаны нашей роты в холодной тесной землянке с двумя ярусами нар запели песню прямо с листа походного блокнота. Потом они исполнили ее в промерзшем сарае, перед тем как начать атаку фашистского гарнизона в городе Холме...

Я держал в руках еще сырой, пахнущий краской листок, радуясь тому, что не только оружием, но и своим простым, немудреным словом, своим пусть негромким голосом участвую в общей борьбе с врагом. Взгляд мой упал на фамилию, напечатанную прописными буквами. Это вызвало у меня новые размышления. Снять или оставить фамилию? До этого я подписывался псевдонимами: Лесной, Северный, Береговой...

А не ставил я фамилию по весьма серьезной причине: тревожился за судьбу находившихся в тылу врага родителей, сестер и младшего брата. Хорошо было Косте Обжигалину и Ване Шматову, они выступали в печати открыто, под своим именем. Я им завидовал: у них не было родственников на захваченной врагом земле.

Уже пять месяцев, как мы покинули родные славковские места, ушли за сотню километров оттуда. Живы ли мои родители? Я и так навлек на них немало невзгод.

Вспомнил свои осенние походы в родную деревню Шемякино. Пробирался к ней засветло. Шел по лощинам и канавам, заросшим кустами, пока не достигал небольшого хвойного леса, от которого до села оставалось метров пятьсот. Идти дальше было нельзя, пока не стемнеет. Сквозь деревья виднелись поля и пастбище. Там возили снопы мои земляки. Люди о чем-то разговаривали, кому-то что-то кричали. Я не вникал в содержание разговора и криков. Меня захватывало то, что я слышал знакомые голоса. По ним я угадывал говоривших. Вот раздался звонкий женский голос. Это Иринья Кустова. Потом глуховато пробасил мужчина. Так это же Павел Тимохин! А чей же молодой голосок, словно бегущий ручеек, прожурчал на высоком возу? Ну конечно, Тонькин! Тонька Кононова... Я слушал, а показаться своим родным людям не мог. И мне было больно.

Как ни маскировался я, а все же слух о моих визитах прошел по деревне. Уже тогда до отца доходили уг-

рожающие намеки. Жил в деревне один нелюдимый, озлобленный человек. За ним прочно укрепилась кличка Саботажник. В годы оккупации он поднял голову. Увидел как-то, что отец старательно заготовляет на зиму дрова, не удержался, запустил камушек:

— Зря запасаешь. Может быть, и это останется.

Однажды к отцу заехал дальний родственник: возвращался откуда-то домой, запоздал, попросил пустить переночевать. Отец пытался на всякий случай заручиться поддержкой соседа. Подошел к нему, спросил:

— Посоветуй, как быть? Родной человек ночевать просится, вроде неудобно отказать, а тут запрет. Сам знаешь...

— Что ж ты меня спрашиваешь? — не подымая глаз на отца, ехидно улыбнулся Саботажник. — Когда сын приходил ночевать, ты без меня обходился, без всякого спроса пускал. А ведь он коммунист, слухи ходят — партизан.

— Что ты говоришь, сосед? — испугался отец. — Когда у меня сын ночевал?

— А ты не прикидывайся. Я ведь все знаю. И как он в дверь постучал, и как вы окна одеялами занавесили, и как под утро в подвал его переселили.

Значит, видел. Все было действительно так.

Когда я узнал, что своими посещениями поставил под удар отца, что ему из-за меня грозит опасность,— расстроился. Долго ворочался на нарах в землянке. В голову лезли воспоминания.

Война всему подводила итог, большому и малому. На рубеже жизни и смерти пережитое представало как на ладони. Прошлое и настоящее. Словно я достиг какого-то рубежа, и надо было оглянуться назад, отчитаться за все перед своей совестью, устроить суд над собой.

Как в калейдоскопе, в памяти проходили прожитые годы, месяцы, дни. Каждый неверный шаг жег душу. Вспомнилось, как меня берегли и жалели родители. Они отказывали себе во всем, лишь бы мне было хорошо. А я? Все ли я сделал для того, чтобы отблагодарить их за это? Всегда ли я был по-сыновьи внимателен к ним?

В те дни, когда я ночью проникал в родной дом, они ухаживали за мной, как за ребенком. Укрываться мне приходилось в подвале. Отец чуть ли не каждый час спускался ко мне: то с охапкой выдернутых в поле кустов гороха, то приносил мне ягоды или орехи. Мать нарочно не будила меня, чтобы я проспал до рассвета, а значит, остался бы еще на денек дома. Собирая меня в дорогу, она заботливо и хлопотливо наполняла мой вещевой мешок

продуктами, сетуя лишь на то, что мало вмещается да нести будет тяжело. Клала туда увесистые круглые караваи деревенского хлеба, яйца, огурцы. Этими продуктами можно было целые сутки прокормить весь наш отряд. Кое-что я пытался выложить обратно (надо же им было самим чем-то питаться), но мать ухитрялась опять все водворить на прежнее место. Она была готова отдать последнее для меня и моих друзей.

Меня мучило сознание того, что я не всегда, как мне казалось, был чуток и внимателен к родителям. Когда-то неласково поговорил, когда-то неприветливо принял.

Захотелось пойти еще раз в занятое немцами родное село. Не терпелось узнать, насколько велика угроза, нависшая над родителями, посоветовать им, как вести себя. Я не мог удержаться от этого рискованного путешествия. Одного меня не пустили: опасно. Предложили найти напарника. Пойти со мной согласился Вася Крылов.

Прошли мы незаметно. Осторожно постучали в окно. Отец открыл дверь, обрадовался, но тут же испугался: вдруг выследили?

В то время мы опасались раскрывать себя даже перед знакомыми. Но был у меня в деревне такой друг, которому я не мог не открыться. Лежа в подвале, я попросил сестру Марию сходить к нему и сказать, что я здесь. Этим другом был Иван Андреевич Гусев, бывший колхозный бригадир. Ему, как самому себе, я доверял все свои тайны. Человек большого мужества, романтик, Гусев искал чего-то героического. В мирной жизни не всегда требовался героизм, но Иван Андреевич искал и находил такие случаи, когда можно было проявить свои незаурядные качества. Например, он организовал в селе пожарную команду. И когда в деревне случался пожар, Гусев, забывая об опасности, рискуя жизнью, лез в огонь, спасал людей и их имущество, чем завоевал большую симпатию у односельчан. Во время войны с белофиннами потерял кисть руки, потому и оказался не призванным в армию.

Наделенный мужественным характером, Иван Андреевич никогда не изменял ему. Я не помню случая, чтобы он раскис или чего-то испугался, опустил руки или прослезился.

Я полулежал на земляном полу подвала. Передо мной были наган и пистолет ТТ. В руках держал гороховый клок, который мне принес прямо с нивы отец. С нетерпением ждал Гусева. Вот скрипнула крышка, которой прикрывался вход в подвал, и на жиденькой лесенке пока-

вались ноги, обутые в сапоги. Гусев грузно опустился на землю и посмотрел на меня. Словно ужаленный, он судорожно вздрогнул, с силой ударил себя по лбу и, закрыв ладонью глаза, отвернулся. Гусев плакал. Я впервые увидел на его глазах слезы.

— Это что ж такое? — с трудом выговаривал он слова, все еще не открывая глаз. — На своей земле... в родной деревне... Своими ногами каждый клочок вытоптали... Мы ведь дома, мы ведь хозяева. А прячемся, как воры... Неужели только и света для нас, что в этом окошке?

— Ничего, Андреич, вытерпим,— дрогнувшим голосом сказал я, не в силах подавить волнение.

Гусев стал моим первым помощником. Он снабжал нас хлебом, передавал нужные сведения, распространял листовки. Делал он это умело, проявляя находчивость. Среди листовок, которые я ему приносил, были воззвания к немецким солдатам. Напечатаны они были на немецком языке. Иван Андреевич подумал: «Листовки красочные, с рисунками. Если оставить их на большаке, то они могут не попасть к немцам — цветные листочки подберут ребятишки». Гусев вкладывал листовку в расщепленную палочку и по-русски писал на ней «резолюцию»: «Не трогать! Опасно!». «Свои люди прочитают эти слова и не прикоснутся к листовке. Тогда она попадет к тем, кому адресована»,— решил он.

— Вот что, Андреич,— сказал я бригадиру, положив на его плечо руку. — Помогай выручать старика. Если немцы допрашивать начнут, наговаривайте на меня все что хотите. Самыми черными красками малюйте. Говорите, что я был непутевым сыном, бросил отца и мать, не помогал им. Отец за такого сына не ответчик.

С отцом я заговорил мягко, душевно:

— Папа! Знаешь, зачем я пришел?

— Зачем? — насторожился отец.

— Прощения просить. За все, что было...

— Брось ты! — Отец потрогал усы, покашлял и сказал дрогнувшим голосом: — Было бы за что просить... А если и было, то кто об этом помнит? Это мы виноваты перед тобой. Не дали тебе хорошего детства. Нищета, голод, труд непосильный,— вот чем наделил я тебя. Прости...

Так мы просили друг у друга прощения, растрогавшись и не стыдясь слез.

— А теперь ты рискуешь из-за меня. И мать тоже.

— Не из-за тебя,— поправил отец. — А из-за верности нашей.

Сразу стало легче. Словно груз с плеч свалился.

— Не понимаю фашистов,— вслух размышлял отец.— Души у них нет, что ли. За каждый пустяк расправу учиняют. — Помолчал и совсем тихо добавил: — Если вы что-нибудь поблизости сделаете, нам с Андреичем не сносить головы. В первую очередь нас схватят.

— Наше дело такое. Мы должны делать. Дороги минировать, машины немецкие подбивать. Мы ведь тоже рискуем. А на фронте? Там сотнями, тысячами гибнут. Война, что поделаешь.

Отец посмотрел куда-то в сторону, потом перевел глаза на меня и сказал непривычно твердо:

— Ну, тогда отомстите за нас!

У меня что-то дрогнуло в груди. Я взглянул на отца, изумляясь его хладнокровию. Слова, такие знакомые, вдруг прозвучали для меня по-новому, приобрели иную силу, когда их произнес отец. Он сказал их ровно, спокойно, просто и мужественно, словно речь шла о чем-то обыкновенном, а не о смерти.

Тогда судьба поберегла отца. Жители деревни сумели отстоять его.

...Желтая книжечка в два листа с текстом песни разошлась тысячным тиражом по псковской и новгородской землям, быстро перебросилась в другие партизанские соединения. Ее пели в разных полках и бригадах, на привалах и в походах, в землянках и деревенских избах. Листки с текстом песни иногда пестрели на заборах и стенах домов.

...Запомнит враг советскую Псковщину
И не забудет красных партизан...

...Навечно жизнь останется за нами,
А злую смерть мы отдадим врагу!

Слова припева стали своеобразным паролем, по ним партизаны узнавали своих людей при неожиданных встречах.

Где только мы не встречались с песней! То видели ее переписанной от руки, то отпечатанной разными форматами на портативных типографских станках. Песню находили в дневниках убитых партизан, в конвертах, отправленных из тыла врага на Большую землю. Наконец, мы встречали ее в разгромленных партизанами полицейских управлениях, где желтая книжечка была подшита в папках вместе с протоколами допросов и портретами советских людей, видимо, поплатившихся жизнью за хранение партизанской листовки.

Писал я песню только для бойцов отряда «Буденовец», в котором в то время состоял. На большее не замахивался. Потому и назвал ее так: «Песня нашего отряда». Но партизаны многих других соединений ее тоже признали своей и назвали короче и выразительнее: «Клятва».

Мне льстило, что песня пришлась по душе партизанам. Но я отлично понимал, что вовсе не литературными достоинствами привлекла она внимание. Написанная торопливой неопытной рукой, песня была несовершенна, непомерно длинна и многословна. Она нуждалась в отделке и шлифовке. Но, видимо, мне удалось выразить внутреннее состояние партизан, их волю и силу духа, любовь к Родине и веру в победу. За это мне партизаны прощали литературные изъяны.

Песня продолжала жить. Она воевала в рядах партизан до конца войны. И в шумные весенние дни сорок четвертого года, когда партизаны победным маршем вступили на улицы Ленинграда, она вошла вместе с ними, витая над пестрыми колоннами овеянных славой и пропахших пороховым дымом народных мстителей. И сейчас, почти сорок лет спустя, когда пишутся эти строки, ветераны партизанской борьбы часто вспоминают песню Серболовского леса на своих торжественных сборах.

Но самым удивительным для меня оказалось то, что песня пересекла границы нашего края и была подхвачена латышскими и эстонскими партизанами. Разве мог я предположить тогда, что эту песню вынесут с поля боя латышские партизаны, возьмут ее себе на вооружение и доставят к берегам Западной Двины?! Случилось это так.

Как-то осенью сорок второго года группа латышских партизан пробиралась к линии фронта. Их путь лежал через Партизанский край, через топкие Рдейские болота, где встречались лишь маленькие островки, покрытые карликовыми березками и густо поросшие клюквой. На одном из таких островков латыши увидели костерок и лежащего рядом человека. Обрадовались: можно будет спросить дорогу, узнать обстановку. Подошли поближе. Еще тлели на угасающем костре угольки, еще не остыла в консервной банке сварившаяся картошка, а человек был мертв. На виске его запеклась кровь, руки прижимали к груди полевую сумку. Никаких документов при нем не оказалось, только лежала в сумке общая тетрадь, в которой была записана партизанская песня.

Латышские партизаны переписали песню в свои военные дневники, разучили слова, подобрали мелодию. Юные

разведчицы Лида Самуйлова и Валя Кулькова были переброшены в район Резекне. Гестаповцам удалось напасть на их след. Все, кто проходил тогда мимо тюрьмы, слышали, как из-за решеток раздавались звонкие девичьи голоса. Разведчицы пели партизанскую песню.

После освобождения Латвии вещи Лиды Самуйловой передали музейным работникам Риги. Среди них была и записная книжка Лиды с песней псковских партизан. Теперь эта маленькая реликвия хранится в Рижском музее Революции. Текст песни опубликован в сборнике на латышском языке.

Так спустя много лет после войны песня возвратилась ко мне из Риги с дарственной надписью бывшего партизана Ивана Музыкантика: «Спасибо за песню! С ней и латышские партизаны громили врага».

...Вечером к бригадной землянке подъехал всадник. Легко спрыгнул с седла, передал лошадь адъютанту и, пригнувшись, вошел внутрь. Это был командир бригады Николай Васильев. Он вернулся из 1-й бригады, где принимал участие в очередной боевой операции. В землянке его ждали Орлов и Асмолов.

— Как успехи, Николай Григорьевич? — не дав комбригу раздеться, поспешил с вопросом Орлов.

— Сейчас расскажу. Дайте отдышаться.

Васильев снял шубу, расстегнул ворот гимнастерки, сел. Затем вынул из кармана трубку, набил табаком, закурил и начал рассказывать.

Операция, о которой поведал комбриг, была и простой, и сложной. 17 марта над расположением партизан 1-й бригады появился фашистский самолет. Не сделав ни единого выстрела, он облетел несколько деревень и скрылся из виду. Что бы это значило? Партизаны недоумевали. Ждали результатов своей разведки.

Вечером разведка донесла: в Дедовичи в полной боевой готовности прибыл батальон карателей. Перед ними поставлена задача прорвать партизанскую оборону и углубиться в центр края.

Стали гадать: где пойдут фашисты? По льду Шелони или через Ясски? Вероятнее всего, по Шелони. Это самый короткий и наиболее удобный путь. Надо было устроить им преграду.

Всю ночь партизаны готовились к обороне. Отряды Тимофеева и Кондратьева, а также рота из отряда Климова залегли на берегу Шелони. Деревни Лемтихово, Каруево, Красные Новики, Заполье и Красулино были прикрыты партизанскими засадами.

Утро выдалось погожее, ясное. С первыми лучами солнца в воздухе зарокотали самолеты. Их было три. Развернувшись, они сбросили бомбы над Железницей, Городней, Хохловом и Подмошьем. Бродки и Хлебородово обстреляли из пулеметов. В нескольких местах вспыхнули пожары. Партизаны молчали, не обнаруживали себя.

Не заметив ничего подозрительного, самолеты повернули назад. Над Дедовичами сбросили вымпел. Это был сигнал. Получив его, каратели двинулись на партизанские деревни.

Колонна фашистов растянулась почти на полтора километра. Она приближалась к позициям партизан. Наши засады молчали, пропустили ее. Вот уже передние ряды врагов подошли к Красным Новикам. С полсотни солдат бросились к селу, ворвались на околицу. И только тогда партизаны открыли кинжальный огонь.

Наши бойцы были в выгодном положении. Окопавшись в погребах и укрывшись за постройками, они оказались практически неуязвимыми. Фашисты же метались под огнем на открытом месте. Неся потери, они отступили к Заполью. Но и тут не нашли спасения. Комиссар отряда Виталий Зайцев, взяв с собой взвод партизан, повел его в обход Заполья.

В это время головная рота противника наткнулась на засаду у деревни Лемтихово. У карателей — паника.

— Залечь! — скомандовал вражеский офицер.

Стреляя из минометов и двух пушек, фашисты попробовали пойти в атаку. Она захлебнулась. Произвели перегруппировку, снова двинулись на Лемтихово. И снова безуспешно: их встретили дружным огнем партизаны отряда Тимофеева. Одна из партизанских рот отряда была переброшена к деревне Каруево, чтобы нанести по немцам внезапный удар с тыла. Каратели снова оказались в кольце.

По общему сигналу в три часа дня партизаны пошли в атаку. Бой был жестоким. Бросая раненых, натыкаясь на засады, каратели позорно бежали.

В ходе схватки был и у партизан критический момент. Фашисты вели плотный огонь, а в отряде Тимофеева кончались патроны. Выручил воспитанник бригады, вернувшийся из госпиталя, тринадцатилетний Юра Пареньков. Он бросился к конюшне. Увидев там запряженную лошадь, Юра вскочил в сани и погнал в Бродки, где стоял штаб бригады. Через час он привез патроны. За смелость и находчивость его наградили потом медалью «За отвагу».

Бой на Шелони закончился полной победой партизан. Батальон противника был разбит. Около двухсот солдат и офицеров полегли убитыми и ранеными. Партизаны захватили четыре орудия и триста снарядов к ним, около сотни винтовок и автоматов, шесть ручных пулеметов, пятнадцать саней с боеприпасами и продовольствием.

— Вот так! Еще одна попытка врагов прорваться в Партизанский край отбита! — закончил свой рассказ комбриг.

Глава 18 НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ

В бригадной землянке было накурено. Сизый дым заволакивал и без того поблекшее в вечерних сумерках оконце. Комбриг Васильев, полковой комиссар Асмолов вместе с боевыми командирами продолжали разбор очередных операций. На северо-западе глухо погромыхивала артиллерия. Уже несколько дней фашисты обстреливали позиции партизан 3-го полка.

Теперь бои в крае шли каждый день. Правда, это не были крупные налеты или окружения. Чаще всего партизаны прибегали к засадам и ловушкам. Они устраивали их главным образом вдоль Шелони. Пускали немцев на лед или заманивали в лес, а обратно уйти не давали.

То и дело прибывали связные, возвращались разведчики. Начальник штаба Василий Головай едва успевал принимать донесения. Из сообщений связных вырисовывался весь боевой день. Много разных событий произошло в бригадах, полках и отрядах за одни сутки.

Удачную операцию провел отряд имени Бундзена. Фашисты двигались в Партизанский край. На дороге Точки — Коложо партизаны устроили засаду. Командовал операцией Иван Светлов. Убито около сорока карателей. Захвачены ценные документы. Командир полка Рачков вместе с комиссаром Смирновым лично участвовал в бою.

Возле Плещевки партизаны подбили фашистский транспортный самолет. Четверо немцев из экипажа сгорели вместе с машиной, шестеро были убиты в перестрелке, двое захвачены в плен.

У деревни Чернево пойманы четыре фашистских казначея. Ехали выплачивать деньги своим наемникам. Отобрано сорок пять тысяч марок и много важных документов.

Отряд «Ворошиловец», как доложил комиссар Григорий Рябков, удачно устроил засаду у шоссейной дороги. В бою отличился пулеметчик Василий Плохой...

Вошел майор Якушев, командир отряда «Храбрый». Отдал честь.

— Что-нибудь важное? — повернулся к нему комбриг. — Как прошел бой?

— Я разгромил карателей.

— Один? Или кто помогал? — спрятал улыбку комбриг.

— Никакой помощи со стороны не было, — не поняв иронии, ответил Якушев.

— А отряд где же был в это время? Отдыхал?

Лицо майора вспыхнуло.

— В операции участвовал весь личный состав отряда, — подавив смущение, сказал он.

— То-то! А я думал — один. Как говорили встарь, одним махом всех побивахом. Никогда не берите на себя то, что другие делают...

— Товарищ полковой комиссар, вам радиограмма! — сообщил вбежавший в землянку сотрудник штаба Павел Боровской.

Асмолов, волнуясь, взял узкую полоску бумаги, прочитал:

МОЛНИЯ.
Асмолову.

Выполнять поставленную вам задачу всеми силами. Вы подчиняетесь только Военному совету Северо-Западного фронта.

Ватутин.

— Николай Григорьевич! Вот и ответ на мой запрос. Все в порядке. Мы поступили правильно. Ни первую, ни пятую бригады перебрасывать не будем. Самое главное сейчас — закрыть врагам дорогу на Старую Руссу. Этому должно быть подчинено все! Сумейте разумно расставить силы. Я думаю, наш план оправдает себя.

Потом, вернувшись в Валдай, Асмолов резко говорил по этому поводу с Гординым.

— Как вы додумались отзывать партизан на другой участок фронта, когда они выполняли важное задание Военного совета? — с укором спрашивал Асмолов у Гордина. — Хорошо, что Ватутин вмешался.

— Это еще неизвестно, на чьей стороне была правда, — не сдавался Гордин. — Вы могли с успехом справиться с задачей силами второй бригады, а остальные перебросить на другой участок. Требовалось только побольше напряжения.

— Напряжения? — начинал сердиться Асмолов. — Там его хватает с избытком. Побывали бы сами... Из окна кабинета не многое увидишь.

...Разговор в землянке продолжался.

— А чем живет первая особая? — обратился комбриг к Никите Буйнову.

— Готовностью выполнить любое задание! — по-военному отчеканил Буйнов.

— Я на днях был у них, — вступил в разговор Майоров. — Все отряды объехал. С командирами встречался, с рядовыми разговаривал. Рассказывал об истории нашего края, о дальнейших задачах. Просил помочь колхозникам на весеннем севе. Мне понравилась обстановка в бригаде.

— Сейчас у нас бои назревают, — сказал Буйнов.

— Нам об этом уже докладывали, — заметил Васильев. — Надо бы сообщить штабу. Как, Алексей Никитович?

— Давай доложим. Подпишем вместе еще одну радиограмму.

Уходя из бригадной землянки, Николай Веселов уносил с собой новое донесение в штаб Северо-Западного фронта. Опять стучал ключ радиопередатчика, сообщая Большой земле свежие разведывательные данные:

Ватутину, Деревянко.

Нашей разведкой установлено: около 200 немцев, хорошо вооруженных, на лыжах, в маскировочных халатах прибыли с юга, заняли Веряжи, Большое и Малое Полисто, Овсище. В Замостье (10 километров южнее озера Полисто) обнаружен штаб неустановленной принадлежности. В деревнях Боровичи, Боровицы, Зайцево (все пункты в 14 километрах западнее озера Полисто) находится противник, откуда он ведет разведку в сторону Язвы, Селище, Большой Бор. По данным жителей, дорогу Марыни — Паново — Дупле немцы расчищают от снега. Жители Марыней по приказу фашистов заготовляют бревна.

Асмолов, Васильев.

Но не только на юге было замечено скопление карателей. Неприятное донесение доставил гонец из 5-й

бригады: «У северной границы края вспыхнули пожары, фашисты заняли Тюриково!»

Потом пошли сообщения из других соединений. Все они приносили тревожные вести: «В расположении полка Павла Скородумова появились фашистские танки!»; «В районе Маковья немцы опять подошли к самой Шелони»; «Отряд карателей вступил в Ясски»...

По донесениям можно было представить общую картину. Она была тревожной. Вот и подтвердились опасения Васильева: Партизанский край опоясывали фашистские каратели. В немецкие гарнизоны, расположенные вдоль границ края, шло пополнение. В «лесной республике» становилось напряженно.

— Ну, теперь глядите в оба! — предупредил Асмолов. — Враг не оставит вас в покое.

В землянку со свертком в руках вошел Дмитрий Дербин, остановился в нерешительности у порога, потом протянул сверток начальнику политотдела Майорову. Тот снял обертку и положил на стол перед Асмоловым два пухлых пакета.

— Не посчитайте за труд, Алексей Никитович. Передайте обкому партии и политуправлению.

— Это что за посылки?

— Наш груз известный. Документы, газеты, политдонесения. Кое-что для музеев посылаем. Тоже ведь надо. Знаете, как Беспрозванный просил.

— Хорошо! Отнесите Коле Евмину, пусть уложит.

Майоров сел рядом с Рачковым. Тот достал табак и приготовился закуривать.

— У тебя никак новая трубка? — заметил начальник политотдела.

— У Светлова выменял, — смутился Николай Александрович.

— Сменял шило на мыло. Та была куда лучше.

Любил Рачков всякие погремушки, увлекался ими. Менял трубки и зажигалки, пистолеты и пистолетики. Что-то детское было у этого горячего, храброго человека. Зная его слабость, командиры отрядов нередко дарили ему что-нибудь.

Получит Рачков новинку — похвастается своему начальнику штаба Ефремову:

— Василь Иваныч, иди-ка сюда! Я тебе такое покажу — ахнешь!

Покажет зажигалку. Ефремов начнет хаять. Рачков сердится:

— Бестолочь, что ты видел в жизни!

А если услышит похвалу — засияет, обрадуется, как дитя малое.

Люди, окружавшие Рачкова, подавали ему хороший пример. Бок о бок с ним находился комиссар полка Иван Смирнов. Человек скромный, уважительный, не претендующий ни на какое особое положение. А начальник штаба Василий Ефремов? Его трезвому хладнокровию, выдержке и такту могли позавидовать многие. Сколько раз Смирнов и Ефремов говорили командиру полка:

— Брось мальчишеством заниматься, плюнь ты на все это. В боевых делах тон задаешь, а пустяками балуешься.

Но Рачков был упрям. Зная его слабые места, комиссар Орлов нередко касался их в доверительных беседах. Отзовет Рачкова в сторонку и начнет с ним откровенный разговор.

— Редко ты с партизанами встречаешься, — говаривал ему Орлов. — Увлекаешься собственной персоной, а вот чем живут командиры и рядовые, мало знаешь. Партизаны — не безликая масса. У каждого своя биография, свои думы, свои планы, свои радости и горести. Великое дело — познать человека. Тогда все дела становятся легче. Ты будешь знать, кого и куда можно послать, кто и на что способен. В людях много скрыто богатства. Его только открыть надо.

— Что вы ко мне все с замечаниями да с наставлениями пристаете? — вспылит иногда Рачков. — Что я, хуже других?

— Ну, ну, уже и обида. Нетерпимый какой. В том-то и дело, что не хуже. Ты в боевых делах примером служишь, а вот тут не дорабатываешь. И замечаний не любишь. Помнишь, ты меня поправил, когда я, сидя в санях, от тебя рапорт принял? Мне, как бывшему секретарю райкома, и невдомек, что это нарушение воинской субординации. А ты человек военный, сразу заметил и поправил меня. Я же не обиделся? Так вот слушай. Командира должны не только бояться, но и уважать, любить, понял? У партизан это особенно важно. Но это заслужить надо.

— Пусть другие заслужат к себе такое уважение.

— Не выделяй себя. Народ сам выделит хорошего командира. Голову держи высоко, а нос не поднимай.

Как-то Орлов сделал упрек и комбригу Васильеву:

— Зря ты не поправляешь Рачкова. За храбрость — честь ему и слава, а за промахи надо бы пригрозить.

Обсуждали Рачкова и на заседании партийного бюро. Досталось ему там крепко.

Конечно, будь он рядовым партизаном, его слабости не были бы так заметны. У кого нет недостатков? Но Рачков занимал большую должность. А чем выше пост, тем ярче проявляется всякая черта характера, тем опаснее пороки человека. Любые слабости, порой самые безобидные, принимают уродливую форму. Недаром говорят: если хочешь узнать человека — дай ему власть.

Рачков и сам сознавал свои недостатки, старался избавиться от них, но часто выдержка изменяла ему, и он срывался. Не мог побороть свой характер.

«Это не только я, — успокаивал он себя.— Если б все зависело только от сознания, тогда бы легко людей воспитывать. Напечатать бы каждому правила поведения, раздать их — и дело с концом. А характер? Как с ним сладить? Вот настроишь себя, убедишь, а коснется дело — опять сорвешься».

...Вошла Людмила Осокина. Она привыкла обращаться непосредственно к командиру бригады и потому, не стесняясь присутствующих, спросила:

— Николай Григорьевич! Я знаю, вы наверняка готовите какие-то операции. Не забудьте обо мне. Могу же я в чем-то пригодиться.

— Напрасно беспокоитесь. Мы считаем, что вам надо отдохнуть, привыкнуть, а потом уже и за дела браться.

— Я уже который день без дела.

Начальник особого отдела Николай Иванов вскинул взгляд на комбрига, глядел на него упорно, ожидая ответного взгляда. Васильев уловил это и сказал добродушно:

— Знаю, знаю, о чем ты подумал, Николай Иванович. Но это риск. И немаленький.

Людмила догадалась, что Васильев и Иванов обменивались мнением по поводу какого-то задания. Решила высказать свое отношение к этому:

— Если вы обо мне, то пусть вас ничто не удерживает. Риск для меня дело знакомое. Я согласна на любое опасное дело.

— Хорошо, Люда. Будем иметь в виду. Но подумаем. И вам сообщим, — Васильев поднялся, дав понять, что разговор с Осокиной закончен.

Начальник партизанского отдела штаба фронта Алексей Асмолов все чаще поглядывал на часы. Времени до отъезда оставалось мало, а ему хотелось еще о многом поговорить. Больше месяца пробыл он в Партизанском

крае. Привык к обстановке, к людям, полюбил многих. Расставаться было грустно.

Мысленно он подводил итог своей командировки. Что нового появилось за это время в крае при его участии? В феврале была реорганизована бригада, образованы полки, создан политотдел. Укреплен штаб бригады, отработаны вопросы разведки, снабжения, аэродромной службы, налажено издание газет, учрежден особый отдел. А главное — изучен опыт борьбы крупного партизанского соединения.

— Спасибо, Алексей Никитович! За помощь, за науку, за все спасибо! — Васильев встал и положил на плечо Асмолова руку. — Если что не так было — простите. Все мы горячие, нервные. Иногда срывались.

— Ну уж про вас этого не скажешь. Вы человек ровный, выдержанный. Вот комиссар, тот еще может.

— Давайте посидим перед дальней дорогой, — предложил Васильев. — И поговорим по душам, как это принято при отъезде. Что вы нам скажете на прощанье? Какое напутствие?

— Вы люди опытные, закаленные, мне ли вас учить? А все-таки скажу.

Асмолов поправил ремни, стягивавшие его плотную фигуру.

— Ваша бригада самая крупная. Свыше тысячи бойцов — это уже сила. К тому же почти все местные, здешнюю географию знают хорошо. Я изучил ваши сильные и слабые стороны, видел работу командиров, политсостава, разведки. Узнал, на что способны ваши люди, как они подготовлены, чего им не хватает. Сам многому научился у вас. Какой вывод сделал? Вы приобрели боевой опыт. Знаете, как устраивать налеты, засады, диверсии. Умеете бить врага днем и ночью, маневрировать, использовать внезапность и разные тактические приемы. У вас есть опытные кадры. Правда, многие из них не кончали высшей военной школы, но зато успешно проходят эту школу в лесу. Да и некоторые партийные работники стали прекрасными командирами. Обо всем этом буду докладывать Военному совету фронта и Ленинградскому штабу. Скажу, что партизанское движение в этом районе стало массовым, всенародным. Вы имеете прочную основу — поддержку местного населения. Партизаны действуют и в других местах Ленинградской области, но такого слияния с местными жителями, как у вас, нигде нет. Здесь — сердцевина народной борьбы.

Далее Асмолов сообщил:

— Центр партизанского движения переместился в юго-восточные районы области, в полосу действий Северо-Западного фронта. Вы это знаете. Такого размаха, как южнее озера Ильмень, в бассейне рек Полисти и Шелони, в других местах партизанское движение, к сожалению, еще не приобрело. По нашим данным, в Ленинградской области действует сто пять отрядов. Их общая численность немногим более четырех тысяч человек. Из этого количества в пяти бригадах, которые дислоцируются на Северо-Западе, насчитывается около двух с половиной тысяч партизан. Вот вам наглядная арифметика. Выходит, все основные силы сосредоточены сейчас в Партизанском крае. Причем почти половина уничтоженных фашистов в тылу шестнадцатой немецкой армии приходится на долю второй бригады.

— Командующий группой армий «Север» генерал-полковник фон Кюхлер считает,— продолжал Асмолов,— что его предшественник Лееб не сделал всего возможного, чтобы не допустить партизанского движения в тылу группы этих армий и образования Партизанского края. Кюхлер стремится исправить его ошибку. Первое, что он решил, — освободить от партизан дорогу Чихачево — Старая Русса. А потом, до наступления распутицы, покончить с партизанами вообще и ликвидировать Партизанский край.

Асмолов вынул трубку, закурил.

— Вы сделали многое, за это вам огромное спасибо. Но...

— Я понимаю, Алексей Никитович. Вы хотите сказать, что вчерашней славой на войне не живут? — перехватил мысль комбриг. — Мы это знаем. Будем драться еще упорнее. Чтобы ни один отряд не сидел без дела. Вся наша жизнь — в действии. Только так мы выполним свой долг. Народ ждет от нас смелой, мужественной борьбы с врагом. А мы — народная армия. Наше дело исполнять волю народа. Будем хорошо воевать, значит, и авторитет, и материальная база — все у нас будет.

— Правильно! — одобрил Асмолов.

Он не сомневался в искренности этого заявления. Комбриг не бросал слов на ветер. Да и по природе своей он не любил бездействия. Затишье расслабляло его. Зато как преображался Васильев в боевой обстановке!

— Вы командиры не только второй бригады, а всего Партизанского края, — продолжал полковой комиссар.— Так будет и впредь. Край, в котором собрались крупные вооруженные силы, должен иметь одного хозяина.

Иначе неизбежны анархия и несогласованность. Сейчас у вас действуют четыре бригады. Все они в оперативном плане подчинены вам. И Буйнов из первой, и Лучин из четвертой, который вот-вот подойдет, и Воронов из пятой — все должны выполнять ваши приказы беспрекословно. А появятся здесь новые партизанские соединения, они тоже будут в вашем подчинении. Действуйте!

Асмолов бросил взгляд на карту, где четко выделялся обведенный красным карандашом район Партизанского края, сказал с подъемом:

— Товарищи! Защищайте и расширяйте свою территорию! Это не просто клочок земли. Это военная, политическая, экономическая и территориальная база партизан. Я бы сказал еще больше. Партизанский край — это колыбель организованной массовой народной борьбы на нашем участке фронта. Не удивляйтесь такой высокой оценке, я ничего не преувеличиваю. Ваш край становится настоящим боевым университетом. Мы будем посылать сюда на выучку новых командиров партизанских соединений.

Алексей Никитович был прав в своем предвидении. Ох как пригодится опыт Партизанского края в новых условиях, в новых районах! Его, как испытанный метод борьбы, используют потом многие партизанские командиры. Этому району, с его дремучими лесами и болотами, суждено будет стать трамплином, с которого партизанские соединения сделают крупный бросок на запад.

— Обстановка на этом участке изменилась, — продолжал Асмолов. — Передовые части по приказу командования отошли на восток, на рубеж реки Ловати. Об этом я узнал от Ватутина еще в начале марта. Цель тут ясна. Линия фронта растянулась. Надо было ее сократить. А главные усилия сосредоточить на разгроме демянской группировки. Что делать вам в этих условиях? Блокируйте, держите под контролем железные и шоссейные дороги, взрывайте мосты, пускайте под откос эшелоны! Не давайте врагам питать окруженную шестнадцатую армию и подбрасывать силы под Ленинград! Действуйте не по принципу: бей врага, кто как может, а по строго разработанному плану. Партизанская война — это не месть, а военные действия. В этом залог успеха.

Асмолов не был новичком в военных делах. За его плечами почти четверть века воинской службы. Участвовал в событиях на Китайско-Восточной железной дороге, в освободительном походе в Западную Белоруссию. Пе-

ред войной окончил Военную академию имени Фрунзе, был командирован в Прибалтийский особый военный округ, где и встретил войну в должности заместителя начальника особого отдела округа. Все это давало ему право на тактические советы и указания.

— Не позволяйте врагу собирать крупные силы против края. Бейте их по частям. Деревни подготовьте для круговой обороны. Каждое село должно стать крепостью. Огневые силы расставьте так, чтобы простреливался любой метр пространства. И не ждите, старайтесь нападать сами. Атакуйте внезапно, стремительно. Внезапность — ваше главное оружие. Подумайте о рейдах в соседние районы. Совершайте глубокую разведку в сторону Порхова, Острова, Дно, Пушкинских Гор.

Орлов встал из-за стола и зашагал взад и вперед по землянке с заложенными за спину руками. Так он поступал часто, и все уже к этому привыкли.

— Скоро у нас будет вдвое больше бойцов, — вот тогда размахнемся! — запальчиво сказал комиссар. — На запад пойдем! Послушаем плеск Чудского озера.

— Тут перед началом нашего совещания ко мне поступили вопросы, — сказал Асмолов. — Один из командиров спросил меня, почему мы мало взаимодействуем с фронтом. Я считаю, что вопрос задан не совсем точно. Мы не ведем сейчас вместе с регулярными частями каких-либо общих боев, как это было, скажем, при взятии Холма и Белебелки. Это верно. Такие бои в данный момент не вызываются необходимостью. Но это вовсе не значит, что мы не взаимодействуем с фронтом. А удары по коммуникациям врага, уничтожение живой силы и техники противника, разгром узлов сопротивления, — разве это не является прямой помощью фронту? А ценные сведения, которые вы сообщаете штабу? Они же помогают войскам в разработке операций, в разгадывании планов врага.

Кроме того, вы отвлекаете крупные силы немцев на всевозможные экспедиции, на охрану железных дорог, станций, аэродромов, складов и штабов. По нашим подсчетам, в полосе Северо-Западного фронта немцы держат на охране объектов и в борьбе с партизанами не менее двадцати тысяч солдат и офицеров. Это же более трех пехотных дивизий. Как это назвать, если не взаимодействием с фронтом? А придет час — будем и воевать вместе.

Был задан и такой вопрос: не уйти ли партизанам за пределы края и начать бои в новых местах? Зачем? Не

вижу целесообразности. Мы должны оберегать край, а не уходить из него. Это — советский район в тылу врага. Партизанский край имеет глубочайший политический смысл. Его сила уже в том, что он существует. О нем знают на всей ленинградской земле. Сколько месяцев держится советский островок в тылу врага! Фашисты пытаются подавить его огнем и железом, на земле и с воздуха. А он стоит как маяк. Что же тогда говорить о всей нашей стране? Не быть Гитлеру в России! Вот какой вывод делают из этого жители временно оккупированных сел и городов. Край вдохновляет на борьбу население и подпольщиков. Сюда идут все, кто хочет воевать с врагом. И военнопленные, и окруженцы. А с какой опаской поглядывают на Партизанский край всякие предатели! К тому же здесь гораздо сподручнее воевать. Местность вы знаете отлично и можете всегда принимать бой в более выгодных тактических условиях. Вы имеете возможность заблаговременно подготовиться к встрече карателей, устраивать им огневые мешки и засады. Получается, враг сам приходит в ловушку. Как говорят, на ловца и зверь бежит...

В дверях показался связной. Лицо его было встревоженно. С трудом пробираясь между скамеек, он торопливо прошел в передний угол и что-то шепнул на ухо Рачкову. Командир полка сразу же склонился к уху Васильева. В избе зашумели.

— Не волнуйтесь, товарищи, — поспешил успокоить Васильев. — Вспыхнул пожар в Лемтихове. Туда выслана разведка.

— Мне пора! — Асмолов стал готовиться к выходу. Вслед за ним поднялись и остальные.

— Горько от вас уезжать, — сказал Алексей Никитович, поблескивая серыми глазами, покашливая, словно у него першило в горле. — Привык, врос в вашу семью. Долго вспоминать буду. Ну, прощайте!

Асмолов горячо обнял Васильева, расцеловал его. Так же тепло простился он и с другими командирами.

— Рано прощаетесь, Алексей Никитович, мы еще по Серболовскому лесу вместе с вами проедем, — сказал комбриг и начал одеваться.

Провожать Асмолова собрались комбриг Васильев, Сергей Орлов и заместитель комбрига по хозяйственной части Александр Афанасьев.

Направляясь к саням, Асмолов остановился, повернулся лицом к лагерю, несколько секунд постоял молча. Потом запахнул полы шубы и сел на повозку. Васильев

и Орлов ехали с ним в одних санях. На второй подводе устроились остальные. Лошади понесли седоков к партизанскому аэродрому — Краснодубскому озеру.

По дороге Асмолов уговорил Васильева и Орлова вернуться назад.

— Зачем же столько провожатых? — сказал он. — Пусть Александр Семенович прокатится. И вполне достаточно.

Комбриг и комиссар согласились. В лагерь они возвратились рано, еще до захода солнца.

— Отдыхай, Сергей, — сказал Николай Григорьевич, снимая с плеча планшет.

— А ты?

— Я скоро приду.

Васильев вышел из землянки и сразу попал под упругие порывы ветра. Они набегали один за другим, звенели, словно надутый парус, заламывали ветви деревьев, стряхивая последний, залежавшийся снег. Белые ноздреватые комья медленно сползали вниз и рассыпались зернистым сахаром на потемневших тропах.

На главной «улице» комбриг встретил начальника особого отдела Николая Иванова. Он шел в белой шубе нараспашку, уши зимней шапки тоже не были подвязаны, ленточки болтались из стороны в сторону. Васильев хотел сделать ему замечание, но воздержался, увидев за его спиной Алешу и Марию Веселовых.

— Разве ты еще не ушел? — удивленно спросил Алешу Васильев.

— Пока нет, товарищ комбриг. Готовлюсь.

— Не рискуй, не медли. Какой срок тебе установили гестаповцы? — обратился Васильев к Марии.

— Сказали, если не вернусь через полтора месяца, то... Сами знаете, что они сделают с родителями. — Голос Марии дрогнул.

— До срока остались считанные дни. Надо спешить. Отправьте с ним еще кого-нибудь. Надо стариков выручать. А то немцы не будут церемониться. Дочь исчезла, командиры бригады живы и здоровы... Вы все продумали, Николай Иванович? Нашли способ, как это сделать?

— Нашли. Думаю, что перехитрим немцев.

— Желаю удачи! — Васильев поднес руку к виску и пошагал дальше. Обернулся и все-таки не стерпел, бросил вдогонку: — А пуговицы даны для того, чтобы их застегивать.

Тут он увидел Орлова, идущего следом. Подождал.

— И тебе, Сергей, не спится?

— Где там! Событий-то сколько! Голова кругом.

Меж деревьев, за спиной комиссара, мелькнула стройная фигура Осокиной. Разведчица проходила совсем близко и хорошо слышала разговор командиров. Васильев понял это, но сделал вид, что не замечает ее.

— Как нам нужны сейчас боеприпасы! — неожиданно воскликнул комбриг. — И чем больше, тем лучше!

— Если с самолетами заминка, то пусть бы Ципченко с Павловым поторопились, — продолжал его мысль Орлов.

Услышав имя Павлова, Людмила инстинктивно повернулась в сторону говоривших.

— Павлов вообще здесь очень необходим, — сказал Васильев с явным расчетом заинтересовать разговором Осокину.— Такое горячее время, а его нет. Даже разведчики головы повесили, заскучали без своего начальника.

«Вон что! Значит, он заметил меня, — догадалась Людмила. — Наверно, и разговор этот начал специально, чтобы я слышала. Ну, что ж! Верно: тоскую. Разве этого стыдиться надо?»

Осокина решительно подошла к Васильеву и Орлову. На ее волосах, выбившихся из-под платка, искрами сверкали иглистые снежинки. Красиво это выглядело: белый снег на каштановых локонах! Как бы невзначай Людмила спросила:

— Возчики не скоро назад вернутся, Николай Григорьевич? Слышно что-нибудь от них?

Васильев улыбнулся одними уголками губ.

— Скоро. От Павлова пришла радиограмма. Все в порядке. Возчики готовятся к возвращению, а он задерживается. Его вызвали в Валдай. Будет выполнять новое задание. На автомашинах и подводах повезет оружие в Партизанский край.

«Жив! Жив!» — просияла Людмила. И уже открыто, не стесняясь, кокетливо склонив на плечо голову, сказала:

— Разведчики действительно по нему скучают, это вы верно сказали. А он что-то совсем про нас забыл.

— Это неправда! — возразил комбриг. — Даже в радиограмме про вас спрашивает. Беспокоится. Просит передать, чтобы вы еще осторожнее работали.

— Шутите, Николай Григорьевич! До нас ему там,— попробовала не поверить Осокина, но сердце ее наполнилось радостью.

В эту минуту так неожиданно вспыхнули ее щеки, заблестели поднятые на комбрига глаза, что скрыть свое

состояние Людмила уже не могла. Да она не очень-то и пыталась это делать. Ведь всякой тайне когда-нибудь приходит конец. Осокина давно знала, что комбригу известны их прошлые отношения с Павловым. Теперь же одним своим взглядом она дала ему неопровержимое подтверждение того, что любовь не прошла, не погасла.

Смутившись, Осокина отошла в сторону, направляясь в лагерь. Орлов тоже решил вернуться назад.

— Ты иди, Сергей, а я прогуляюсь, — сказал комбриг и крупно зашагал по тропе, преодолевая сопротивление ветра.

...Порывисты и звонки весенние ветры. Они круто гнут к земле оттаявшие прутья ивы, молодо шумят в густой сосновой хвое, сгоняют с полей снег. Выйдет человек в поле, схватится обеими руками за шапку, чтобы не слетела, и жадно, полной грудью вдыхает свежий, пахнущий весенними соками воздух. Нелегко идти человеку против ветра, но зато как приятно ощущать в себе свою силу, упрямо шагая вперед и вперед.

Навсегда запомнились нам весенние ветреные дни марта 1942 года. Они принесли нам большую радость — славные успехи советских людей на фронте и в тылу врага. Удары Красной Армии под Москвой, на юге и на северо-западном участке фронта, письма в Кремль, обоз в Ленинград — все это всколыхнуло Партизанский край, удесятерило силы народа. Только больно было сердцу оттого, что вместе с добрыми вестями и ароматом весны ветры приносили горький запах пожаров и пепелищ, а на холодную, еще не проснувшуюся землю падали и падали сраженные войной советские люди.

Васильев шагал все дальше и дальше, пока не вышел на главную просеку Серболовского леса. Видимо, ему хотелось одному побыть на этой дороге, с которой связано столько воспоминаний. Обычно одетый по всей форме, на этот раз комбриг расстегнул крючки длиннополой шубы, подставив грудь ветру.

Широкая просека была памятной для партизан. Здесь объединились народные мстители в грозные дни лета сорок первого. Отсюда начинал свой беспримерный поход к линии фронта партизанский обоз. На этой лесной дороге собирались теперь отряды, чтобы грудью встать на защиту края.

Высокий, в распахнутой шубе, полы которой отбрасывал ветер, Васильев долго стоял, повернувшись к солнцу, и чему-то безмолвно улыбался. Его продолгова-

тое, с тонкими чертами лицо было тронуто первым загаром.

По сторонам, расправив блестевшие ветви, высились могучие дубы и березы. Косые лучи солнца весело сверкали на влажной, льдистой дороге. На востоке, напоминая весенний гром, рокотали орудия. Фронт не отдыхал ни днем, ни ночью.

Командование бригады тогда еще не знало, а только предполагало, какие крупные и тяжелые бои придется вести бригаде весной и летом на этом участке партизанского фронта. Придут новые силы в расположение 3-го полка, и начнутся новые жаркие сражения. Враг пустит в ход авиацию, артиллерию, танки. Партизаны мобилизуют всю свою волю и мужество. Уже с конца марта в Ленинград и Валдай партизанскому руководству и штабу Северо-Западного фронта ежедневно будут докладывать Васильев, Орлов и Головай о победах и поражениях, об ударах, нанесенных врагу, и о собственных потерях. Лаконичные тексты радиограмм понесут в советский тыл все новые и новые сообщения. Среди них будут и такие, которые партизанскому командованию не стыдно было бы направлять не только в штаб фронта, но и в Ставку Верховного главнокомандования.

Все это предстояло пережить в будущем. Еще не раз сойдутся в смертельной схватке на этом многострадальном клочке земли партизанские силы с вооруженными до зубов ордами карателей. Хлынет вторая вражеская экспедиция, потом третья, затем четвертая... Грозные и разрушительные волны экспедиций захлестнут границы Партизанского края. Но так и не смогут смять, уничтожить его людей, гордо и мужественно вставших против вероломного противника.

А сейчас Васильев шагал по лесной просеке, то и дело проваливаясь в снег, беспокойно думая о ближайших днях, когда пополненный новыми силами 3-й полк вступит в бой с прорвавшимися в Партизанский край карателями.

...Алексей Никитович Асмолов рассчитывал, что в ту же ночь он перелетит линию фронта, а утро встретит в Валдае. Но не зря говорят: домашние планы в дорогу не годятся. Не удалось Асмолову ни в эту ночь, ни в следующую вылететь в советский тыл. Не было самолетов. С надеждой вслушивался он в звуки военного ночного неба, но, кроме завывания запоздавших «юнкерсов» да глухих разрывов бомб, ничего не слышал.

В Валдай полетела радиограмма:

МОЛНИЯ.

Тужикову.

Третий день нет самолетов. Ускорь высылку. Жду озере Краснодубском.

Асмолов.

19.3.42.

Радиограмма возымела действие: уже в следующую ночь Асмолов услышал над головой знакомый басовитый гул долгожданного У-2. Маленький легкокрылый самолет скользнул по льду озера, взял на борт начальника партизанского отдела штаба фронта и доставил его на Большую землю.

Глава 19 ЭХО СЕРБОЛОВСКОГО ЛЕСА

Прибыв в Валдай, Асмолов сразу же попросил доложить о дальнейшей судьбе партизанского хлебного обоза и сопровождавшей его делегации. Ему сообщили, что по распоряжению начальника штаба Северо-Западного фронта Николая Федоровича Ватутина продукты питания, вывезенные из тыла врага, были доставлены на станцию Черный Дор, перегружены в вагоны и отправлены по железной дороге к Ладоге.

Что касается делегатов, то все они — двадцать два человека — тоже благополучно пересекли фронт, но в другом месте. Один из них — пулеметчик Михаил Харченко, которому было разрешено ехать непосредственно с обозом, теперь снова соединился с делегацией. Некоторое время партизаны побыли в расположении Восьмой гвардейской дивизии, а сейчас во фронтовых автобусах двигаются по направлению к Валдаю. Отсюда через Боровичи, Хвойную, Тихвин и Ладожское озеро они направляются в Ленинград. О том, что начальник бригадной разведки Иван Павлов вызван в разведывательный отдел фронта и находится в Валдае, Асмолов уже знал.

...В полдень автобусы доставили партизанских делегатов на поросший березняком мыс, к дому под номером два на Кузнечной улице. Это был небольшой одноэтажный деревянный домик с квадратными окнами и тесовой крышей. До войны в нем размещался сельскохозяйственный техникум, а сейчас здесь сходились пути многих партизан.

У дверей стоял часовой. Увидев автобусы, он торопливо взбежал по ступенькам крыльца.

Первым из дома вышел статный, осанистый человек с четырьмя «шпалами» на петлицах. Руководитель делегации Александр Поруценко сразу узнал начальника партизанского отдела, полкового комиссара Алексея Асмолова. За ним спустились уполномоченный Ленинградского обкома партии Василий Гордин, заместитель Асмолова Алексей Тужиков и какой-то незнакомый военный, на петлицах которого поблескивали ромбы. Как оказалось при знакомстве, это был начальник политуправления фронта, бригадный комиссар Алексей Иванович Ковалевский. За ними, строго соблюдая субординацию и держась на определенном расстоянии, следовал Петр Савельев — невысокий, плотный человек, оперативный работник штаба. Все они были одеты по-военному.

Асмолов окинул веселым взглядом делегацию, протянул вперед руки:

— Здравствуйте! Вот и опять встретились! Ну как? Вышло дело? Не зря начинали? С победой вас, товарищи!

Несколько минут длились рукопожатия, возгласы, расспросы.

— А я только вчера из края! — сообщил Асмолов. — Вы по земле, а я по воздуху.

— Как там? Ничего не случилось? — беспокойно спросил Поруценко.

— Особых новостей нет. Фашисты все еще жгут деревни. Каждый день пожары. И карателей понаехало много. Обстановка сложная.

— Это плохо! — не сдержался Харченко и, здороваясь, сжал до хруста пальцы Асмолова. — Жаль, что мы проездили долго. Надо назад поворачивать! Там война, каждый человек на счету, а мы прогулки устраиваем.

Поруценко с укором посмотрел на Михаила.

— Еще навоюешься, не спеши. Войне конца не видно, — шепнул он.

— Михаил правду говорит, — вмешался и партизанский староста Илья Гришин, который тоже был в числе делегатов. — Торопиться надо.

— Ты-то, папаша, можешь и здесь остаться. В советском тылу работники не меньше нужны, — улыбнулся старику Савельев.

— Не могу! — решительно возразил Илья Петрович. — Никак не могу. Слово такое дал. За мной там и «должность» числится.

Самый общительный из всех — Алексей Тужиков — уже где-то затерялся в толпе, только слышался его звонкий веселый тенорок:

— Ну как, Миша? На охоту ходишь? «Дичь» попадается?

— Сто сорок семь на счету, — глуховато ответил Харченко.

— Ого! Этак ты к концу войны целый батальон перестреляешь... А у тебя как дела, Антоныч? Советскую власть в Дновском районе восстановил?.. Коля! Привет!

Тужиков был весь в движении: кого-то обнимал, кому-то жал руки, с кем-то целовался. Вот так же вел он себя и там, в Партизанском крае. Плотный, коренастый, в черном полушубке с белым воротником и в серой армейской ушанке, он бодро шагал по лагерю, дымил папиросой, направо и налево кидал шутливые реплики. С лица не сходила добродушная улыбка. Будто и не замечал он перемены обстановки, будто находился не за линией фронта, а на обычной работе в советском тылу. Иные, оказавшись на оккупированной земле, вначале с трудом скрывали охватывавшую их робость. А Тужиков словно бы всегда был среди партизан и давно уже привык к их беспокойной, опасной жизни.

С военным делом Тужиков не был знаком и первое время постоянно обращался к Асмолову. Потом быстро освоился, стал сведущим человеком. У них удачное сочетание: Асмолов имел отличную военную подготовку, а Тужиков был отменным организатором. Не раз Алексей Никитович говорил ему: «И как ты все это умеешь? И с летчиками свой, и с партизанами душа в душу».

— А Иван Иванович так и не встретил вас? — спросил Тужиков, имея в виду первого секретаря Залучского райкома партии Иванова. — Он был отправлен в Парфино, к старорусским партизанам. Там вместе с Глебовым, Лучиным и Трусовым провожал к вам новую бригаду. Когда мы узнали о выезде делегации, дали ему поручение немедленно перебазироваться в Рахлицы, чтобы встретить вас. Не успел, что ли?

— Да нет, Алексей Алексеевич, — ответил Поруценко. — Мы же изменили маршрут. Вот и разминулись.

Асмолов пригласил группу делегатов к себе в кабинет. Адъютант, в прошлом пограничник, Николай Евмин оповестил всех работников отдела, чтобы явились к начальнику. В комнату заходили офицеры связи, штабисты. Некоторых партизаны уже знали, с иными знакомились впервые.

Во время беседы снова открылась дверь, и в комнату вошли еще двое мужчин в гражданской одежде.

— Вот кстати! — воскликнул Асмолов и кивнул делегатам. — Знакомьтесь: это руководители Валдайского района.

— Коленов! — представился первый, он был почти на голову ниже своего соседа. — Секретарь райкома партии.

— Филипьев Николай Николаевич, — отрекомендовался второй. — Председатель райисполкома.

— Вы когда созываете митинг, Александр Васильевич? — с ходу спросил Асмолов.

— Завтра! В восемнадцать ноль-ноль. На площади,— по-военному ответил секретарь.

— Слышали? — повернулся Асмолов к делегатам. — Не забудьте! На митинге надо быть всем.

— Можно спросить: кто будет выступать от имени делегации? — поинтересовался Коленов.

Партизаны посмотрели в сторону Поруценко.

— Известно кто — Александр Георгиевич! — за всех ответил Гришин.— Человек он политически кругозорный, ему и выступать, лучше его кто скажет?

— Так и порешим? — приготовился записывать Коленов.

— Так, так! — зашумели делегаты. — Он наш голова, ему и карты в руки.

— Тогда нам надо сегодня привести себя в порядок! — заторопился Поруценко. — Побриться, почиститься, скинуть шапки-треухи...

— Конечно, — подхватил Виктор Скок. — Что это за вид? Вон Белянкин со своей бородкой на артиста Жакова похож...

— Бриться? — насторожился Асмолов. — Ни в коем случае! Меня Никитин специально об этом предупредил. Вы должны сберечь ту форму, какую имели в тылу врага. Переодеваться и брить бороды не разрешаю! Поедете в шубах, треухах, в шинелях. Внешний вид надо сохранить в неприкосновенности. Ясно?

Задолго до назначенного часа широкая площадь начала заполняться людьми. Многие пришли пораньше, чтобы подойти ближе к делегатам, поглядеть на них, а если удастся — поговорить. Приветливо колыхались на ветру, мягко шуршали красные полотнища, которых уже давно не видели партизаны. Вдоль забора был протянут многометровый лозунг: «Сегодня вместе с вами мы говорим: „Русский народ никогда не будет стоять на коленях!“»

В стороне от трибуны, поблескивая начищенными трубами, разместились музыканты.

В центре большой пестрой толпы стояли двадцать три человека с автоматами: к делегатам присоединился Иван Павлов. Одеты они были по-разному: кто в шубе, кто в фуфайке. «Тетя Таня» предпочла в дальнюю дорогу короткое полупальто. Катя Сталидзан не расставалась с шинелью. Большинство носило полушубки. Народ с любопытством разглядывал партизан, приехавших с «той стороны», из-за линии фронта. Некоторые вступали с ними в разговоры.

Невысокая старушка, приглядевшись к партизанам, несмело подошла к Михаилу Харченко, подергала его за рукав шинели:

— Скажи, хлопчик, а страшно в бою? Пули свистят, смерть ходит рядом. Мне-то можно сказать. Ну скажи, хлопчик, страшно?

— Знаешь, мать, умирать всегда страшно. Только в бою об этом не думаешь, забываешь. Вот когда сидишь в укрытии, а справа и слева фашисты идут, окружают. Справа — сто человек, слева — еще сто, а нас небольшая группа. Вот тут жутко. А как начнешь стрелять — страх как рукой снимает. Только одно желание — победить.

— Страшно, пока не обстрелян, он правду говорит,— вмешался партизан Виктор Скок. — Век не забуду, как я в первый бой ходил. Все идут, и я иду. А тут палят. Даже снег от пуль вскакивает. В-и-и-и... Вз-у-у-у... Пи-пи-пи. Бог ты мой! И кажется — все пули прямо в меня! А потом привык, ничего.

Старушка отошла. Теперь к Михаилу Харченко приблизилась другая женщина, немолодая, но крепкая.

— Сынок! Вы ведь оттуда пришли?

— Откуда это оттуда?

— Ну, с той стороны, от немцев.

— А что, мамаша, любопытствуешь? Партизан никогда не видела? — спросил Виктор Скок.

— Видела сынок. Много видела. У меня и свой сын в партизанах. Про него-то и хотела спросить. Может, знаете? Коля, Васильев. Высокий такой, под самый потолок...

— О, мамаша! Там Васильевых знаешь сколько? И высоких, и низких. Надо бригаду знать или отряд.

— А про бригаду он ничего не писал. Погляди-ка, сынок. Письмо у меня с собой. — Женщина суетливо расстегнула пальто, достала из кармана передника помятый треугольничек, подала Харченко.

Михаил осторожно развернул конверт, вынул листок, вырванный из блокнота и густо исписанный черным карандашом:

> *«Здравствуйте, папа и мама! Спешу сообщить вам, что я жив, здоров и того вам желаю.*
>
> *Вы обо мне не беспокойтесь: питание у нас отличное, одеты мы тепло и в валенках.*
>
> *Сообщите Нине, что я жив. Я вернусь из фашистского тыла с полной победой над проклятым и лютым врагом.*
>
> *Я и мои товарищи будем драться до последней капли крови за Родину, за народное счастье!*
>
> *Мой адрес: полевая почта 557, почтовый ящик 24, тов. Тужикову для передачи Васильеву Николаю Григорьевичу.*
>
> *Остаюсь ваш сын Николай»*

— Подожди, подожди! Мамаша! Так это ж... Как тебя величают-то?

— Анна Петровна.

— Дорогая Анна Петровна! Милая! Да кто ж вашего сына не знает? Это же наш комбриг. Николай Григорьевич! Ты говоришь — Коля. Как же так, комбриг и вдруг — Коля! Мне и в голову не пришло. Он самый главный начальник у нас, всеми нашими партизанами командует. Это ж клад, а не человек. Мы его как отца родного любим и бережем. Хлопцы! Идите-ка сюда! Я вас с матерью комбрига познакомлю.

Все обступили женщину. Жали руки, обнимали. А она растерянно переводила глаза, на которых блестели слезы, то на одного, то на другого.

— На слова скуп, на чувства сдержан, а воля и решимость — в каждой строке, — прочитав письмо, сказал Павлов.

— Вот обрадуется Николай Григорьевич, когда скажем, что его мамашу встретили! — поддерживая под руку Анну Петровну, приговаривал Поруценко.

— Анна Петровна, ты хоть немножко расскажи нам про Николая Григорьевича, — попросил Павлов. — А то он о себе говорить не любит. Знаем только, что родился в Валдае. А дальше что?

— Что дальше? С малых лет задумал летчиком стать. Мастерил маленькие еропланы. Но в летное училище его

врачи не пустили. Огорчился. Пошел работать избачом. Комсоргом стал. Жил в школе, спал на партах. Сам готовил обед, учился, много читал. С кулачеством боролся. Один раз в облаву попал. В аккурат ночью, когда он спал. Кулаки подперли дверь и зажгли школу. Чуть в дыму не задохнулся. Выбил окно и выскочил. В другой раз его пуля кулацкая настигла. А когда выздоровел, стал руководить культурой в Валдае. Никогда ни от чего не отступал. Я отговаривала его: уйди от беды. А он мне одно твердил: я должен находиться там, где трудно и опасно. Вот он какой. Потом его в партию приняли, в армию пошел. Так на всю жизнь и остался военным и партийным...

...Близился час митинга. Павлов, приподнявшись на носки, оглядывал праздничную площадь. Вся она была запружена людьми.

— Гляди, народищу-то собралось! — покачал головой Гришин.

Площадь гудела голосами, цвела флагами. Потом, спустя год и полтора, она будет рыдать, когда на ней состоятся похороны павших в бою героев. Здесь найдут последний приют прославленные партизанские вожаки. И само это место будет называться Сквером героев, и в центре его как символ незатухающей памяти и любви будет гореть Вечный огонь. Это потом. А сейчас площадь торжествовала.

Первым поднялся на трибуну секретарь Валдайского райкома партии Александр Коленов. Толпа затихла.

— Товарищи! Сегодня мы встречаем героических сынов и дочерей нашей Родины, приехавших из далекого Партизанского края. Эти люди прошли через линию фронта и провели большой обоз с продовольствием для рабочих города Ленина. Вот на какие подвиги во имя Родины способны наши люди!

— Слава советским партизанам! — раздался громкий возглас.

— Да здравствует наша победа!

— Ура-а-а! — прогремело над площадью.

Вслед за Коленовым выступали жители Валдая. Их слушали внимательно, но чувствовалось, что люди ждали появления на трибуне кого-то из партизан.

— Слово предоставляется руководителю партизанской делегации Александру Георгиевичу Поруценко! — необычно громко объявил секретарь райкома.

Площадь грохнула аплодисментами и застыла в молчании. Сотни людей замерли. Поруценко грузно поднял-

ся на трибуну, оперся о свежевыструганные перильца и начал:

— Дорогие товарищи! Мы бесконечно рады встретиться с вами на родной советской земле, где никогда не ступала нога фашистских захватчиков. Знайте, товарищи, что и там, на западе, живет в сердцах людей Советская власть. Линия фронта не разделила нас...

Люди ловили каждое его слово. Много раз речь прерывалась шквалом аплодисментов. А когда глава делегации сказал, что псковичи, ленинградцы и новгородцы крепко держат в своих руках поднятое в тылу врага красное знамя, площадь снова огласилась приветственными возгласами. Поруценко повторил эту фразу медленно и задумчиво, как бы вслух размышляя над ней. А в заключение сказал:

— Товарищи! Война еще не закончена. Фашисты еще сильны. Борьба с ними предстоит суровая. Но мы уверены в нашей победе. И мы не пожалеем ни сил, ни своей жизни во имя этого светлого дня!

Теперь уже выступать на митинге стало совсем трудно. Народ разволновался. Каждому хотелось выразить свои чувства, свое отношение к подвигу партизан если не с трибуны, то рядом стоящему или самому себе. Толпа шумела, как разбуженный улей.

Нелегкая задача выпала на долю очередного выступающего. Надо было завладеть вниманием. Да и оратор-то оказался неопытный — колхозный бригадир из села Яжелбицы. Уже немолодой, с прокуренными пожелтевшими усами, в выношенном пиджаке, он вышел на трибуну, снял с головы заячий треух, достал из-за пазухи исписанный лист бумаги, склонился над ним.

— Товарищи! Мы сегодня чествуем посланцев... не покорившихся врагу, которые...

— Своими словами давай! Оставь бумагу!

Бригадир поднял глаза, оглядел площадь, смял в кулаке бумажку и необычно громко сказал:

— Валдайцы! Послушайте! Я долго говорить не буду. Тут уже до меня много было сказано. И про нашу партию говорили, и про партизан тоже, и про то, что мы Гитлера разобьем. Что мне осталось?

— Правильно! — опять крикнул кто-то. — Все сказано!

— Нет, не все!

Шум в толпе начал стихать.

— Я повторяю — не все сказано! Для чего мы сюда собрались? Спасибо сказать нашим дорогим партизанам?

Это и без нас сделают. А мы что? Чем ответим на такой подвиг? Разве нам Ленинград не родной город? Там люди голодуют, помощи ждут. Война! А Ленин как говорил? Коль война, то все по-военному. Вот и давайте — по-военному. Партизаны из вражеских лап обоз вырвали. А мы разве не можем? Нам в сто раз легче это сделать.

— Конечно, можем!

— Можем!

— Можем!!! — словно одной грудью выдохнула площадь.

Больше бригадиру говорить не пришлось. За него говорили без всякой трибуны ораторы из толпы:

— Молодец, Спиридоныч!

— Не подкачал, бригадир!

Делегаты молча обменивались взглядами. Начальник партизанского отдела Алексей Асмолов нервно покашливал. Он вспоминал, с чего все это началось. Представил село Железница и свой первый рассказ партизанам о голоде в Ленинграде. Услышали люди, расстроились, затревожились, заволновались. Все свои беды забыли. Стали думать: как помочь ленинградцам?..

Митинг подходил к концу. Весенний ветер перебирал полотнища флагов, шевелил выбившиеся из-под платков и шапок завитки волос. Уж не он ли разнес слух о партизанской делегации?

Весть о прошедшем через линию фронта обозе с продовольствием, как молния, облетела районы Ленинградской области и всю страну. Об этом писали газеты, передавало радио. Повсюду проходили митинги. И везде как лучший ответ на народный подвиг звучал пламенный призыв:

— Поможем ленинградцам!

...Возвращаясь с митинга, Иван Павлов, возбужденный, взволнованный, вспомнил слова Асмолова, сказанные при встрече: «...Каждый день пожары. И карателей понаехало много. Обстановка сложная». И тревожной мыслью вновь перенесся в Партизанский край.

Глава 20 БЕЗ ПАРОЛЯ

Позиции 3-го полка все чаще и чаще оказывались под ударами карателей. Это беспокоило командование 2-й бригады.

В упорном бою фашистам удалось захватить деревню Северное Устье и прочно укрепиться в ней. Кроме вражеских солдат и офицеров в гарнизоне находилась и группа русских, завербованных гитлеровцами. Эта особенность гарнизона в Северном Устье особо учитывалась партизанами.

Комбриг Васильев и комиссар Орлов пришли к единому решению: в ближайшие дни разгромить этот гарнизон. Это было необходимо по многим соображениям. Прежде всего, утрата села, выгодно расположенного вблизи Шелони, ослабляла партизанскую оборону. С крутого холма от Северного Устья хорошо просматривались позиции партизан. Кроме того, сдача врагу уже отвоеванного села отрицательно сказывалась на настроении бойцов, снижала их уверенность в своих силах. Наконец, удар по гарнизону был необходим и для того, чтобы отрезвить карателей, уже начинавших хмелеть от своих первых, хотя и небольших успехов.

Исподволь готовясь к этой операции, командование возлагало большие надежды на разведку. Надо было узнать численность гарнизона, его вооружение, размещение огневых точек, наличие укреплений. Попытки разведчиков приблизиться к гарнизону и разведать его обычным путем не дали желаемых результатов. Посланные в деревню двое парней обратно не вернулись.

Вот почему комбриг и начальник особого отдела, разрабатывая новую операцию, все чаще вспоминали об Осокиной. Опытная разведчица, проработавшая несколько месяцев в крупном Дедовичском гарнизоне и много раз встречавшаяся с фашистами, могла бы быть очень полезной. Но Васильев, по-отечески заботясь о Людмиле, не хотел рисковать ею.

— И все-таки, Николай Григорьевич, в данном случае нам не обойтись без Осокиной! — сказал Николай Иванов.

— Не хотелось бы посылать ее на такое опасное дело.

Людмила уже знала о предстоящей операции. Находясь однажды в бригадной землянке, Осокина слышала, как комбриг и комиссар обсуждали вопрос о налете на Северное Устье. У разведчицы рождались различные варианты. Пойти в гарнизон под видом немки и назваться сотрудницей какого-нибудь фашистского учреждения? Рискованно. Каратели непременно потребуют документы и перепроверят все, что она скажет... Выдать себя за

родственницу кого-то из жителей Северного Устья? Но она никого в этом селе не знала.

«А что, если действовать открыто, напрямую?» — подумала Осокина. Остановившись на этом варианте, она пришла к Васильеву и Иванову.

— Разрешите мне пойти в гарнизон. Пойду днем, открыто, — сказала она, удивив комбрига и начальника особого отдела.

— Но вас же там сразу схватят!

— Я все продумала. Сделаю вид, что иду на свидание к русскому.

— Но где гарантия, что вам поверят немцы?

— Гарантии, конечно, нет. Но попытаться можно.

И Людмила рассказала о созревшем у нее плане.

Ей стало известно, что в Северном Устье среди русских, находящихся на службе у немцев, есть ее старый знакомый — Григорий Бушуев. Она знала его еще до войны. Он даже пытался ухаживать за ней. Находясь в Дедовичах, Осокина как-то встретила Бушуева на улице. Не выдавая своих связей с партизанами, завела с ним осторожный разговор:

— Что ж, ты уже нашел себе место. Сам пошел служить в батальон или заставили?

— Сам-то я не пошел бы. Другого выхода не было. Ведь я в плен попал. В Порховском лагере находился. А там знаешь какой выбор? Или умирай с голоду, или выполняй чужую волю. Вот я и решил... Надо же как-то приспосабливаться.

— Ну и как? Доволен службой? — поинтересовалась Людмила.

— А чего ж? Кормят, одежа казенная...

— Но опасно ведь. Приходится партизан выслеживать. А их вон сколько!

— Ничего. Я-то на операции не хожу. Мое дело — снабжение.

— А не думал к партизанам перейти? — прямо спросила Людмила и насторожилась.

— Ты что? В своем уме? Мне туда дорога закрыта. Партизаны расстреливают каждого, кто хоть один день поработал на фашистов. А я еще жить хочу. — Бушуев вынул пачку сигарет, закурил. — А ты-то как? Работаешь?

— Да нет, еще не устроилась. Зовут немцы детей учить. Наверное, соглашусь. Надо же, как ты сказал, приспосабливаться...

На том и разошлись.

— Но это было давно, — выслушав Осокину, сказал комбриг. — Возможно, Бушуев уже так втянулся в свою новую службу, что стал матерым предателем.

— Не думаю. А если и так, то я найду выход, Николай Григорьевич. Я все-таки женщина... Перед нами двери лучше открываются, чем перед мужчинами.

— Может быть, вам дать кого-то в помощь?

Людмила задумалась.

— Пожалуй, нужно. Но только, конечно, девушку.

— А если нашу бригадную разведчицу? — вступил в разговор Николай Иванович. — Есть тут у нас еще одна смелая девушка, тоже Людмила. Беленькая такая. Мы ее так и зовем — Людмила Белая.

— А я буду Людмилой Черной. Вот и кличка мне нашлась! — весело закончила разговор Осокина.

Кроме разведчицы Людмилы Белой было решено послать с Осокиной трех парней. Задачу им поставили несложную: наблюдать за ходом разведки издали, не приближаясь к селу. А если потребуется, в случае преследования например, сделать все возможное, чтобы спасти разведчиц.

«И все-таки, может, зря мы рискуем Осокиной? — думал комбриг. — Она и так много для нас сделала».

Ранним утром, пока еще не рассвело, из Серболовского леса выехали две подводы. На одной сидели закутанные в платки две девушки и кучер, на другой — два парня. Доехав до Пустошки, они оставили лошадей и пошли пешком.

На опушке леса парни остановились. Сквозь редеющие сумерки вырисовывалась деревня.

— Дальше мы не пойдем, — сказал старший группы Дмитрий Ростков. — Заберемся на дерево, замаскируемся и будем ждать. В бинокль мы увидим все, что будет происходить в деревне.

Чем ближе разведчицы подходили к Северному Устью, тем учащеннее бились их сердца. По дороге Осокина продумала все до мельчайших подробностей: как пройти, с чего начать разговор, как держаться. Передала свои планы Людмиле Белой.

— Держись увереннее, — советовала Осокина. — Улыбайся, шути, не пугайся никаких вопросов. Мы ведь на свидание идем, — шутливо добавила она.

У калитки крайнего дома дорогу загородил часовой.

— Хальт! Кто вы есть? Куда?

— К вам! — по-немецки ответила Осокина и кокетливо улыбнулась.

— Сюда нельзя!

— Кому нельзя, а нам можно, — продолжая улыбаться, независимо и смело держалась Людмила. — Мой ухажер здесь служит. Я иду на свидание. Разве это запрещено?

Солдат подозрительно оглядел девушек, их модную одежду, скользнул глазами по их стройным фигурам.

— Что разглядываете? Давно девушек не видели? — склонив на плечо голову и поводя бровью, спросила Осокина.

— У вас, наверное, только одни мужчины? — включилась в разговор Людмила Белая. — Скучно живете. А мы пришли развлечь вас.

Подражая Осокиной, она тоже кокетливо улыбалась, пощелкивая семечки, которые перед уходом насыпала в карман.

Часовой ухмыльнулся и продолжал разглядывать девушек. Лицо его было недоверчивым.

— Стоять на месте! Придет патруль! — отрезал немец и взял автомат на изготовку.

— О-о-о! Как у вас строго! — пожала плечиками Осокина. — Даже на свидание прийти нельзя.

«Только бы не стали обыскивать!» — тревожно думала в эту минуту Людмила: она взяла с собой маленький пистолет.

Пришел патрульный. Надменно и чванливо немец посмотрел на девушек, спросил:

— Вас ист дас?

Часовой объяснил, как девушки появились в гарнизоне и с какой целью пришли.

— На свидание? К кому? — недоверчиво спросил фашист и, подойдя к девушкам, похлопал ладонями по карманам пальто, проверяя, нет ли оружия.

— Отведите меня к Григорию Бушуеву! — сказала Осокина.

— А эта? — патрульный ткнул стволом автомата в грудь Людмилы Белой.

— Это моя подруга. Мне одной лесом ходить страшно. Я попросила ее пойти со мной.

Патрульный снова оглядел девушек с ног до головы.

— Свидание! Нашли время! — покосился немец на разведчиц и повел их по деревенской улице.

Девушкам очень хотелось повнимательнее посмотреть по сторонам, увидеть то, ради чего они пришли, но, боясь выдать себя, они шли беззаботно и беспечно, делая вид, что их ничто здесь не интересует.

В доме, куда их привели, Бушуева не оказалось. Он куда-то вышел. Не оставляя девушек одних, патрульный приказал хозяйке разыскать его.

В эту минуту Осокину тревожила одна мысль: как встретит ее Бушуев? Только бы не выдал сразу, при патруле. Остальное проще.

Когда по крыльцу загромыхали тяжелые мужские сапоги, сердце у Осокиной, кажется, остановилось. Она собрала всю волю, напряглась, но не переставала казаться веселой.

Дверь распахнулась, и на пороге появился высокий, сутуловатый Григорий Бушуев. Он пришел в сопровождении немца: хозяйка дома почему-то не вернулась. Осокиной показалось, что, увидев ее, Григорий слегка вздрогнул. Он остановился у порога, не решаясь войти. На его лице были написаны удивление и испуг.

— Здравствуй, Гриша! — сверкнув большими карими глазами и незаметно для немца подмигнув Григорию, воскликнула Осокина.

Бушуев молчал, словно у него отнялся язык.

— Как?! — заорал немец. — Вы их не знаете?!

Людмила в упор сверлила Григория глазами, не переставая улыбаться.

— Почему не знаю? — нетвердо сказал Бушуев и неестественно засмеялся. — Своих да не знать... Здравствуйте... девчата! Рад вас видеть.

У Осокиной сразу отлегло от сердца.

— Вот давно бы так! А то стоит, словно первый раз видит. Или не ждал?

Григорий покачал головой, все еще до конца не осмыслив того, что происходит.

Людмила поднялась со стула, подошла к Григорию и, сняв перчатки, потрепала его по щекам.

Немец несколько успокоился, но взгляд его по-прежнему был подозрительным. Надо было продолжать эту «дружескую» встречу, чтобы окончательно сбить с толку недоверчивого гитлеровца.

— Ты, значит, меня не ждал? — игриво спросила Осокина.

— Вообще-то ждал, но не сегодня, — с натяжкой выговорил Бушуев.

— А я заскучала, взяла да и пришла. И подругу с собой привела. Познакомься. Ты ее не знаешь? Полина из Яссок. Когда-то мы с ней на гулянки вместе ходили.

Григорий поклонился Людмиле Белой, но лицо его было по-прежнему непроницаемым.

— Ты что, не рад нашему приходу? — Осокина нахмурилась. — Даже сесть не предложил.

Григорий поднял за спинку стул и поставил перед Осокиной. Второй стул он придвинул Людмиле Белой.

Все это время Осокина не переставала незаметно следить за выражением лица немца. Кажется, он уже поверил, что все это правда, что в этом нет никакой фальши. Решив наконец, что в приходе девушек нет ничего подозрительного, патрульный, потоптавшись на месте, собрался уходить. Покидая дом, он сказал Бушуеву:

— Везет тебе. Такие красавицы...

Лишь только за патрульным закрылась дверь и смолкли его шаги по лестнице, Осокина сразу преобразилась. Она быстро вскочила на ноги, расстегнула пальто и достала маленькую кожаную сумочку, висевшую у нее на шее вместе с бусами. В сумочке был пистолет. Григорий испуганно и молча наблюдал за ее движениями, все еще толком ничего не понимая.

— Поиграли и хватит! — приблизившись к Бушуеву, резко и твердо сказала Осокина. — Я — партизанская разведчица. Ты, наверное, уже догадался? Я в ваших руках. Но и ты — в моих! Если сделаешь хотя бы попытку задержать нас, я пущу в ход оружие.

— Что вам от меня надо? — изменившимся голосом спросил Бушуев.

— Все! Все, чем ты располагаешь. Отвечай на мои вопросы. Сколько в деревне солдат? Какое оружие? Какова охрана? Где установлены посты! Рассказывай обо всем подробно.

Ошеломленный дерзостью Осокиной, Григорий несколько секунд стоял в оцепенении. Зрачки его глаз вдруг расширились и тревожно забегали из стороны в сторону.

— Ты что, с ума сошла? — наконец выкрикнул Бушуев. — Тебе жить надоело?

— Ты за мою жизнь не беспокойся. Подумай о своей. Еще раз повторяю: сколько в гарнизоне солдат, как построена оборона? И не вздумай браться за пистолет. Я успею выстрелить раньше. А если не успею, тебя в первую же ночь уберут партизаны.

— Ты за кого меня принимаешь?

— За бывшего русского, который еще не успел забыть свою Родину.

— Ты хочешь, чтобы я сам надел на себя петлю?.. Хорошо, я все расскажу. А что будет дальше? Вы...

— Мы разгромим ваш гарнизон. И если вы не одумаетесь и будете по-прежнему служить фашистам, пе-

няйте на себя. Пощады не будет... И хватит нам выяснять отношения. Время идет. Немцы могут догадаться. Кстати, если они зайдут, продолжим сцену, с которой начали. Понятно? А сейчас сядем, чтобы меньше было подозрений.

Григорий неуверенно сел, все еще не определив, как себя вести, и не решаясь отвечать на заданные вопросы. Он боролся с собой. Вот же представилась возможность осуществить то, о чем он часто думал ночами...

«Может быть, именно сейчас... Именно сегодня... И в этом выход»,— лихорадочно думал Григорий, все еще колеблясь и не приходя к окончательному решению.

Несколько секунд Бушуев молчал. Думал, взвешивал обстановку. Потом начал рассказывать. Он сообщил численность гарнизона, количество оружия, рассказал, где установлены посты, в каких местах построены дзоты, размещены пулеметы и пушки. Все это он делал как-то неосознанно, словно во сне. Говорил сбивчиво, часто повторялся.

Теперь Осокина и Белая знали все, что им было нужно. Но насколько верны эти сведения? А вдруг Григорий врал, вводил их в заблуждение, лишь бы отделаться от них? Может быть, все, что он говорил, неправда? Тут же созрело решение: перепроверить!

— Ты честно все рассказал? — спросила Осокина у Бушуева.

— Честно.

— Пойдем проверим! Покажи нам все, о чем говорил. Мы хотим убедиться, увидеть своими глазами. Не бойся! Ты прогуливаешься по селу с девушками. Какие могут быть подозрения? Только веди себя правильно. Не вздумай дать сигнал немцам. Делай вид, что мы на прогулке. Относись к нам учтиво и внимательно. Огневые точки, дзоты и посты показывай только глазами и говори о них так, как будто анекдоты рассказываешь.

Выйдя из избы и спустившись с крыльца, Бушуев и его спутницы пошли по изрезанной автомобильными шинами дороге. Осокина опять вошла в роль влюбленной. Они шли посреди села: девушки по сторонам, Григорий в центре.

Встретился патрульный. Это был уже другой немец, сменивший прежнего. Остановился, оглядел Осокину:

— О, какая прелесть!

Идя по деревенской улице, Григорий глазами показывал девушкам прикрытые сверху еловыми ветками блиндажи, замаскированные под цвет снега пулеметы,

вкопанные в мерзлую землю танкетки, кивал в сторону тех домов, где размещались каратели.

Совершая прогулку по селу, Осокина убедилась, что Бушуев говорил ей правду. Теперь можно было возвращаться назад.

На обратном пути Людмила повела с Бушуевым уже иной разговор.

— Русских в батальоне много? — спросила она, сохраняя на лице веселое выражение.

— Двадцать человек. Отдельный взвод.

— Кто командует взводом?

— Лейтенант Грюнвальд.

— Не надумали перейти к партизанам? Помнишь наш разговор в Дедовичах?

Григорий молчал.

— Что вас удерживает? Та же боязнь?

— Да.

— Наше командование уполномочило меня заявить совершенно официально: партизаны вас не тронут, если вы сами согласитесь перейти к нам. Как я уже говорила, партизаны решили разгромить ваш гарнизон. Участвуйте в бою на нашей стороне. Перебейте охрану, захватите оружие и после боя — к нам. Согласен? Будем ждать вас на опушке леса по дороге на Пустошку.

— Понял. А когда партизаны собираются сделать налет? Как мы узнаем об этом?

— Это будет скоро. Ждите сигнал после полуночи. Сигнал — три красные ракеты. Увидите их — и приступайте к делу. Какую часть села возьмете на себя?

— Мы размещены на западной, — сказал Бушуев.

— Хорошо. Западная сторона за вами. Так я и доложу командованию. Партизаны не будут стрелять в вашу сторону, если только вы справитесь сами. А теперь ты должен проводить нас до околицы и вывести из гарнизона. Сделай так, чтобы часовой не придрался к нам.

— Хорошо.

Он долго молчал, как бы осмысливая все случившееся и думая о том, что же станет с ним дальше. Людмила читала мысли Бушуева и поспешила ответить на его молчаливые вопросы.

— Я тебе советую крепко подумать. Если хочешь искупить свою вину перед Родиной и остаться в живых, переходи в этом бою на нашу сторону. Договорись с остальными, кому доверяешь. В этом ваше спасение.

За околицей Осокина остановилась и шепнула Бушуеву:

— Будь полюбезнее. Положи хоть руку на плечо. Видишь, часовой наблюдает.

Приближаясь к посту, Бушуев стал старательно ухаживать за девушками. Он взял их под руки, смеялся, клонясь то к одной, то к другой. Девушки отвечали тем же. Идиллия была полная. Часовой пропустил разведчиц без всякой задержки и даже пошутил вдогонку:

— Вы так красивы, что мне не хочется вас выпускать.

Удаляясь от поста, Людмила Белая прошептала своей новой подруге:

— А вдруг у Бушуева душа предателя? Возьмет да и пустит автоматную очередь в спину. Или подскажет, чтобы это сделал часовой.

Осокина обернулась. Бушуев стоял рядом с часовым, и по его растерянному виду можно было понять, что он так и не осознал до конца того, что произошло. Но, увидев обернувшуюся девушку, приветливо помахал ей рукой.

Как обрадовались партизаны, сидевшие на деревьях, когда к ним приблизились разведчицы! Они кубарем скатились с веток огромной сосны и по очереди обнимали то одну Людмилу, то другую.

— Ну как? Живы? — словно не веря своим глазам, спрашивал Дмитрий Ростков. — А мы уже переволновались. Боялись за вас. Хотели на помощь отправиться. Увели вас куда-то — и ни слуху ни духу. А когда увидели вас гуляющими по деревне, полегче стало на душе. Вот, думаем, здорово получилось!

— Уж больно приятно было на вас глядеть! — добавил Петр Арсеньев. — Идут посреди фашистского гарнизона две партизанские разведчицы под ручку и хохочут. Мы отсюда даже ваш смех слышали.

Вернувшись в лагерь, Осокина поспешила в бригадную землянку, чтобы рассказать комбригу о результатах разведки. По дороге ей встретился командир полка Николай Рачков. Оказывается, ему уже кто-то сказал о походе Осокиной в Северное Устье.

— Молодец, девка! — похлопал он Людмилу по плечу.

Секунду помолчал, внимательно оглядел ее и не утерпел, добавил:

— А зря ты не идешь в наш полк! Вернется Павлов — уговорю.

Глава 21 ВЕРНОСТЬ

К налету на Северное Устье партизаны готовились двое суток. И хотя эта подготовка держалась, как всегда, в тайне, слух о предстоящей боевой операции проник в некоторые партизанские деревни. Услышали о ней и в Остром Камне.

Сначала узнала об этом Нина Сафонова. Проговорились два друга — Дмитрий Ростков и Петр Арсеньев, когда встретились с ней за день до операции. Услышав о походе на Северное Устье, Нина решительно заявила:

— Я тоже пойду! Если не возьмете, сама найду дорогу. Берете?

Дмитрий и Петр переглянулись.

— Брать в бой — это не наше право. Гляди сама, — ответил Ростков. — Если уж задумала — иди!

Петр посмотрел на него с укором: зачем советовать необученной девушке участвовать в боевой операции?

В ходе подготовки к бою командиры бригад и полков не раз склонялись над картой, ставя на ней цветными карандашами условные обозначения. Теперь в центр их внимания попал северо-западный уголок Партизанского края. Там, где Шелонь постепенно взбиралась вверх, а потом, сделав изгиб, круто падала вниз, на ее левом берегу лежало село Северное Устье. На северо-запад от него находилась деревня Тюриково, южнее — Пустошка, прямо на восток — Костры. С западной стороны на протяжении нескольких километров населенных пунктов не было.

В ночь на 28 марта партизаны 1-й и 5-й бригад, а также 3-го полка 2-й бригады подтянулись к исходным позициям. Тихо, бесшумно они обтекали фашистский гарнизон. К полуночи Северное Устье было опоясано партизанами со всех сторон. На дорогах, ведущих к этому селу, расположились заслоны и засады.

Командиры отрядов были предупреждены:

— В гарнизоне, кроме немцев, есть завербованные русские. Возможно, они тоже выступят против карателей. Имейте это в виду.

Особое предупреждение было сделано командованию 5-й бригады — Юрию Воронову и Матвею Тимохину. Их бригада должна была занять западную часть села, где разместился взвод русских.

— После сигнала «К бою!» огня не открывать! Если на вашем участке начнется борьба внутри гарнизона,

перебросить свои силы на помощь первой бригаде, которая будет занимать центр.

До начала атаки оставалось полчаса. В гарнизоне было тихо. Партизаны тоже соблюдали тишину в ожидании назначенного срока.

И вдруг на участке, где приготовились к бою буденовцы, из дома выскочила женщина. Она торопливо бежала по огороду, в белом платье, простоволосая. Издали она была похожа на привидение.

Партизаны с удивлением наблюдали за приближающейся женщиной. Размахивая руками, она что-то негромко кричала, но ветер относил ее голос в сторону, и партизаны ничего не могли разобрать. И только приблизившись на несколько метров, незнакомка закричала погромче:

— Товарищи! Дорогие! Вон мой дом, видите? Там спят четырнадцать фашистов. И все офицеры. Жгите мой дом, не жалейте!

— Тише! Пожалуйста, тише! А то немцы услышат, — уговаривал женщину Никифор Синельников. — Как вас зовут-то, мамаша?

— Прасковья. Прасковья Филипповна.

— Откуда же у вас столько карателей оказалось, Прасковья Филипповна? Нам говорили, что в ваших домах их нет.

— Не было! До вчерашнего дня не было! А вчера перебрались, проклятые. На наш край переселились.

Когда об этом сообщили Рачкову, он встревожился: «Чем вызвано такое переселение? Да еще накануне налета. А вдруг Бушуев, с которым разговаривала Осокина, все выдал, сообщил немцам? И мы вместо поддержки получим удар в спину?»

— Как вы думаете, почему немцы в ваши дома перебрались? — спросил Синельников Прасковью.

— Как же! Сюда штаб перевели. Говорят, наши, русские, им посоветовали. Сказали, что изба у меня теплая, просторная, тут лучше будет. Потом другие сюда потянулись. Куда голова, туда и хвост. Штаб-то охранять надо.

— А остальное как? — допытывался Синельников. — Склады, блиндажи, пулеметы, пушки...

— Ничего не трогали. Все на старых местах осталось. Все как есть.

— Прасковья Филипповна, а есть в вашем доме еще кто-нибудь, кроме немцев?

— Никого нет. Я одна живу.

Женщину отвели к подводам, закутали в полушубок и посадили в сани. Снова стало тихо. Гарнизон молчал. В отряд имени Бундзена полетел связной с приказом Рачкова:

— Сменить позиции! Приблизиться к буденовцам! Вместе занимать левую часть села!

Коррективы были сделаны вовремя. Сообщение Прасковьи Филипповны оказалось точным.

— Товарищ командир! Разрешите мне пробраться к штабу! — обратился к Синельникову Петр Арсеньев.

— Разрешаю. Только осторожно, старайся остаться незамеченным, чтобы не вызвать шума до начала атаки. Иначе мы можем спугнуть немцев.

Прильнув к земле, Петр Арсеньев пополз по огороду. Он хотел сразу пробраться к дому Прасковьи, но остановился. Прислушался. Ни звука, ни шороха. А вдруг его заметят каратели? Тогда придется стрелять. Но стрельба вызовет тревогу в гарнизоне. Внезапность налета будет утрачена. Надо ждать.

Наступило время налета. Рачков вскинул руку и три раза выстрелил из ракетницы. Красные комочки вырвались в небо и, описав дугу, искрами рассыпались над крышами.

— В атаку! — скомандовал Рачков.

Увидев в небе красные ракеты, Арсеньев кинулся к дому. Он решил бросить в окно гранату. Но не успел подойти к окну, как его окликнул часовой:

— Хальт!

Петр присел. Вокруг было темно. Выбросив в сторону руку, Арсеньев на миг включил карманный фонарик. Каратель выстрелил в луч света. За несколько секунд Петр успел разглядеть фигуру часового и запечатлеть в памяти место, где он стоял.

«Но фашист может в любую минуту отбежать в сторону», — подумал Петр.

Он приладил фонарик к изгороди, нажал на кнопку, а сам отскочил в кусты палисадника. Немец снова оказался освещенным лучом фонарика и был виден как на ладони. Арсеньев сделал резкий прыжок в сторону часового и чуть не сбил его с ног. Выстрелом в упор он убил карателя и с силой рванул оконную раму. Раздался звон разбитого стекла. В образовавшийся проем Петр метнул гранату.

От взрыва дом загорелся. Пламя осветило улицу. Петр отбежал от дома, прилег за кучей камней и открыл огонь из автомата. Темные фигуры карателей, пытав-

шихся перебежать освещенное место, падали, подкошенные пулями.

Охваченный пламенем, дом Прасковьи Филипповны, словно маяк, освещал прилегающую к нему улицу. В колеблющемся свете было видно, как, пригнувшись к земле, фашисты перебегали поле обстрела, устремляясь в центр села.

Никифор Синельников, как всегда спокойный и хладнокровный, четко корректировал стрельбу:

— По крайнему дому — огонь!

— Артиллерия! По каменному зданию — огонь!

Ударила единственная в отряде трофейная пушка. Снаряд угодил в верхнюю часть амбара, стоявшего по ту сторону улицы. Загорелась крыша. Теперь и здесь стало светло как днем. Пламя осветило притаившихся за каменной стеной карателей.

Бой становился все более ожесточенным. Над селом висело разноцветное кружево трассирующих пуль. Временами оно разрывалось и гасло от вспышек ракет, взрывов мин и гранат.

Командир полка Рачков с надеждой поглядывал в сторону запада: как-то дела у Воронова? Если у него все благополучно, то он придет на помощь.

На северо-западной окраине села, где сосредоточились партизаны 5-й бригады, тоже шел бой.

Задолго до его начала партизаны залегли у самых огородов. Им было известно, что именно здесь ожидался удар по карателям со стороны русских, находящихся на службе у немцев. Об этом были предупреждены все партизаны бригады. Но о том, что эту работу провела Людмила Осокина, знали только командир Юрий Воронов и комиссар Матвей Тимохин.

Партизаны частью сил перекрыли дорогу, ведущую на Тюриково. Основной же состав бригады приготовился к атаке. И когда взвились красные ракеты, бойцы устремились вперед, напряженно вслушиваясь в нарастающий шум боя. Огня не открывали. И вдруг явственно расслышали жаркую перестрелку на окраине села. Нетрудно было догадаться: борьба началась внутри гарнизона.

Каратели растерялись.

— По своим стреляете! — заорал офицер, прячась от огня за поленницей дров.

— Вы никогда своими для нас не были! — послышалось в ответ.

Фашисты ринулись в центр села, но там их ждали партизаны 1-й бригады.

«Отлично! — обрадовался Юрий Воронов. — Значит, сработала договоренность Осокиной. Доброе дело сделала девушка! Здорово нам помогла». — И тут же отдал приказ партизанам направиться в центр села на помощь 1-й бригаде и 3-му полку.

А в центре к тому времени произошла заминка. Откатившись с западной стороны и покинув освещенную пожаром восточную часть, каратели сосредоточились посреди села и образовали мощный узел обороны. Они укрылись в подвалах, за поленницами дров, в блиндажах и траншеях и отчаянно сопротивлялись.

Когда отряды 5-й бригады достигли центра и неожиданно для немцев ударили из всех видов оружия, сражавшиеся там партизаны с криком «ура» бросились в атаку. Чтобы «выкурить» карателей из укрытий, они пустили в ход «карманную артиллерию». Теперь уже стрельба шла со всех сторон. Освещенные пожаром улицы позволяли вести огонь по видимым целям.

Из домов выбегали жители и сразу попадали в пекло боя. Они прятались от огня в канавах и ямах, за стволами деревьев и складами дров. Многие мужчины присоединились к партизанам, помогали им. Это уже стало привычным для партизан и никого не удивляло. Но когда Никифор Синельников опознал в бегущем с карабином в руках колхозника Василия Игнатова из Острого Камня, не поверил своим глазам:

— А ты как сюда попал, Филиппыч?! — крикнул он.

— Ветром занесло. Понимаешь? К обозу пристроился. Не мог я дома усидеть. Хозяйка-то моя через немецкий фронт поехала. Тоже опасно. Так она — баба, а я как-никак мужик. Стыдно мне, ежели в долгу останусь. Я ведь в душе тоже солдат.

— А где же ты карабин взял?

— Свет не без добрых людей. Одолжили.

Филиппыч действительно увязался с партизанами сам, никто его не агитировал. Но когда оказался в бою и услышал стрельбу, струхнул. Побежал на огород, лег между грядками и надвинул на глаза шапку. Карабин держал перед собой. Стреляли где-то поблизости. Он выглянул и неожиданно увидел бегущего прямо на него карателя. Филиппыч судорожно схватил карабин и прицелился. Немец, не замечая старика, бежал, охваченный страхом. Филиппыч нажал на курок. Чтобы ничего не

видеть, он закрыл глаза. А когда открыл их, то успел заметить, как фашист неловко повернулся и упал.

— Господи помилуй! — перекрестился Игнатов.— Кажись, убил. И пусть. Туда ему и дорога. Вот и я теперь солдатом стал, — и, поднявшись на карачки, пригибаясь к земле, побежал вдоль села, держа карабин наперевес.

Житель Северного Устья дед Антон, заслышав стрельбу, укрылся в подвале, присев у маленького оконца, прорезанного в бревенчатой стене. При отсветах пламени ему было видно, как мелькали перед окошком ноги бегущих людей. По ним он угадывал своих и чужих.

Вот пронеслось несколько пар немецких сапог. Вслед за ними пролетели деревенские валенки и кирзовые сапоги. Потом появились тяжелые боты, одетые в лапти. Они внезапно остановились и заслонили оконце. Громоздкие, неуклюжие боты стояли совсем рядом. До них, кажется, можно было дотянуться рукой.

Антон огляделся. На глаза ему попались стоявшие в углу подвала вилы-тройчатки. Он схватил их и остановился в нерешительности. Фашист к тому времени прилег и прижался к стене. Теперь перед оконцем виднелась его полусогнутая спина. Одним ударом Антон разбил стекло и изо всей силы ткнул вилами в спину карателя. Послышался стон: фашист медленно осел на снег.

Не бросая вилы, Антон выбрался из подвала. Там была в разгаре уличная схватка. Он видел, как немцы скатывались под обрыв, пытаясь укрыться. На них наседали партизаны и жители села.

— Бей их, гадов! — неслось по площади. — Гони их назад, такую-то мать!

Направляя атаку, перебегая от одной избы к другой, Рачков то и дело вырывался вперед.

Бой был в разгаре. В самый неподходящий момент замолчал пулемет партизан, установленный на перекрестке улиц. Воспользовавшись этим, каратели выдвинули свои пулеметы: один — из-за угла дома, другой — из-за каменного скотного двора. Плотным огнем они перекрыли улицу. Продвижение партизан приостановилось.

— Пулемет! Почему замолк? — крикнул Рачков.

Партизанский пулемет молчал.

— Уснул, что ли? — раздраженно закричал Рачков.— Огня давай!

Командир полка негодовал. Сорвавшись с места и потрясая маузером, он бросился к пулемету. Но не ус-

пел добежать до него, как пулемет лихорадочно заработал.

— Молодчина пулеметчик! — обрадованно кричал Рачков. Добежав до огневой точки, он плюхнулся между гряд и хлопнул по плечу лежащего за станковым пулеметом парня. Тот обернулся.

— Володя! Ты? — Рачков узнал Градова. — А где Петров?

Тут только увидел Рачков неестественно сжавшегося в комок и отвалившегося от пулемета партизана. Он был мертв.

По улице вели двух пленных. Они шли с поднятыми руками.

— В штаб их! — махнул рукой Рачков.

— Исход боя уже решен! — сказал подошедший к Рачкову Василий Головай. — Осталось только добить карателей.

Головай был направлен комбригом в Северное Устье представителем штаба бригады.

Но бой еще продолжался.

Из ворот накренившегося набок сарая послышались женские голоса. Переговаривались двое.

— Таня! Скорее давай патроны!

Нина Сафонова стреляла из винтовки, а ее подруга Таня набивала патронами обоймы.

— Ой! — вдруг вскрикнула Нина и покачнулась.

— Что с тобой? — Таня стремительно подбежала к подруге и увидела ее упавшей на завалинку. Слетевшая с головы кубанка валялась на земле. — Ты ранена?

Нина подняла руку и молча показала на подбородок. Тут только Таня заметила струившуюся по шее кровь. Она оттащила подругу в безопасное место, крикнула подводчику:

— Отвези раненую!

А сама вернулась на старое место и, заменив Сафонову, взялась за винтовку.

Когда о ранении Сафоновой узнали Петр Арсеньев и Дмитрий Ростков, сильно расстроились. Они вспомнили наказ своего друга Володи Узорова. Уезжая с обозом к линии фронта, Володя просил их: «Поберегите ее тут без меня...» Володя любил Нину.

— Как же мы теперь в глаза ему глянем? — упавшим голосом сказал Ростков. — Не уберегли... Он же не простит нам.

Из большого приземистого дома, который находился в зоне, занятой партизанами, через дорогу проковылял,

припадая на левую ногу, невысокий мужчина. Ни винтовки, ни автомата у него не было. Партизан или немец? Дмитрий Ростков побежал следом. Он увидел пожилого крестьянина.

— Ты что? Ранен?

Крестьянин обернулся.

— Да нет! Не ранен я. У меня нога деревянная. Еще с гражданской.

— Так куда ж ты бежишь? От огня прячешься?

— Нет. Вам помогать бегу.

— Да у тебя даже винтовки нет.

— Найду. В бою добуду. Тут немцы много побросали. И на мою долю достанется.

Действительно, вскоре колхозный счетовод Василий Емельянов уже палил из трофейной винтовки по пытавшимся убежать карателям. Его и в самом деле потом ранило, но пули продырявили протез.

— Пусть дырявят! — шутил после боя Емельянов. — У нас леса много, новую деревяшку поставлю.

Бой затихал. Над деревенскими улицами раскатисто гремело «ура». Воодушевленные успехом, поднявшись во весь рост, партизаны и жители села добивали карателей.

К утру вражеский гарнизон был разгромлен. Захвачены богатые трофеи. Партизаны закреплялись на отвоеванном рубеже. В Северном Устье решили оставить хорошо вооруженный партизанский отряд. Перед ним была поставлена задача зорко охранять, а если потребуется и защищать этот важный участок обороны Партизанского края.

Усталыми, но довольными возвращались партизаны с боевой операции. В колоннах то и дело вспыхивал веселый разговор. Бойцы с издевкой говорили о побитых карателях. Кто-то пропел частушку:

Разверни меха, гармошка,
Веселей ходи нога.
Поднажмем еще немножко
И загоним в гроб врага!

На опушке леса стояла группа партизан во главе с Никитой Буйновым. Людмила Осокина тоже была здесь. В бой она не ходила, ей не разрешил комбриг.

— Вы свое дело сделали, и достаточно. Считайте, что были в бою, — сказал он.

Послышались шаги.

— Стой! Кто идет? — крикнул в темноту Павел Павлов.

— Свои! Русские...

— Клади оружие!

На снег легли немецкие автоматы и винтовки, ручной пулемет и несколько гранат.

— Отвести их в штаб! — приказал Буйнов.

— А дальше? — с тревогой спросил Бушуев. — Скажите, нас не расстреляют?

Вдруг Бушуев заметил в толпе Осокину.

— Людмила! — обрадовался он. — Подойди, пожалуйста, сюда.

Осокина подошла.

— Ты же говорила мне, заверяла, что нас не расстреляют!

— И сейчас заверяю, — спокойно ответила Людмила. — Вы что, не верите? Вы же сдержали слово. Меня не выдали, сведения дали и гарнизон разгромить помогли.

Бушуев сразу успокоился. Взяв на себя роль старшего, подбодрил остальных:

— Не вешайте головы! К своим попали.

Буйнов уже имел указание Васильева оставить перешедших на нашу сторону в 1-й бригаде. И он сказал:

— Мы зачисляем вас в партизанский отряд. С испытательным сроком. Винтовки и автоматы можете взять с собой. Теперь искупайте свою вину. Будете честно воевать — зачеркнете ваше прошлое.

Рано утром над Северным Устьем появился вражеский самолет.

— Сейчас начнет нас из пулеметов крыть, — следя за самолетом, сказал Василий Крылов. — Не сумели нас побить на земле, так решили с воздуха.

От самолета отделилось несколько темных точек.

— Бомбы! — крикнул Крылов.

Все поспешили в укрытие. Но черные точки разбухли и замедлили падение. Над ними раскрылись парашюты.

— Так это же груз! — обрадовались партизаны.

Видимо, фашисты были уверены, что Северное Устье осталось в руках карателей, и теперь посылали гарнизону дополнительное оружие и боеприпасы.

Мы с удовольствием напечатали об этом заметку в газете «Коммуна»:

НЕМЦЫ СНАБЖАЮТ
ПАРТИЗАН БОЕПРИПАСАМИ.

Не знаем, с какой стати немцы проявили заботу о партизанах, но факт остается фактом. На днях над местом расположения партизан пролетел немецкий самолет и сбросил на пяти парашютах груз — снаряды, мины и патроны.

Партизаны до глубины души тронуты заботой гансов и обещают в свою очередь вернуть все эти боеприпасы с процентами, только не на парашютах, а из автоматов, пулеметов и минометов.

А Иван Шматов, восторгаясь поступком колхозницы Прасковьи Филипповны и других патриотов, написал о них в газете «Дновец».

Не забыли мы и о Василии Емельянове. Его патриотический поступок был отражен в боевом отчете бригады. Упомянул о нем и начальник политотдела Майоров в своем дневнике:

Особо отличился счетовод колхоза инвалид Василий Емельянов: захватил немецкую винтовку и метко бил карателей.

Встретившись после боя с Людмилой Осокиной, комбриг Васильев еще раз вынес ей глубокую благодарность. Он был скуп на слова. Но тут не удержался:

— Вы клад, а не разведчица! Вы себе цены не знаете!..

Глава 22 ОТРЯДЫ НА МАРШЕ

В конце марта 1942 года в штаб 2-й бригады стали поступать новые тревожные сообщения. Даже в тех местах, где никогда не было немцев, появились подразделения противника. Началось подозрительное передвижение немецких отрядов у партизанских рубежей. К «незамиренной» территории стягивались каратели окрестных районов, части СС, специальные полицейские подразделения. Все эти приготовления не были простой случайностью. Что-то серьезное затевали против партизан фашисты.

— Не иначе, новую карательную экспедицию готовят, — говорил Васильев, читая донесения с мест и нанося на карту условные знаки.

Что будет с краем? Удастся ли его отстоять? Как сложится судьба защитников «советского острова»? — эти вопросы тревожили командование бригады.

«Ничего, — успокаивал себя комбриг. — Отряды теперь выросли. Школу прошли большую. Есть кому защищать край».

А у партизанских границ уже заскрежетали гусеницами фашистские танки, зашумели вездеходы. В злобе и ярости вражеские летчики продолжали жечь с воздуха села и деревни. Обстановка все более накалялась.

Наиболее опасное положение по-прежнему было в районе действий 3-го полка. Именно там нависла угроза вражеского вторжения на территорию края. Несколько пограничных деревень оказалось в руках карателей. Фашисты прижимали партизан к Шелони. Командование бригады, как уже упоминалось, приняло решение усилить 3-й полк, подбросить ему подкрепление. С этой целью 1-й бригаде и некоторым отрядам, находившимся на южных границах края, было приказано передислоцироваться. Ночью они снялись со своих прежних позиций и к утру прибыли в Серболовский лес. Отсюда им предстояло совершить еще один переход — в район Железницы, Острого Камня и Хохлова.

...В бригадной землянке не осталось свободного места. Кроме постоянных ее обитателей здесь находились работники штаба и политотдела, а также вызванные Васильевым командиры 1-й и 5-й бригад Никита Буйнов и Юрий Воронов. Тут же оказался и командир 3-го полка Николай Рачков: он приехал в бригаду, чтобы лично доложить о делах в полку и принять здесь совместное решение. Чтобы легче было обсуждать тактические и оперативные вопросы, Рачков взял с собой начальника штаба полка Василия Ефремова. Прибыл с ними и Никифор Синельников, командир отряда «Буденовец». Он стоял в белом полушубке, разгоряченный, розовощекий, весело прищурив глаза. Рачков выглядел усталым. Глубоко залегли морщинки на его осунувшемся лице.

Со стола, словно скатерть, свисала полевая карта. Водя по ней кончиком трубки, комбриг рассказывал о сложившейся обстановке.

Край протянулся на десятки километров. На севере его пограничным селом было Тюриково, на востоке — Яблоновка, на юге — Ратча и на западе — Городовик.

Но боевая деятельность бригады не ограничивалась этой зоной. Шесть районов: Дедовичский и Белебелковский, Дновский и Ашевский, Солецкий и Поддорский — находились под постоянным воздействием партизан.

Связные бригад и полков привозили неутешительные вести. Немцы продолжали блокировать край, рвались к основной дороге, ведущей из Чихачева на Старую Руссу. Партизаны предпринимали контратаки. Бои начинали принимать позиционный характер. Вокруг края создавалась линия обороны. Главным барьером служила Шелонь.

— Итак, мы вступаем в новый этап борьбы, — начал комбриг. — Фашисты на наших северо-западных и западных границах перешли к активным действиям. Они задались целью захватить дороги, идущие к фронту, ликвидировать наш край. А мы должны удержать его!

Васильев показал на карту, где жирным красным карандашом был вычерчен крупный овал. Слева границы края примыкали к участку железной дороги Чихачево — Дно, вверху касались железнодорожного пути Дно — Старая Русса.

— Это не только наше решение, — продолжал Васильев. — Такую задачу поставил перед нами и Военный совет фронта. Сергей Васильевич! Зачитай приказ!

Помощник начальника штаба Сергей Рябов встал, одернул гимнастерку, четко, по-военному прочитал:

МОЛНИЯ.

Асмолову, Васильеву, Орлову.

Не допустить немецкие войска в партизанский район и уничтожить их... Военный совет требует от вас немедленной решительной активизации действий... Удержите за собой дорогу Чихачево — Старая Русса. Усилиями всех партизанских бригад под вашим руководством должен быть очищен и удержан во что бы то ни стало район Кривицы — Зюлема — Белебелка — Гойки — Красные Нивки — Михалкино — Боровая — Высокое — Ратча — Шабаново — Дудино — Савостин Остров — Точки — Кряжи. О принятых мерах донести.

Ватутин.

Это была одна из сотен радиограмм, которые получало командование бригады из советского тыла. Радисты, сменяя друг друга, дежурили круглые сутки, принимая сообщения с той стороны и посылая ответы и запросы партизан.

— Задача ясна? — Комбриг обвел собравшихся внимательным, пытливым взглядом. — Мы разослали при-

каз всем бригадам, полкам и отрядам. Каждому определили задание. Главное в этой обстановке — не дать немцам собрать свои силы в один кулак. Надо не ждать, а выслеживать врага и нападать самим! Брать инициативу в свои руки. И не теснить карателей, а уничтожать. Мы должны сорвать замыслы врага! Штаб бригады разработал крупную операцию. Она намечена на ближайшие дни. Под ударом окажутся сразу четыре фашистских гарнизона.

Комбриг снова склонился над картой.

— А положение у нас таково. На юге, как вы знаете, каратели подступают к озеру Полисто. Там их удерживает полк Скородумова. На севере, на рубеже Чернево — Должино — Морино, стоит пятая бригада. Она держит под контролем большой участок дороги Чихачево — Старая Русса.

— Что еще от нас требуется? — сухо спросил командир 5-й бригады Юрий Воронов.

— Оседлать дорогу! Сейчас ничего нет более важного. Этого требует от нас фронт, — резко ответил Васильев и продолжал: — Тяжелее всего в третьем полку, у Рачкова. Туда был направлен начштаба Головай. Он докладывал, что противник всеми силами стремится захватить дорогу и выйти в район Углы — Броды — Хохлово. Около трехсот немцев вступили в Пустошку и Северное Устье. Сегодня Рачков рассказал, что началось наступление новой группы карателей. Они подошли со стороны Дедовичей, с ходу заняли Каруево и Раслово и теперь атакуют Красные Нивки и Лемтихово, пытаясь смять наше боевое охранение. В Ясских установлены тяжелые орудия. Они ведут интенсивный обстрел занятых партизанами деревень. Под огнем оказались Точки, Лемтихово и Подмошье. Деревни горят. Вот что происходит в нашем Партизанском крае! Мы каждый день докладываем обстановку командующему фронтом Курочкину и начальнику штаба Ватутину.

Васильев повел глазами по лицам сидящих, остановил взгляд на капитане Буйнове. Тот встал. Вытянулся, приготовился выслушать боевое задание.

— Мы приняли решение усилить этот участок, — продолжал комбриг. — Ждем бригаду Лучина, скоро должна подойти. А сейчас возвращаем на свои прежние рубежи второй полк Скородумова и все отряды вашей первой бригады. Сегодня же ночью это пополнение направляем в расположение третьего полка. Готовы к переходу, Никита Петрович?

— Так точно, товарищ комбриг! — отчеканил Буйнов. — Отряды стоят в Серболовском лесу. Ночью совершим марш в Хохлово.

— Тебя с бригадой хотели отослать в Батецкий район. Но Асмолов отстоял. Военный совет согласился с ним. Идешь на Чихачевскую дорогу. Как с боеприпасами?

— Плохо. На один бой осталось.

— Удивительно, почему перестали летать самолеты? — вступил в разговор Орлов. — Асмолов три дня сидел на Краснодубском озере, все не мог вылететь.

— Начштаба! Запиши радиограмму.

Комбриг тут же продиктовал текст:

МОЛНИЯ.

Ватутину, Тужикову.

Нам неизвестно, почему нет самолетов. Боеприпасов осталось на один бой. Шлите 100 тысяч винтовочных, 50 тысяч к ТТ и 20 тысяч парабелловских патронов.

Васильев, Орлов.

— Зато вражеские самолеты нам житья не дают, — с горечью сказал Рачков. — Каждый день бомбят и обстреливают. Ни один самолет так не пролетит. Особенно транспортники усердствуют. Совсем обнаглели.

— Об этом мы с комиссаром уже сообщили Ватутину и Тужикову. Передали, что в нашем районе каждый день загорается десять — пятнадцать деревень. Просили вмешаться. Пусть бы наша авиация порасчистила небо над Партизанским краем.

— И еще одна новость, — добавил Орлов. — Договариваемся с авиацией о совместных действиях. Нацелились на немецкий гарнизон Чернево. Просим его разбомбить. А то фашисты в нем так укрепились, что нам одним выбить их оттуда нелегко. Летчики сверху его накроют, а мы снизу добьем. Так, как было в Белебелке.

— Это здорово! — Рачков даже привстал, выражая свое удовлетворение.

— Высказали и такую просьбу, — снова заговорил комбриг. — Фронт у нас огромный. Вон какие просторы в наших руках! — Васильев приподнял со стола широкое полотно карты. — Многие отряды действуют за сто с лишним километров от штаба. Управлять на таком расстоянии крайне тяжело. Мы запросили центральную радиостанцию. Вот тогда дело пойдет лучше.

— Николай Григорьевич! — Рачков склонился к уху комбрига. — Я надеюсь, что на моем участке все отря-

ды будут подчинены мне? Когда на одном клочке два хозяина, сами понимаете...

— Понимаю, — не глядя на Рачкова, проговорил Васильев. — Не будет двух хозяев. На территории Партизанского края есть один хозяин — штаб второй бригады. Ему и будете подчиняться и вы, и Буйнов. В равной степени.

Рачков недовольно поморщился: «Опять сорвался! И надо же было сунуться со своим предложением».

— Но и тебе многое добавляется, — продолжал Васильев, уже перейдя на «ты». — Те отряды, что пришли из советского тыла, мы передаем в твое полное распоряжение.

— Спасибо!

— Но гляди, Николай! Отбрось свои привычки. Во всем держи дисциплину и порядок. Помни: ты — командир полка! Тебе вверена судьба сотен людей. И каких людей! Самых верных, готовых жизнь отдать за победу. Сумей ценить их. Врагов надо бить, и бить нещадно, уничтожать их, как бешеных собак. А своих людей беречь. Каждым человеком дорожить. Сумеешь?

— Да ведь я не новичок в этих делах, товарищ комбриг, — обидчиво сказал Рачков. — Кажется, никогда бригаду не подводил. И людьми не разбрасывался, не кидал их в огонь. И сам немцам спины не показывал.

— Вот и хорошо! А теперь иди, принимай новые отряды. Приглядись к ним. И сам покажись. Пусть знают своего командира.

Оставшись втроем, Васильев, Орлов и Рябов заготовили еще одну радиограмму, с тем чтобы радисты могли передать ее за время их отсутствия, как только связной привезет донесение о новой дислокации отрядов.

Курочкину, Ватутину.

1-я бригада и 3-й полк седлают Чихачевскую дорогу. Наши засады действуют в районе Ясски — Северное Устье — Чернево с задачей уничтожения противника на подступах к дороге Чихачево — Старая Русса. 5-я бригада парализует врага в районе Чернево — Должино — Морино.

Васильев, Орлов, Головай.

Трезво оценивая обстановку, Васильев и Орлов уверенно смотрели вперед. И хотя в Партизанском крае не смолкали бои с карателями, перехватывались дороги, строились оборонительные сооружения, совершались рейды в глубокий тыл, они считали, что всего этого было

уже мало. Командование бригады намечало пути новых походов.

— Будем думать о выходе наших полков на запад,— говорил комбриг.— Край наш собрал много сил. Есть возможность развернуться. Ты прав, Сергей! Скоро пойдем слушать плеск Чудского озера и шум Сорокового бора,— повторил Васильев слова, сказанные когда-то Орловым.— А сейчас — в третий полк! Собирайся, комиссар! Поедем вместе с отрядами. Чтобы не дразнить авиацию, будем двигаться ночью.

...Вечером на просеке выстроилась колонна партизан. То ли еще не улеглись вчерашние волнения, то ли людьми уже овладело новое беспокойство за судьбу края, границы которого обложили каратели, но что-то явно взбудоражило партизан. Это чувствовалось во всем.

Провожать партизан вышли работники штаба и политотдела, свободные от дежурства радисты. Александр Майоров давал какой-то наказ Дмитрию Дербину, отъезжавшему в полк. Острым глазом вглядывался в лица стоявших в строю бойцов партизанский скульптор Лука Барбаш. Он только что освободился от должности заведующего складом, передав материальные ценности вновь назначенному на его место Пятницкому, и теперь стал свободным художником. Задержался, не выехал в 5-ю бригаду и редактор газеты «Дновец» Иван Шматов. Командование его бригады — Юрий Воронов и Матвей Тимохин — тоже оказалось на лесной просеке.

Я стоял рядом с Костей Обжигалиным. Одному из нас было предложено отправиться в 3-й полк. Выбор пал на меня.

Не стерпел, прибежал на просеку и Вася Толчишкин. Он был в полном снаряжении, словно тоже собрался в поход. Стеганая фуфайка, из-под которой виднелся шерстяной свитер, была застегнута на все пуговицы. За ремнем — две гранаты-лимонки.

— Ну, держитесь, фрицы! — погрозил кулаком Толчишкин.— Раз Иваны пошли, добра не ждите.

Завидуя отъезжающим, Вася начинал подтрунивать над теми, кто попадал ему на глаза. А знал он на удивление многих.

— Эй, Миша! Сядь прямо. А то согнулся, как рысь перед прыжком... Федя! Замени шапку. Она у тебя на воронье гнездо похожа...

Вроде бы и привык Толчишкин к жизни в лесной типографии, а увидел уходящих партизан и опять затосковал.

«И мне бы с ними.. Вместе.. То ли дело!» — думал Вася.

— Константин Петрович! — повернулся Толчишкин к Обжигалину. — Сколько просить можно. Отпустите в часть.

— Мы не можем рисковать печатником, — спокойно ответил Костя. Потом добавил: — И весельчаком. Без тебя закиснем.

— Ну, ладно! Я вам еще устрою концерт. Только будете ли довольны.

Не мог Вася предположить тогда, что не так уж долго придется ему стучать печатной машиной. Обстановка изменится настолько, что и он, лишившись типографской техники, вместе со всеми встанет в строй то атакующих, то обороняющихся партизан. Еще не раз партизанский печатник проявит мужество в бою, а потом и сам окажется на грани жизни и смерти...

Васильев неторопливо прохаживался вдоль рядов, прижавшихся к темной громаде леса. У бойцов загорались глаза, когда они видели высокую стройную фигуру Васильева. Без команды вытягивались в струнку, брали равнение на комбрига.

— Ну как, орлы? Готовы к встрече с врагом? — улыбаясь, спросил Васильев.

— Готовы! — ответил дружный хор голосов.

— Ждать, пока нападут, не будем. Сами пойдем на врага. Верно, товарищи?

— Верно! — загудела лесная просека.

Васильеву нравились выправка и чеканный строй партизан. Разве такими видел он их в сорок первом? Неумелые, несобранные, разношерстные. Теперь перед ним стояли подтянутые, возмужавшие, опытные воины.

— Бои предстоят жаркие, — откровенно говорил комбриг. — Готовьте себя к ним. Крепите товарищество и выручку. Держитесь друг за друга. Локоть к локтю, плечо к плечу. Это должно стать правилом.

Он еще раз оглядел строй. Перед ним стояли сотни людей, чьи судьбы вверены ему. Завтра они бросятся в бой. И, может быть. некоторые из них последний раз видят над собой прохладное звездное небо и вдыхают аромат соснового бора.

Ветер не унимался, щелкал полами плащей и шинелей. То шапку сорвет, то сверху комом снега ударит.

Я отошел в сторону, на обледенелый холм, откуда хорошо были видны фигуры командиров. В поле моего зрения попадали то раскуривающий трубку Васильев, то о

чем-то спорящий с Рачковым Орлов, то медленно расхаживающий Майоров.

«Комбриг-то и впрямь на Дзержинского похож, — вспомнил я слова Павлова. — Даже по внешнему виду».

Мне доставляло большое удовольствие любоваться своими боевыми товарищами, старшими по возрасту и положению. В трудные для Родины дни они нашли в себе душевную силу и мужество, стали во главе народной борьбы в тылу врага. Уже тогда я понимал, каким тугим узлом свяжет меня дружба с этими людьми. Дружба, равную которой вряд ли можно встретить в мирные годы.

Вдруг я увидел в строю Осокину. Она стояла с автоматом на плече и чему-то еле заметно улыбалась. На порозовевших щеках мягко проступали ямочки.

— А Осокина здесь зачем? Тоже пойдет с нами? — увидев разведчицу, спросил у Васильева Рачков.

— Да. Она там будет очень нужна. И как разведчица, и как переводчик. В ходе боев наверняка будут пленные. А Осокина в совершенстве владеет немецким языком. Ты слышал, как она ходила в Северное Устье?

— Слыхал. Даже не поверил.

Командирам подвели коней. Уже сидя в седле, похлопывая по крупу свою любимую Фреску, Васильев еще раз обратился к Рачкову:

— Сил тебе дали много. Как теперь? Справишься?

— Или грудь в крестах, или голова в кустах!

— Я не о том. Мне твоя лихость известна. Ты скажи: сумеешь удержать дорогу?

— Удержу! Носа не сунет немец! — ответил Рачков.

— Вот это другой разговор.

Любил Васильев смелых людей. За смелость он любил и Павлова. Особенно после того, когда побывал с ним в бою, увидел, как мужественно и лихо, забыв обо всем, носился Павлов по полю боя, увлекая за собой партизан. Наблюдая за Павловым, можно было с полным правом сказать: «Есть упоение в бою!»

Послышалась короткая команда:

— Шагом арш!

Колонна зашевелилась, задвигалась. Захрустел зачерствевший от мороза снег. На впадинках под ногами идущих партизан с треском лопался свежий ледок. Лязг оружия, ржанье и храп коней дополняли этот походный шум.

Впереди верхами ехали бригадные командиры. Лошади, сдерживаемые всадниками, шли коротким шагом,

словно топчась на месте. За верховыми двигались пешие, обоз. Погромыхивали колесами трофейные пушки, позвякивали на подводах пулеметы.

Отряды на марше! Что-то величавое, могучее, торжественное было в этом, казалось бы обычном, переходе партизан на другой участок боевых действий.

Солнце уже давно скатилось за верхушки деревьев. На весеннем ветру протяжно шумели сосны.

Партизаны были в самом центре своего края. До вражеских гарнизонов было еще далеко. Кто-то запел:

В небе зорьки огневые
Разгорались по ночам...

Его поддержали другие:

Шли отряды боевые
Псковичей и порховчан.

Потом хором грянули припев:

Трещат тылы немецкие
По всем по швам.
Бригада молодецкая
В поход пошла.

Васильев уже загорался предстоящим боем. Мысленно он представлял, как это будет происходить. На Кипино поведут народных воинов Никита Буйнов и Павел Скородумов. На Большой Клинец двинется третий полк под командованием Николая Рачкова. На Большую и Малую Зуевку налетят отряды Юрия Воронова. Четыре вражеских гарнизона окажутся в окружении. Ровно в два часа ночи сразу в нескольких местах загрохочет стрельба, заговорят все виды огнестрельного оружия. Могучая сила партизанского огня обрушится на врага.

Застигнутые врасплох, каратели будут метаться по ночным деревенским улицам, а партизаны навалятся всей своей мощью и разобьют сразу четыре фашистских гарнизона. Должны разбить! Комбриг был уверен в успехе. Но он не знал, не мог знать, какой урон будет нанесен врагу, каким будет сообщение об этой операции, которое на другой же день полетит в виде радиограммы в Ленинград и Валдай. Забегая вперед, скажем: хорошее сообщение! Отличное! Вот оно:

Никитину, Асмолову, Гордину.

Силами 2-й партизанской бригады во взаимодействии с 1-й и 5-й бригадами 5 апреля в два ноль-ноль совершен налет на гарнизоны противника в Кипино, Большой Клинец, Малая

и Большая Зуевка. Уничтожено 783 гитлеровца, в том числе много офицеров и один подполковник. Партизаны дрались геройски.

Васильев, Орлов, Головай.

6. 4. 42 г.

Но все это было еще впереди. А сейчас отряды шли и шли к намеченной цели. Из задних рядов снова донеслись слова песни. Они были бодрые, уверенные и совпадали с настроением командования и партизан, направлявшихся сейчас на самый ответственный участок партизанского фронта.

И врагу не удержаться,
Коль пошли против него
Партизаны-ленинградцы
Из бригады В. и О.

Над станцией Дно цветным фонтаном рассыпался пучок ракет. Вскоре послышались глухие отдаленные взрывы бомб. Это наша авиация совершала очередной налет на крупный железнодорожный узел, выводя его из строя.

— Шире шаг! — крикнул комбриг. — Передайте по цепи! Рассвет близко.

Отряды задвигались быстрее. Еще громче затрещала под ногами ледяная пленка, которую набросил мороз на распустившиеся за день лужи.

...Ночь была на исходе. Близился рассвет. Извилистая цепочка партизан втягивалась в лес.

Дрогнула, качнулась и начала медленно таять предутренняя мгла. По верхушкам деревьев скользнули первые голубоватые проблески. Начинало светлеть небо. На его фоне отчетливо проступила темная громада леса.

Колонны партизан в четком энергичном марше продолжали свой путь.

Утро еще не наступило...

Оглавление

...кцией *Л. И. Маляков.* Редактор *П. Г. Осокин.* Художник ... Художественный редактор *И. З. Семенцов.* Технический ...*. В. Буздалева.* Корректор *Ю. П. Порошина*

2720

... в набор 20.06.84. Подписано к печати 17.10.84. ТЖ-00709. Формат ...×108¹/₃₂. Бумага типограф. № 3. Гарн. обыкн. нов. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,60+вкл. Усл. кр.-отт. 15,55. Уч.-изд. л. 14.07+0,72=14,79. Тираж 65 000 экз. Заказ № 490. Цена 55 коп.

...рдена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фон...ка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володар... Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.